

ДЖАСТИН КОЛЛ

МАСТЕР
АРТЕФАКТОВ

МОЛЧАЛИВЫЕ БОГИ. КНИГА 2

Джастин Колл
Молчаливые боги.
Мастер артефактов
Серия «Звезды новой фэнтези»
Серия «Молчаливые боги», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68275807
Джастин Колл. Молчаливые боги. Книга 2. Мастер артефактов:
Азбука, Азбука-Аттикус; СПб; 2022
ISBN 978-5-389-21960-1

Аннотация

Аннев де Брет, воспитанник таинственной Академии, скрытой от глаз непосвященных, не такой, как все, но скрывает это, иначе невозможно жить в мире, где магия под запретом, а все артефакты хранятся под замком. Ему дарована высшая сила, но он еще не умеет контролировать ее и думает лишь об одном: как удалить проклятый артефакт, слившийся с его телом? Аннев надеется, что в Лукуре, огромном городе, найдется мастер, который ему поможет. Но чем придется расплатиться за это? И как забыть Маюн – девушку, которую он любил и в чьей страшной гибели был виновен?..

Пока Аннев борется со своей магией, его давний враг и соперник Фин, объединившись со старыми врагами и новыми союзниками, ведет тайную войну против коррумпированных гильдий Лукуры в надежде создать свою собственную преступную империю...

Тем временем Маюн, выжив в подземном лабиринте, стала ученицей призрачного мага, лучшего ассасина павшего бога Кеоса. Маг обещает, что поможет ей найти и убить того, кто ее предал...

Вторая книга из цикла «Молчаливые боги».

Впервые на русском!

Содержание

Кратко о предшествующих событиях	12
Пролог	17
Часть 1	27
Часть 2	267
Конец ознакомительного фрагмента.	307

Джастин Колл

Молчаливые боги. Книга

2. Мастер артефактов

Justin T. Call

MASTER ARTIFICER

Copyright © Justin Travis Call, 2021

All rights reserved

© Е. И. Клипова, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Джастин Колл окончил Гарвардский университет в 2012 году со степенью магистра литературы и творческого письма. И это по призванию!

«Я сочиняю истории с пяти лет и записываю их с десяти», – рассказывает он о себе. «Моя цель состояла в том, чтобы написать жанровую фантастику, которая была бы одновременно «литературной» и «коммерческой» (два дескриптора, которые многие считают противоречащими друг другу)» (Justintcall.com). Писатель живет вместе со своей семьей

в Парк-сити, штат Юта. Помимо литературных занятий и чтения Джастин пробовал свои силы в написании сценариев. Он любит бокс. Профессионально разрабатывает настольные игры и с увлечением играет в «Лигу легенд».

* * *

«Мастер артефактов» – масштабное и смелое продолжение во всевозможных смыслах: Джастин Колл поднял своих «Молчаливых богов» на новые высоты благодаря «информационному взрыву», миропостроению и его впечатляюще мрачным характеристикам.

Novel Notions

Колл создал редкое сочетание новаторского сюжета, аутентичных персонажей и тонко проработанного, разнообразного мира, поднимая планку эпической фэнтези на новую высоту.

Fantasy Book Review

Серия «Молчаливые боги» – это «колесо времени» для нового поколения. Искусная инверсия путешествия героя, которое происходит в яркой, тщательно продуманной обстановке. Джастин Колл – автор, заслуживающий внимания!

The Cyberbard

Эта история окрашена надеждой. Захватывающе.

Захватывающе!
Grimdark Magazine

* * *

*Посвящается Коко. Без твоих жертв не было бы
моих побед*

* * *

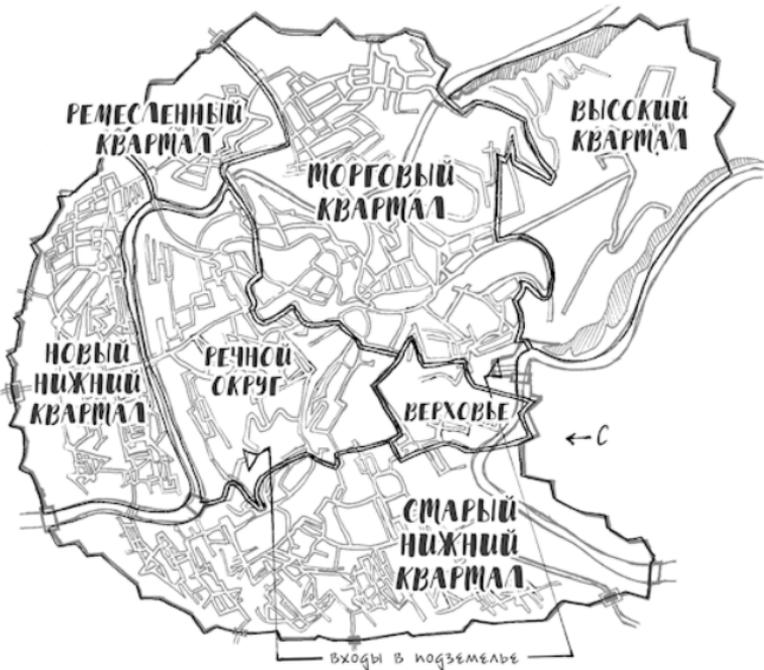
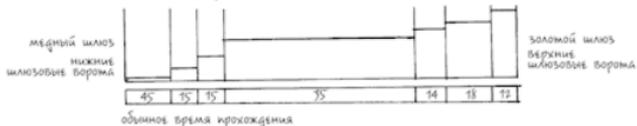
Когда Кеос Третий восстанет во славе своей и с лика
Лукватры
сметет самозванных царей.
Помните знаки, что скажут вам, кто перед вами:
Длань Кеоса носит Он вместо руки и знак на груди –
клеймо
Его злейших врагов,
Его одеяние – кровь верных слуг и кости народа Его,
Пусть наследует Он сыновьям бога Одара и дочерям
Люмеи,
Чиста Его магия, не расщеплен Его дух.
Бдите, дети мои,
Ибо когда вновь Он восстанет —
То одарит милостью верных, покарает мятущихся,
И магия тех, кто вызов осмелится бросить Ему,
Против них же самих обернется.
Избавитель наш и Разрушитель.
Творец артефактов.
Темный властелин.
Возрожденный Кеос.

Безбожники и падшие. Отрывок из Книги Терры

ЛУКУРА

Профиль шлюзов Лукуры согласно королевскому указу
средний уровень в период лемней межени

- мост
- частичные ворота
- малые ворота
- городские ворота
- шлюзовые ворота
- стена
- дорога
- обрыв

Кратко о предшествующих событиях

Многие годы Аннев де Брет, служитель Академии Шанбалу, безуспешно борется за титул мастера-аватара. Ежедневные тренировки в Академии он совмещает с работой в часовне, помогая своему наставнику – священнику Содару.

Во время последних состязаний за желанный титул перед Анневом встают два сложнейших вопроса, от ответа на которые зависит его будущее. Должен ли он всецело довериться Академии, а значит, отвергнуть все, чему учил его Содар? Стоит ли ему действовать заодно с друзьями или предать их, сосредоточившись на собственном успехе?

Ни один путь не обходится без препятствий или сюрпризов.

Выполнив особое поручение, которое дает ему глава Академии старейший Тосан, Аннев неожиданно для самого себя становится мастером-аватаром и тут же получает свое первое задание: отправиться в город Банок и выкрасть магический артефакт из частной коллекции. В помощь ему Тосан дает его давних врагов: отпетого хулигана Фина и Кентона, который когда-то предал Аннева и его друзей и к тому же испытывает чувства к возлюбленной Аннева – Маюн.

Забыв на время о разногласиях, мальчишки объединяют-

ся против своего врага – купца Янака Харта, владеющего жезлом принуждения. Прикованный к инвалидному креслу, Янак держит в подчинении не только всю прислугу, но и городских стражников, которые по его приказу бросаются на аватаров. После долгой напряженной борьбы нашим героям удается завладеть артефактом – но его тут же крадет у них внезапно появившаяся Содья Рокас. В кабинете Янака начинается пожар. Фин бросается в погоню за воровкой, а Кентон сбегает в надежде, что Аннев, его давний соперник, погибнет в огне.

Не в силах высвободиться из кандалов, в которые его заковала Содья, Аннев вынужден снять магический протез, с рождения заменявший ему левую руку, и бросить его в кабинете вместе с остальными артефактами. Свою волшебную руку Аннев всю жизнь прятал под перчаткой, ведь иначе Академия прокляла бы его за использование артефакта и владение магией и приговорила к смерти. Перед Анневом снова встает дилемма: он может покинуть Шаенбалу вместе с Содаром – но тогда о службе аватара и о Маюн придется забыть навсегда – или же остаться. Но поскольку появиться в Академии одноруким ему никак нельзя – увечье в Шаенбалу тоже карается смертью, – придется вторгнуться в Проклятое хранилище и отыскать там еще один протез-артефакт. Решив до конца бороться за свою мечту, Аннев выбирает второй вариант.

Благодаря волшебному эликсиру Содара Анневу удастся

сбежать от призрачного убийцы и добраться до Шаенбалу раньше Фина и Кентона. Дома Аннев сооружает фальшивую руку, набив соломой свою старую перчатку, проникает в подземные туннели Академии, где встречает Маюн, и та помогает ему преодолеть ловушки на пути к Хранилищу. Но в тот самый момент, как они оказываются на пороге Хранилища, Маюн обнаруживает, что рука ненастоящая. Потрясенная обманом, она оглушает Аннева.

Юноша приходит в себя в тюремной камере. Древний Тосан, который является отцом Маюн, устраивает ему допрос, требуя признаться в том, что Аннев – сын Кеоса и владеет магией. Допрос прерывает вторжение монстров: на Шаенбалу, преодолев неведомым способом магический защитный барьер, нападают феуроги – люди, тела которых состоят из металла и камня. Тосан оставляет Кентона сторожить Аннева, но узник ослепляет своего стража, плеснув ему в лицо странной жидкостью, и, заперев в камере, сбегает. Аннев пробирается в Проклятое хранилище и вооружается различными артефактами, чтобы сразиться с монстрами и спасти Шаенбалу.

Выбравшись из подземелья, он объединяется со своими друзьями и давним врагом Фином, и вместе им удается остановить феурогов. Однако теперь у Аннева появился новый враг – встретившийся ему возле стен Банока призрачный маг Ойру, лучший ассасин павшего бога Кеоса.

Слаженные действия мальчишек вынуждают Ойру отсту-

пить. Он прыгает в колодец, который тут же обрушивается, не давая ассасину выбраться на поверхность. Однако вместо благодарности древний Тосан, Маюн и оставшиеся в живых мастера и древние проклинают Аннева. Тосан стремится уничтожить его, используя артефакт – темный жезл пламени Кеоса, но Содар с Анневом успевают укрыться за магическим воздушным щитом. Под натиском огня щит лопается, и Содар погибает. Аннев выживает благодаря имеющимся у него артефактам, а когда и они начинают поддаваться огню, засовывает увечную руку в мешок Содара в надежде найти там хоть что-нибудь, способное ему помочь. Вынув руку, изумленный Аннев видит на ней проклятый артефакт, выкованный самим падшим богом, – Длань Кеоса. Обезумев от горя и отчаяния, Аннев сжигает Тосана вырвавшимся из руки столбом огня и едва не убивает и Маюн, но девушка падает в разверзнувшуюся у ее ног бездну.

Битва окончена, Шаенбалу лежит в руинах. Аннев с друзьями решают отправиться в Лукуру, чтобы начать новую жизнь. К ним присоединяются кузнец Шраон, который, как оказалось, был тайным союзником Содара, и мастер Брайан – бывший управляющий Академии. Шраон вызывается быть проводником, так как хорошо знает дорогу. Аннев соглашается: снять Длань Кеоса ему не удалось, и он надеется, что в Лукуре найдется мастер, который ему поможет. Брайан, исследуя развалины Академии, находит записку, из которой становится очевидно: феурогов в Шаенбалу впустили знаю-

щие жены, потому что «сосуд» – Аннев – найден.

Группа покидает Шаенбалу. Тем временем Ойру бродит по лабиринту подземных туннелей Академии. Там он замечает Маюн, окруженную феурогами. Чудовища пытаются облить ее обезображенное ранами лицо магической жидкостью – *аклумерой*, – и она жестоко расправляется с монстрами. Ойру предлагает девушке, терзаемой гневом и отчаянием, стать его ученицей. Взамен он дает ей маску, способную исцелить ее раны, и обещает, что поможет найти и убить того, кто ее предал.

Пролог

Дверь с грохотом захлопнулась. Кентон услышал, как задвинулся тяжелый засов и ключ со скрежетом провернулся в замочной скважине.

– Айнневог! – Кентон бросился на дверь, бешено молотя кулаками по холодному металлу. – Чтоб Кеос спалил твои кости! Я убью тебя, слышишь? Я тебя убью, как только увижу!

Жжение в глазах становилось все сильнее. Что за проклятую жижу Аннев плеснул ему в лицо? Кентон отшатнулся от двери и принялся с силой тереть глаза – но сделалось только хуже.

– Айнневог! – Ослепленный приступом чудовищной боли, Кентон рухнул на каменные плиты.

Он скреб лицо, царапал веки, тщетно пытаясь вытащить невидимые раскаленные кинжалы, которые с каждой секундой все глубже ввинчивались в глазницы. Прошло несколько мучительно долгих минут, но облегчения не наступало.

Навернувшиеся слезы огнем опалили глазные яблоки. Кентон зарыдал навзрыд, умоляя о пощаде, но боль все глубже просачивалась в череп, прожигая себе путь, словно кислота.

Кентон закричал. Вконец обезумев от страданий, он рванул по векам окровавленными ногтями – и содрал кусочки

плоти так просто, словно они состояли из расплавленного воска. Новая вспышка боли потонула в океане агонии. Кентон впился пальцами в глазное яблоко, одержимый одной лишь мыслью: вырвать из головы эту боль, выдернуть сам ее эпицентр. Даже сейчас, когда разум его был помутнен, Кентон затрясся от ужаса, осознавая, что он собирается сотворить. Но лучше лишиться глаз – лучше вовсе умереть! – чем чувствовать, как голову медленно разъедает кислота.

Приготовившись к новому взрыву боли, Кентон собрался глубже вонзить скользкие от крови пальцы в глазницу... как вдруг замер. Вместо податливой ткани под кончиками пальцев ощущалась твердая стеклянно-гладкая поверхность.

«Что с моими глазами?..» Кентон вздрогнул, мышцы лица машинально дернулись, как при моргании, но моргать было нечем. Не веря самому себе, он снова ощупал глазные яблоки. Да за что ему это?.. Он стал уродом, чудовищем, обреченным до конца жизни взирать на мир выпученными стеклянными глазами без век... Однако едва он успел об этом подумать, как до его сознания дошел еще один факт: боли больше нет.

Кентон резко втянул ртом воздух и облегченно выдохнул. Потом снова осторожно потрогал новые глаза. Как ни странно, они совершенно не нуждались в увлажнении. Кентон снова попробовал моргнуть, на этот раз намеренно, но теперь само это действие показалось ему ненужным и даже неестественным.

«Будь ты проклят, Аннев. Что ты со мной сделал?.. И что ты сам сделал с собой?» Кончиками пальцев он провел по остаткам век: лоскутки плоти высохли и огрубели, а кожа вокруг глаз затвердела и стала словно чужой. Почти такими же на ощупь, разве что чуть более мягкими, оказались брови и скулы, а вот лоб, нос, губы и щеки остались прежними. Шрам на щеке никуда не делся – жидкость попала только в глаза, – но об этом не стоило беспокоиться: глаза, лишенные век, наверняка выглядели намного кошмарнее любых шрамов.

Кентон осторожно очистил глаза от остатков крови, причем вопреки страху не почувствовал и намека на боль. Даже отсутствие век его больше не беспокоило. Он оглядел пустую камеру, поражаясь, что вообще в состоянии хоть что-то видеть. Однако зрение действительно вернулось к нему и, более того, с каждой минутой становилось все острее.

«Кеос тебя подери, Аннев! Что же ты со мной сделал?» Еще с минуту Кентон посидел на полу, растравляя собственные раны, но потом все же заставил себя подняться на ноги.

В потолке, в самом углу камеры, он заметил ржавый люк. «Слишком хорошо, чтобы быть правдой», – подумал Кентон, но все же решил попытать удачу. Он поднялся по высеченным в камне ступенькам и, оказавшись под люком, с силой надавил на крышку. Та даже не скрипнула. Тогда он поднялся чуть выше, уперся в нее плечами и снова попытался приподнять. Безрезультатно. Может, она уже безнадежно проржавела, а может, была закрыта на засов с другой стороны –

кто знает, да и какая разница.

Кентон повернул голову, чтобы еще раз взглянуть на люк в потолке, и только сейчас увидел сочащуюся по его краям мерцающую субстанцию. Пока он зачарованно глядел на светящиеся ручейки, его начало затягивать в воронку красок, образов и ощущений: вокруг него вспыхивали изумрудные и фиолетовые огни; он чувствовал холодное дыхание приближающейся зимы, которое смешивалось с жаром расплавленного металла. Внезапно перед его взором замелькали призрачные лица. Кентон резко отпрянул от страшного видения, потерял равновесие и упал с лестницы, больно ударившись локтем и затылком о каменный пол.

«Чтоб мне в бездну провалиться! – выругался Кентон, неуклюже растирая ушибленные места. – Что это было? Призраки?.. Призраки с детскими лицами?»

Он встряхнулся, пытаясь прийти в себя.

Проклятье, как же все это странно.

Кентон снова протер свои стеклянные глаза, твердо пообещав себе, что больше к разноцветной жидкости и близко не подойдет. Чувствуя себя совершенно разбитым, он с тоской уставился на дверь. Вскоре картинка перед глазами помутнела. В очередной раз обругав Аннава, Кентон сфокусировал зрение, но через пару мгновений вновь ничего не смог разобрать из-за тумана. Однако туман тут же рассеялся, и Кентон увидел... пустой коридор подземелья.

Серебряные посохи, быть того не может!

Испытывая почти благоговейный восторг, Кентон встал и дотронулся до прозрачной двери. Ладонь легла на твердую шероховатую поверхность. Тогда Кентон сосредоточил взгляд на руке. Дверь приобрела прежний вид, а вот рука... сквозь кожу проступили кости, кровеносные сосуды и сухожилия. Пока Кентон потрясенно рассматривал руку, его взор проник сквозь нее, а затем и сквозь дверь, и юноша снова увидел коридор. Невероятно! Кентон убрал ладонь: на мгновение стена перед ним вновь материализовалась, а затем опять растворилась в воздухе. Ему даже захотелось пару раз моргнуть, чтобы проверить: не чудится ли ему это?

«Я могу видеть сквозь предметы, – думал Кентон, не в силах до конца поверить в свои новые способности. – Могу видеть сквозь стены... сквозь саму землю».

Интересно, как глубоко он может заглянуть? Кентон опустил голову. Уже через несколько секунд он рассматривал камеру уровнем ниже. Ее состояние говорило о том, что она стоит заброшенная уже очень много лет, и это навело Кентона на мысль: возможно, никто даже не догадывается, что в подземельях Академии существует еще один уровень. Взгляд прошел сквозь пол, под которым, как бы Кентон ни всматривался во тьму, не оказалось ничего, кроме сырой земли и твердой породы.

Тогда Кентон снова принялся изучать тюремный коридор. Он ясно увидел ступени, ведущие наверх, однако, куда именно они вели, рассмотреть не смог. Раскрыв глаза как мож-

но шире, Кентон постарался охватить взглядом камеру целиком. Уже через несколько секунд он понял, в чем дело: над его головой висела гигантская непроницаемая сфера.

Кентон прикинул в уме, где находится его камера.

«Я под Проклятым хранилищем, – осенило его. – Любопытно».

Он не стал ломать голову над этой загадкой и вновь принялся просматривать пространство в поисках какой-нибудь лазейки. К несчастью, его поиски были напрасны: в каменных стенах не обнаружилось ни единой трещины, а попытки высадить дверь и крышку люка привели лишь к новым синякам и ссадинам.

Ничего не попишешь – остается только ждать, когда его хватятся.

Кентон, зарывав от злости, бросился на пол. Вся усталость, накопившаяся за несколько дней, вдруг разом навалилась на него. Последние состязания, ожесточенная гонка за титул аватара, само Испытание суда... заветный титул был почти у него в руках, если бы не этот Аннев со своими друзьями, Титусом и Теринном.

Кентон постарался отогнать горькие мысли. Интересно, а сможет ли он теперь заснуть, с постоянно открытыми глазами?

Глазные яблоки то и дело закатывались, и он почти засыпал, но камни до боли обжигали холодом спину, вырывая его из объятий благословенного забытья. В конце концов уста-

лость взяла свое: Кентон свернулся калачиком и заснул.

Проснулся он из-за того, что пол под ним задрожал. Кентон долго не мог сообразить, где он находится, спит или бодрствует, а когда окончательно пришел в себя, ощутил сильное замешательство.

Оказалось, пока он спал, проклятие, обрушившееся на него, еще больше усугубилось: теперь он различал оттенки света – красноватые, насыщенные фиолетовые волны, ранее невидимые его глазу. Кентон посмотрел на пол под собой и увидел красные и оранжевые пятна, которые постепенно приобретали желтый и зеленый цвета. Там, где свечение было особенно ярким, еще ощущалось тепло его тела. *Я что, теперь вижу и тепло? Как такое возможно?*

Пол и стены вновь задрожали, и что-то оглушительно затрещало. Кентон испуганно оглянулся и увидел, что в стене образовалась щель в палец шириной. Через мгновение она была уже с ладонь, и во все стороны от нее поползли трещины. Одна из них достигла угла двери его камеры, и раздался ужасающий скрежет, когда дверь резко прогнулась под тяжестью падающих камней. Кентон в панике забился в дальний угол, обхватил голову руками и принялся отчаянно молиться богу, в которого не верил, заклиная небеса уберечь его от позорной смерти. Еще один мощный толчок, от которого на Кентона посыпался дождь из камней, отскакивая от его плеч, рук и спины... и наступила гулкая тишина.

Кентон осторожно поднял голову. В воздухе висели плотные облака пыли, и юноша попытался прищуриться, позабыв, что теперь не имеет век. Он быстро ощупал руки и ноги и обнаружил, что они целы, хоть и болели от синяков и царапин. Он облегченно выдохнул и тут увидел, что его молитвы были услышаны: дверь камеры выгнулась внутрь.

Кентон медленно приблизился к ней, не смея поверить в свою удачу. Неужели ему выпал шанс спастись, избежать смерти, которой он не заслужил, и судьбы, которая была предназначена другому? Трясущимися руками он схватился за выгнутый металл и заглянул в образовавшуюся щель между дверью и каменной стеной. Она выглядела слишком узкой, но попытаться стоило. Кентон изо всех сил потянул дверь на себя. Дверь заскрипела, но не поддалась. Кентон выругался – благоговение перед милосердным Провидением мгновенно улетучилось – и, рассвирепев, снова рванул ее к себе, раздирая ладони в кровь. На этот раз его усилия были вознаграждены: дверь выгнулась еще больше, искореженные петли со звонким стуком упали на пол.

Он с опаской выглянул в коридор. Там никого не было, к тому же стояла мертвая тишина, от которой ему стало не по себе. Уж лучше услышать топот спешащих по его душу охранников или даже грохот падающих с потолка камней.

Но в Академии было тихо. Слишком тихо.

Что Карбад сказал Тосану перед тем, как оставил Кентона с Анневом? Кажется, будто целая вечность прошла... «На

Шаенбалу напали!.. – зазвенели в ушах слова мастера расчетов. – Чудовища, демоны из металла... эти твари уже в Академии!» Тогда почему до него не доносится ни звука?

Как бы то ни было, оставаться здесь нельзя. Кентон сделал глубокий вдох, тут же закашлялся от сухой пыли, висевшей в воздухе, и с осторожностью выбрался из камеры.

Коридор был завален каменными обломками, перекошенный потолок угрожающе навис над единственной лестницей, ведущей наверх. Кентон бросился бежать, не заботясь о том, что его могут увидеть. На самом деле он был бы даже рад, попадись ему сейчас кто-нибудь из мастеров или древних.

Но он никого не встретил. Никто не спешил проверить его камеру. Некому было с отвращением взирать на его новые шрамы и глаза без век. Некому было назвать его досадной ошибкой природы, кеокумом, сыном Кеоса.

Казалось, во всей Академии не осталось ни единой живой души.

Кентон остановился у лестницы и, подняв голову, взгляделся в пространство уровнем выше. Он увидел винтовую лестницу, коридоры, ведущие в архивы и Проклятое хранилище... и человеческое тело – столь искалеченное, что юноша не смог его опознать. Цвет одежды скрывали пятна грязи и крови, поэтому даже не представлялось возможным понять, кто это – слугитель или мастер-аватар.

Кентон инстинктивно отшатнулся, и к нему вернулось нормальное зрение. Некоторое время он стоял, впитывая за-

пах и тишину. Рука машинально потянулась к лицу: пальцы скользнули по старому шраму, потом по отвердевшей коже вокруг глаза. Вдруг он заметил слабое свечение. Его пальцы светятся? Кентон удивленно убрал руку от лица – и свечение исчезло. Тогда он снова поднес руку к глазам, и тут ему стало ясно: от них-то и исходит это призрачное сияние.

Случись с ним такое еще пару часов назад, он бы, наверное, расхохотался от неожиданности или заплакал от страха – теперь же он остался спокоен. Пора бы смириться с тем, что он становится – да что там, уже *стал* – совсем другим существом.

И он смело шагнул вперед, готовый к встрече с переменами, произошедшими с миром за то время, пока сам он менялся, сидя в заточении.

Часть 1

И пробудились новые боги, и начался Третий век мира. Но не увидели они отца своего, ибо Кеос бежал из Лукватры. Поверженный бог оставил детей своих, желая набраться сил, чтобы вновь предстать пред миром во славе и могуществе.

И Новых богов было пятеро, ибо вышли они из сокрушенной длани Кеоса, и каждый из них был наделен частью его силы. И когда они пробудились, мир был погружен в безумие и кровь лилась рекою, ибо терранцы, покинутые отцом своим, пошли войной друг на друга. И сжалились новые боги над детьми Кеоса, и взяли их под свою защиту. И вскоре случилось так, что многие терранцы стали им поклоняться, и новые боги познали т'расанг и овладели им.

Шелгаир Охотник воцарился среди зверей Лукватры. Те, кто служил ему, наделялись даром говорить с тварями великими и малыми, а некоторые – даже умением изменять свой человеческий облик на звериный.

Гарадаир Садовница воцарилась среди растений Лукватры. Почитавшие богиню наделялись властью надо всем, что произрастало из земли. Были те, кто мог приказывать цветам и деревьям, где им расти, и ускорить их рост, а иные слышали шепот растений, умели говорить с ними и даже воспринимать мир через них.

Круитхар Создатель воцарился в недрах Лукватры, и под-

властны ему были все минералы. Служителями его были простые люди, любившие землю и ее тайны. Находились среди них те, кто умел голыми руками управляться с камнем и металлом. И многие среди них были сильны и надежны, как сама земля.

Так, Шелгаир, Гарадаир и Круитхар стали властвовать над землей и кровью и считали себя мудрыми правителями, ведь служители их процветали. Дорхноку же с Тахараном не осталось царства.

Но Тахаран Перевертыш был хитер. Сказал он: «Если братья с сестрой властвуют надо всем, что было, и всем, что есть, я стану властителем над тем, что может быть». Так, стал Тахаран богом возможностей. Почитатели называли его богом судьбы и богом рока, влекли их пророчества или тайны загробной жизни, и любили они свое дело даже больше, чем почитатели Круитхара – свое.

Но и Дорхнок Обманщик был хитер. Сказал он: «Если братья с сестрой властвуют надо всем, что было, всем, что есть, и всем, что может быть, я стану властителем над тем, чего нет». Он выстроил себе покои в царстве снов и стал богом теней. Почитателями его были изгои, мечтатели и торговцы смертью, те, кому не было места среди людей. Дорхнок не вмешивался в дела их, повелев, что каждый должен сам управлять своей судьбой. Лишь немногим даровал он свое благословение, избирая их по своей прихоти.

Так, пятеро новых богов поделили народ Кеоса меж со-

бой. И хотя многие из терранцев стали восхвалять новых богов, их оказалось меньше, чем тех, кто остался верен Кеосу. Служители поверженного бога ждали его возвращения, ибо верили, что он наградит их за верность и возвысит их и станут они владыками крови. Так оно и случилось.

Однако неверных ждала расплата. Увидел Кеос деяния новых богов и явился к ним, требуя, чтобы подчинились они его воле и отдали ему его служителей. Но не послушались боги, ибо были столь же горды и надменны, сколь и отец их. И сказали они, что не может бог-калека властвовать над всеми, и, насмехаясь над ним, показали ему храм Тахарана, что был воздвигнут в Тор-Куме на месте великой кузницы, которая всегда являла собой символ величия и мощи Кеоса.

*Фрагмент «Совет Кеокумота» из Книги Терры,
найденный в руинах Спеур Дун. Перевел Содар Вейр*

Глава 1

Вздрогнув, Аннев открыл глаза. Где он? Судя по густым зарослям папоротника и соснам с елями, возвышавшимся вокруг вперемешку с кленами, это была Чаша, но не самые дебри: он знал, что прямо за теми деревьями впереди начинаются равнины, ведущие в Банок и Лукуру. Тут Аннев вспомнил: они собирались все время двигаться на северо-запад, но с наступлением заката ожили тени, и углубляться в Чашу стало слишком опасно, поэтому они решили продол-

жить путешествие утром и разбили лагерь здесь, у западной кромки леса.

Все, кроме Аннава, были уже на ногах. Великан Брайан запрягал черную кобылу в телегу; Титус, невысокий мальчик с круглым лицом, ему помогал. Завидев Аннава, высунувшего голову из-под вороха одеял, Титус радостно махнул ему рукой. Аннев кивнул в ответ, выбрался из-под одеял – и тут же налетел на Терина. Мальчишка, несший две бадьи с водой, выплеснул половину одной на Аннава, отскочил в сторону, запнулся и опрокинул содержимое второй на самого себя. Терин перевел взгляд с полупустых ведер на свою промокшую одежду.

– И вам доброго утра, перчаточный мастер, – ухмыльнулся он. Перелив воду из одной бадьи в другую, он протянул Анневу пустую посудину. – Мастер-кузнец желает, чтобы мы натаскали воды. А раз уж половину моих трудов ты загубил, то будь добр возместить ущерб.

Хоть Терин и улыбался во весь рот, в его глазах не было и намека на веселье.

– Перчаточный мастер?

Терин издал мученический стон и выхватил у Аннава ведро:

– Тебе говорили, что ты спросонья малость туповат?

Он кивком указал на левую руку Аннава, одетую в массивную, сплошь покрытую пятнами сажи кузнечную перчатку из толстой кожи.

– Это перчатка. – Терин пощелкал пальцами перед растерянным лицом друга. – А ты – мастер-аватар. Получается – перчаточный мастер. Смекаешь? Это шутка такая.

Он немного подождал, потом выхватил у озадаченного Аннева пустое ведро и сунул ему в руки свое:

– Ладно, забудь. Сам схожу. А ты, как утащишь бадью Шраону, сделай нам всем одолжение: сунь туда свою сонную голову.

Убедившись, что Аннев крепко держит ручку ведра, Терин умчался в том же направлении, откуда появился.

Пока Аннев глядел ему вслед, к нему подошел Титус и, слегка замешкавшись, обнял его одной рукой за плечи:

– Не обращай на него внимания. Терин злится, потому что его подняли ни свет ни заря, а тебя нет.

Аннев окинул взглядом лагерь: все одеяла уже были свернуты и лежали в телеге.

– Мог бы и меня разбудить.

– Ну да, только я пригрозил, что вышибу ему мозги, если он хоть на шаг подойдет к тебе. – Из-за деревьев появился Шраон. В одной руке он нес охапку дров, в другой – топор. Аккуратно положив свою ношу на телегу, он поднял стоявшую у сосны алебарду. – За последние дни на тебя многое свалилось, и ты еще толком не оправился. Я подумал, тебе стоит как следует выспаться.

Слова кузнеца пробудили в Анневе смутные воспоминания о недавнем сне. Кажется, ему снился какой-то человек

в черном, который сказал... Что же он сказал? Этого Аннев решительно не помнил. Он тряхнул головой:

– Спасибо за заботу, Шраон, но давай-ка я буду вставать вместе с остальными, договорились?

Кузнец слегка поклонился:

– Договорились, мастер Аннев.

Он взял ведро с водой и знаком велел мальчишкам развязать их кожаные мешки.

– А завтрак будет? – спросил Аннев, у которого при мысли о еде мучительно засосало под ложечкой.

– Мы оставили тебе немного куропатки на вертеле, – ответил Шраон, переливая воду в мешки. – Погляди в повозке.

– Так все уже поели?

Шраон кивнул:

– Сказать по правде, я думал, ты раньше встанешь. Титус хотел позвать тебя к завтраку, но не смог добудиться, вот я и решил: спи сколько влезет.

Он поставил пустое ведро на телегу, а мальчишки принялись завязывать доверху наполненные водой мешки.

– Думаю, можем отправляться в путь. – Кузнец огляделся. – А Терин куда подевался?

– Он разлил одно ведро с водой, – объяснил Титус, – поэтому снова побежал к ручью.

Кузнец раздосадованно хмыкнул:

– Так потому я и дал ему две бадьи – знал, что донесет он только половину.

Аннев улыбнулся, а кузнец сокрушенно покачал головой:

– Титус, сбегай за этим обормотом. А ты, Аннев, собирайся. Поешь по дороге.

Удивительно, как легко Шраон вжился в роль предводителя их маленького отряда, подумал Аннев, сворачивая одеяла, однако вслух говорить ничего не стал: кузнец явно чувствовал себя на своем месте. Шраон тем временем настороженно вглядывался в чашу.

– Побыстрее бы убраться из этого леса, – пробормотал он себе под нос. – Как-то не по себе от его теней, они будто живые...

С этими словами он направился к Брайану, а Аннев так и застыл с одеялом в руках.

Тени... будто живые... Что же мне это напоминает? Он снова попробовал сосредоточиться на образах, явившихся ему во сне, но они неумолимо ускользали от него. Аннев погрузил свой сверток на тележку и повесил на пояс фламберг. Стоило ему лишь дотронуться до гарды, как все его мышцы расслабились, будто выдохнули с облегчением. Надо же, а он и не знал, что так напряжен.

Этот меч неспроста назывался фламбергом – пламенным мечом. Славное название оправдывала не только его волнистая форма, но и способность вспыхивать самым настоящим пламенем. Аннев выкрал его из Проклятого хранилища в Шаенбалу вместе с другими артефактами: сапогами быстрой поступи и плащом из драконовой кожи – и с его помо-

щью смог разбить полчища феурогов и одолеть казавшегося неуязвимым Ойру – крозеранского воина, одного из сиянаров и шести лучших ассасинов Кеоса. Впрочем, Ойру он мертвым не видел, а потому не мог быть уверен, что с ассасином и правда покончено. Тут Аннев замер на месте: мысль о призрачном убийце повлекла за собой целую вереницу образов из полузабытых сновидений.

Заклинатель теней.

Клесах.

Дорха Шинах.

Три прозвища одного бога.

Мне снился Дорхнок. Аннев вдруг с поразительной точностью вспомнил подробности: кудрявый черноволосый мужчина с тонкими усиками и аккуратной бородкой, на бледном лице ярко сияют пурпурного цвета глаза; его одеяние черно, как ночь, и колыхается, словно сотканное из клубов дыма.

Возможно ли, чтобы его посетил сам Дорхнок, бог теней и снов? Слишком это невероятно, даже на фоне всех невероятных событий последних дней... но если предположить, что это так, – зачем богу снисходить до снов смертного?

Он пытался предупредить меня о чем-то. Или о ком-то. Однако, как ни пытался Аннев припомнить еще хоть что-то, память упрямо молчала.

Можно было бы решить, что это всего лишь сон, болезненная игра воображения, вызванная пережитым кошмаром, но... на него ведь и правда идет охота. Сначала Кель-

га, потом Янак, следом Ойру. Полчища феурогов и эйдолоны, эти демонические создания царства теней. И если Кельга с Янаком мертвы, то насчет гибели ассасина уверенности у него нет. И чем больше Аннев об этом думал, тем очевиднее ему становилось, что Ойру, Возрожденная Тень, выжил и вновь начнет преследовать его, чтобы в конце концов настигнуть и вернуть падшему богу крови земной.

Говорить об этом друзьям он не собирался: у них и без того забот хватает, да и все равно он скоро их покинет, вот только выдастся подходящий случай. Они, наверное, только обрадуются, ведь в его присутствии им явно не по себе: они избегают его взгляда, опасно косясь на перчатку, шарахаются от него, а руки их машинально тянутся к оружию. Даже Терин сегодня оробел, когда они с Анневым столкнулись, хоть и попытался обратить произошедшее в шутку.

Все они боятся его. И правильно делают. Пусть он и контролирует свою золотую руку, скрытую под толстой перчаткой, но на него идет охота, и, пока он рядом, его друзья в опасности.

Аннев засыпал землей тлеющие угли, бросил свой сверток в телегу и проверил упряжь. Брайан, наблюдавший за ним, одобрительно кивнул.

Вернулись Титус с Теринком. Не успел Аннев и слова сказать, как Терин со злостью швырнул в телегу пустое ведро и, ткнув в Аннава пальцем, выпалил:

– Я не разлил бы воду, дай этот проклятый кузнец мне

всего одно ведро. Ясно тебе? Я ж не идиот!

– Я и не говорил, что ты идиот, Терин, – примирительным тоном произнес Аннев.

– Потому что это и так всем ясно.

Все трое разом обернулись на голос. Из-за мощного ствола серебристого клена появился Фин с палашом на плече. За спиной у него торчали две булавы, а на каждом предплечье красовались наручи с метательными ножами.

– А тебя где носило? – спросил Терин, пропустив насмешку мимо ушей. – И к чему таскать на себе целый арсенал? Нам ведь было сказано сложить все оружие в телегу.

– Я ходил на разведку. Думал, наткнусь на феурогов.

Терин с Анневом синхронно кивнули. Слишком свежи были воспоминания о чудовищах, напавших на Шаенбалу.

– К тому же, – продолжал Фин, – Шраон говорит, на дороге можем нарваться на разбойников. Вот я и подумал: увидят этот арсенал – и сразу передумают нас трогать.

Он сунул палаш в ножны и махнул рукой в направлении, откуда только что появился.

– Там кусты пореже, пойдем туда – уже через час будем на тракте.

– Отлично, – похвалил его Шраон, внезапно возникший у Аннева за спиной. – Сейчас же отправляемся в путь.

– Тут еще одно дело... – задумчиво протянул Фин. – В лесу я встретил девушку. Она точно училась в Академии. Попробовал с ней заговорить, а она молчит, знай только качает

какой-то сверток.

– Девушка из Академии? – переспросил Аннев. – Кто она?

– Имени не помню. Волосы у нее светлые. Подружка Маюна.

У Аннева перехватило дыхание. Маюна... Пока он собирался с мыслями, встрял Терин:

– Так это же Фэйт! Как она?

– Точно, Фэйт. Да странная какая-то... Я с ней говорю, а она не отвечает, будто и не видит меня вовсе. Ходит, поет какую-то песню, которую я прежде не слышал. Сверток я толком не разглядел, но, по-моему, это ребенок. Совсем маленький.

«Младенец из Академии, – догадался Аннев. – Но как ей удалось забрать его из яслей знающих? И где остальные девушки?»

Он перевел взгляд на Шраона. Кузнец кивнул:

– Брайан, Титус, идите с мастером Фином и попробуйте привести Фэйт. Мы позаботимся о бедняжке. Может, нам удастся получить ответы на кое-какие вопросы.

– Сделаем, – пробасил Брайан, энергично потрянув головой.

Он жестом подозвал к себе Титуса и поднял с земли свой молот.

– Я с вами! – воскликнул Терин и бросился следом.

Когда все четверо скрылись за деревьями, Шраон повернулся к Анневу и, взглядом показав на лежащую в телеге ку-

ропátku, произнес:

– Это твой завтрак, Аннев, но было бы добрым делом отдать его девочке. Ручаюсь, что она здорово проголодалась.

– Согласен.

Кузнец подмигнул ему единственным глазом:

– Ты молодец, парень. Потерпи до Банока – там купим тебе чего-нибудь поесть. – Он покачал головой. – То, что девочка выжила, – настоящее чудо. Как знать, может, она не единственная.

Тут Шраон задержал взгляд на массивной перчатке, скрывавшей левую руку Аннева, и задумчиво поскреб подбородок. Аннев инстинктивно сжал пальцы в кулак, и кузнец поспешно отвернулся, сделав вид, что ничего не заметил.

– Ты прав, – пробормотал Аннев. – Я отойду ненадолго, ничего?

Потирая перчатку, черную от сажи, он торопливо зашагал к краю поляны. Даже под толстой кожей он отчетливо ощущал выступающие золотые костяшки и очертания боевого молота, парящего над дымящейся наковальней, – символ бога крови земной. Аннева пробрала дрожь.

Длань Кеоса. Рука, забравшая сотни тысяч жизней на Совете Кеокумота и сразившаяся с моим предком Бреатанасом в Возгарской битве. Рука самого бога зла теперь часть меня... и я не знаю, как от нее избавиться.

Спустя несколько минут из леса показались Брайан с ребятами. Среди них Аннев увидел тоненькую фигурку Фэйт.

Как Фин и говорил, девушка несла какой-то сверток, который она баюкала, словно плачущего младенца.

До Аннава донеслась незнакомая ему мелодия, столь печальная и прекрасная, что у него сжалось сердце. Голос Фэйт звучал хрипло, глаза остекленели, – наверное, она бродила всю ночь, не умолкая ни на секунду.

– Здравствуй, милая, – тепло произнес Шраон. – Далеко же ты оказалась от родного дома. Как ты себя чувствуешь?

Фэйт словно и не слышала его. Все так же напевая, она остановилась у потухшего костра.

– Не бойся, ты в безопасности, – продолжал Шраон. – Я лишь хотел узнать, как ты здесь очутилась.

Вместо ответа Фэйт, устремив невидящий взгляд в пустоту, лишь рассеянно погладила свой сверток.

– Фэйт, – ласково позвал Терин. – Все хорошо, ты среди друзей.

Девушка чуть повернулась, глядя поверх его плеча. Терин, оторопевший от столь неожиданной перемены, нервно сглотнул. Бросив быстрый взгляд на Аннава, он снова посмотрел на изможденную Фэйт:

– Ты можешь нам все рассказать. – Он немного подождал, потом снова заговорил: – Мы направляемся в Банок. Хочешь с нами?

Тут монотонная мелодия зазвучала тише; девушка медленно повернула голову к Терину. Несколько мгновений она безучастно глядела словно сквозь него, потом моргнула – и

посмотрела ему прямо в глаза. Терин расплылся в счастливой улыбке. Можно было подумать, что Фэйт одарила его поцелуем.

– Что там у тебя, милая? – спросил Шраон. – Дитя?

Фэйт подняла глаза на кузнеца, и в тот же миг ее лицо изказила ужасная гримаса. Девушка резко отпрянула и принялась что-то тараторить в том же ритме, в каком только что напевала. Аннев успел разобрать лишь самое начало – что-то о свете и тьме, – а после все слова слились воедино. Перед глазами поплыл туман, а когда Аннев вновь попытался сосредоточить взгляд на Фэйт, той нигде не было видно. Девушка словно сквозь землю провалилась.

– Кеос! – выругался Брайан, отскакивая от места, где еще секунду назад стояла Фэйт. – Куда она подевалась?

Некоторое время все шестеро молчали, недоуменно озираясь по сторонам.

– Сдается мне, ее здесь и не было, – произнес наконец Шраон.

– Мы что, говорили... с призраком?

– Похоже на то, Титус. Другого объяснения у меня нет.

Кузнец нахмурился и крепче сжал рукоять алебарды.

– Никогда мне этот лес не нравился, – пробормотал он. – Пора в путь. Чем быстрее уберемся отсюда, тем лучше.

Глава 2

Поначалу они продвигались довольно медленно: приходилось часто останавливаться, чтобы выломать слишком густые кусты или приподнять застрявшую между кочками и рытвинами телегу. Вскоре, однако, благодаря слаженным действиям им удалось преодолеть самую сложную часть пути, и уже через полчаса телега, запряженная черной кобылой, катилась по плотно утрамбованному Восточному тракту. Шраон с Финном вели лошадь под уздцы, Терин с Анневым шагали слева и справа от повозки, а Брайан и Титус шли позади.

Не прошло и часа, как им встретились первые путники. Пятеро всадников в черной броне сопровождали группу из двадцати пяти мужчин, одетых в простую крестьянскую одежду. У каждого из крестьян была красная повязка на руке, а на плече лежало копьё. Шраон, настороженно оглядев группу, направил кобылу к обочине дороги, чтобы пропустить солдат.

– Это новобранцы, – шепнул он. – Идите спокойно, не поднимая глаз, и спрячьте оружие.

Фин, чертыхнувшись, быстро стащил с себя булавы и кинжалы и бесцеремонно побросал в телегу. Аннев снял с пояса фламберг и спрятал его среди поклажи вместе с шипованными наручами. Дальше все двинулись молча, и, когда

отряд поравнялся с ними, никто не поднял головы, как и велел Шраон. Вот новобранцы прошли мимо, и вся компания уже была готова с облегчением выдохнуть, как вдруг один из всадников развернулся и неспешным шагом направил свою чалую лошадь к повозке. Шраон, ругнувшись себе под нос, дернул за поводья, и лошадь остановилась. Пару мгновений спустя к ним подъехал солдат. Перегородив им дорогу, он вскинул руку и ткнул пальцем в Терина:

– Эй, парень! Да, ты. Куда направляешься?

Опешивший Терин украдкой взглянул на Шраона и пролепетал:

– Я... мы... в Лукуру.

Всадник усмехнулся и, пришпорив лошадь, подъехал ближе.

– Какой-то ты неуверенный. Наверное, ты хотел сказать «в Бордерлунд»?

– Бордерлунд? – переспросил Терин и помотал головой. – Это ж на востоке. А нам на запад надо.

– Это вам раньше надо было на запад. А теперь вы идете с нами – в Палдрон.

– С чего бы это? – нахмурился Шраон.

Солдат направил лошадь к кузнецу. Тут Аннев впервые осмелился взглянуть на всадника. Несмотря на тяжелую броню, он казался не крупнее, чем сам Аннев или Фин. По лысому черепу змеился длинный уродливый шрам, который, пересекая щеку, скрывался в густой огненно-рыжей бороде.

– Ты предводитель этой шайки?

– Можно и так сказать. – Шраон посмотрел солдату прямо в глаза. – Я мог бы спросить тебя о том же... вот только я не вижу ни эполет, ни лент – никаких отличительных знаков, указывающих на твой ранг.

Солдат вспыхнул до кончиков ушей, и лицо его приобрело почти такой же оттенок, что и его борода. Шраон улыбнулся:

– Если за последние два года в армии Палдрона ничего не изменилось, то ты, надо полагать, сержант. Или лейтенант, которому поручено согнать в армию как можно больше народа.

– Ты кто такой? – рявкнул всадник, хватаясь за рукоять меча. – И как ты смеешь...

– А может, ты всего-навсего разбойник, – спокойно продолжал Шраон. – Как бы то ни было, сейчас ты в чужом королевстве, однако не удосужился предоставить никаких документов, в том числе приказа о призыве на военную службу. Ты не представился и не назвал имени лица, по поручению которого здесь находишься. Если вы действительно солдаты армии Палдрона, полагаю, мы вправе продолжить наш путь в Лукуру без лишних вопросов. – Он сделал паузу. – А если вы разбойники, никто не запрещает нам защищать себя и свое имущество. Вот только король Ленка не на шутку осерчает, когда услышит, что кто-то обидел его людей, и тогда вам несдобровать, уж поверь.

Рыжебородый зарычал, как дикий зверь, и защелкал паль-

цами, подзывая к себе одного из всадников.

– Покажите ему ордер, сержант, – рявкнул он, когда всадник остановился рядом.

Тот вынул из седельной сумки кусок пергамента и подал его Шраону.

– Я – *капитан* Алкоран, – злорадно оскалился лысый. – И по решению вашего короля, я набираю солдат, которые отправятся в Бордерлунд на войну.

Он выхватил пергамент у Шраона из рук, едва дав кузнецу изучить документ.

– Я уполномочен призвать на службу любого, кто в состоянии воевать. – Алкоран окинул взглядом стоявших перед ним шестерых мужчин. – То есть всех вас. И мне плевать, куда вы *держали путь*, – *сейчас* вы так же, как и мы, идете сражаться с чудовищами за рекой Куар во славу Даритской империи.

Алкоран запустил руку в собственный седельный мешок и, вынув оттуда несколько красных ленточек, бросил их к ногам Шраона:

– Пусть каждый из вас повяжет по одной на руку, и следуйте за нами.

Аннев затаил дыхание: как, интересно знать, Шраон теперь выкрутится? Остальные тоже словно окаменели, лишь Фин медленно потянулся одной рукой себе за пояс, – похоже, кое-что из оружия он все же решил оставить при себе. Перехватив взгляд Аннева, Фин замер, однако пальцы уже

крепко сжимали спрятанный за поясом кинжал.

Вместо того чтобы повиноваться приказу, Шраон покачал головой и, отвернувшись от Алкорана, принялся копать в поклаже. Капитан молниеносно выдернул меч из ножен и приставил его к груди кузнеца:

– Еще одно движение, крестьянин, и я насажу тебя на меч, как свинью на вертел. – Глаза рыжебородого вспыхнули недобрый огнем. – А ну-ка, подними повязки.

Шраон засмеялся. Взявшись за лезвие двумя пальцами, он небрежно отвел его в сторону, а другой рукой извлек из-под груды вещей небольшой сверток из промасленной ткани. Не отводя взгляда от лица капитана, Шраон неторопливо размотал сверток, в котором оказался цилиндр из потускневшего металла. Кузнец вытряхнул из него кусок желтого пергамента, аккуратно расправил и протянул капитану. Тот принялся читать, беззвучно шевеля губами.

– Так ты рабовладелец с Иннистиула?

– Как и указано в этом документе.

Алкоран снова пробежал глазами написанное, свернул листок в трубочку и постучал ею по подбородку.

– Он старого образца. Покажи мне свое клеймо, рабовладелец.

Нахмурившись, Шраон задрал рубаху и повернулся спиной к капитану, но Аннев все же успел заметить на лопатке кузнеца темно-красную отметину в виде одномачтового парусника, а рядом – очертания ладони.

– Пусть король Ленка и позволил тебе насильно вербовать его народ, – сказал Шраон, одергивая рубаху, – но вот король Ченг такого разрешения точно не давал.

Алкоран несколько мгновений изучал лицо Шраона, потом одного за другим внимательно оглядел его спутников.

– Остальные не иннистиульцы. А потому для них указ короля Ленки – закон.

– Эти люди – мои рабы, – заявил Шраон, изрядно удивив своих спутников, которые, однако, постарались ничем этого не показать. – Ты что же, намереваешься отнять у меня мою собственность?

Алкоран усмехнулся:

– С каких это пор иннистиульский работороговец путешествует без охраны, в сопровождении рабов, не закованных в цепи? Не пудри мне мозги. Эти пятеро – свободные граждане Большой Лукуры. Может, Бордерлунда. В любом случае я их забираю.

– Но мы и вправду его рабы, – вдруг произнес Брайан и вышел вперед. Откуда на плече у мастера, еще мгновение назад безоружного, взялся молот, было загадкой. – Ты что же, назвал нашего хозяина лжецом?

Алкоран смерил взглядом громадный боевой молот, покоящийся на плече великана. Лошадь капитана, повинувшись беззвучной команде, попятилась.

– Это так, парень? – спросил Алкоран, обращаясь к Анневу. – Ты действительно раб? Подумай хорошенько, прежде

чем давать ответ. Ты можешь обрести свободу, вступив в армию Палдрона.

– Я служу мастеру Шраону всю свою жизнь, – гордо ответил Аннев. – Он добрый и щедрый хозяин. Думаю, преданность ему сулит мне больше свободы, чем служба в вашей армии.

На губах капитана заиграла зловещая улыбка.

– Всю жизнь, говоришь? Как это так, если любому дураку ясно, что ты дарит, а все дариты свободны по праву рождения.

Теперь все взгляды были устремлены на Аннева. Ну же, думай!

– Я дарит лишь наполовину – моя мать была илюмиткой.

– Так ты ильдариец! – мерзко заржал лысый капитан и плюнул Анневу в лицо. Потом повернулся к Шраону. – Зря ты его кормишь, лучше бы прикончил да жил спокойно. Это ведь ильдариец, а от ильдарийцев одни только несчастья. Некоторые даже якшаются с магией.

Тут Аннев не выдержал и опустил голову, но Шраон уже спешил ему на помощь.

– Мальчик всегда был верен мне, – сказал кузнец, – как и его отец, который был мне хорошим слугой. И уверяю тебя, в этом парнишке нет ни капли магии.

«Да уж, ни капли, – горько подумал Аннев. – Правда, вчера он спалил целую деревню». Он так и стоял с низко опущенной головой, даже не вытерев слюну со щеки. Ему вдрут

показалось, что он снова очутился в Академии и Фин с друзьями над ним издеваются.

Взгляд Алкорана в очередной раз скользнул по «рабам», задержавшись на Брайане.

– А что с остальными? – спросил капитан. – Они тоже ильдарийцы или еще кто похуже?

– Они простые даритские рабы, – ответил Шраон. – Неотесанные деревенщины и воры. Всех четверых я выкупил из тюрьмы – между прочим, на законных основаниях. Хочешь забрать их себе – пожалуйста, но учти, что придется раскошелиться.

Алкоран мрачно ухмыльнулся:

– Что-то не вижу я на них твоего клейма, мастер работороговец. А если на рабах нет клейма, они собственностью не считаются. Ты знаешь закон.

– По всей видимости, лучше тебя. Манускрипт одиннадцать дробь два Свода законов Иннистиула о купле-продаже человеческих ресурсов: «Клеймо не является обязательным в случае, если раб присягает на верность рабовладельцу в устной или письменной форме». К тому же за раба без клейма можно запросить лучшую цену. Что касается этих: пока они остаются мне верны, портить их шкуры клеймом я не собираюсь.

– Верны, говоришь... а клеймо не ставишь, чтобы при случае продать своих верноподданных подороже. Что-то тут не сходится. Кстати, в Бордерлунде свои законы, но с иннисти-

ульским кодексом, мастер работорговец, я знаком и упомянутый тобой манускрипт помню хорошо. И сдается мне, черным по белому в нем написано: «... в устной и письменной форме». Надо полагать, раз клейма на твоих рабах нет, у тебя наверняка имеются письменные доказательства их верности?

Смуглое лицо кузнеца вспыхнуло от гнева.

– Ты сам слышал, капитан: они служат мне добровольно. Письменное согласие требуется лишь в случае, когда раб публично отрекается от своего владельца.

Глаза у Алкорана загорелись. Он снова обвел взглядом пятерых мужчин и крикнул:

– Вы слышали своего хозяина! Ничто не мешает вам отречься от него и стать свободными солдатами Бордерлунда. У вас будет чистая одежда, сухая постель и столько еды, сколько сможете съесть. Вам станут платить жалованье: сначала три гроша в день – это целое медное колесо! – а через год службы и того больше. Ну, что скажете?

Мужчины переглянулись и медленно покачали головами.

– Вам предлагают свободу, а вы носы воротите? Идиоты! – Он презрительно сплюнул на землю.

– Я хотел бы получить назад свой документ, капитан, – нахмурился Шраон.

Алкоран, казалось, его не услышал. Он бросил взгляд через плечо на новобранцев, которые беспокойно топтались на дороге, потом снова принялся внимательно изучать молча-

ливую компанию перед собой.

– Они сбегут от тебя, едва ты войдешь в город. – Капитан кивком указал на Фина. – Этот – точно. По глазам вижу. Такие не станут терпеть над собой чужой власти. И этот тоже, – кивнул он в сторону Аннева. – К тому же он ильдариец. Ты бы не тянул с клеймом – сам себе спасибо скажешь, когда этот ублюдок сделает ноги. Если он бед натворит – спросят не с него, а с тебя.

– Спасибо за совет, капитан. Документ.

Алкоран сжал пергамент и подъехал вплотную к Шраону.

– Я мог бы разорвать его на клочки, – процедил он сквозь зубы. – И всех вас увести с собой в Бордерлунд. Людей у меня достаточно.

– Мог бы, но ты этого не сделаешь, – ответил Шраон. – Король Ченг поставляет королю Альпенроузу почти столько же рабов, сколько и королю Ленке. Если он узнает, что с его людьми плохо обращаются на дорогах, он может прекратить торговлю с Палдроном.

– А вот это вряд ли. Жадность не позволит.

– Ну, тогда он скупит все ваше терранское отродье за полцены и продаст вам же втридорога.

Алкоран, немного поразмыслив, бросил пергамент кузнецу. Тот ловко поймал листок на лету. Капитан рассмеялся гадким смехом и плюнул Шраону на сапоги:

– Приятного путешествия, мастер работорговец.

Он развернул лошадь и поскакал к своему отряду. Когда

всадники с новобранцами исчезли из виду, все оторопело уставились на Шраона. Кузнец лишь пожал плечами, разгладил измятый листок и, свернув, сунул обратно в цилиндр. Цилиндр он замотал в промасленный лоскут и спрятал среди тюков.

Аннев с друзьями молча переглянулись. Первым из ступора вышел Терин:

– Ты что – был *работорговцем*?

Шраон вздохнул:

– Вы не поверите, но не все, в отличие от вас, с рождения жили в Шаенбалу. До того как прийти в вашу деревню, я успел прожить несколько жизней. И в одной из них я был работорговцем.

– Ну и дела, – выдохнул Терин. Он глядел на кузнеца, выпучив глаза, будто видел перед собой не человека, а какое-то неведомое существо, которое до сей поры встречал лишь в книжках со сказками. – Ну и дела.

Аннев был удивлен не меньше. *Работорговец*. Ему сразу вспомнились слова Маюн: «Шраон никогда не рассказывает о своей жизни до Шаенбалу. Тебе не кажется, что это немного странно?» Анневу так не казалось. Он знал, что Шраон обучался кузнечному делу на самом севере Империи, в Одарнее, а глаз потерял, сражаясь с ограми на Куннарте. Но ему бы и в голову не пришло, что когда-то кузнец торговал людьми.

Иннистиул – остров работорговцев – находится рядом с

Куннартом, и оба лежат в одном дне пути от Квири, столицы Одарней... Да, все сходится. Вот только эта новая деталь никак не вяжется с образом того кузнеца, которого Аннев знал всю жизнь.

«Шраон – хороший человек, – сказал он тогда Маюн. – Мы встречаемся с ним каждый Седьмой день».

«Да он же кузнец, Ани, – ответила его возлюбленная. – Как терранцы, понимаешь? А терранцы поклоняются Кеосу, причем все они как один – кузнецы!»

Аннев непроизвольно поморщился и тряхнул головой. С воспоминаниями вернулась и боль, которую он безуспешно пытался заглушить.

«Я убил ее», – подумал он.

Перед внутренним взором снова пронеслось страшное видение гибели Маюн.

«Я бы сжег ее в пепел, как Тосана, если бы она не упала в пропасть. Она так кричала... звала меня».

Аннев закрыл глаза. Хватит себя корить. Пора понять, что влюбленность мешала ему увидеть правду: Маюн не была добрым человеком. Как и ее отец, Тосан, она была полна злобы, гордыни и предрассудков. Она желала Анневу смерти, но главное – она желала смерти Содару, а этого Аннев никогда не забудет и не простит. Аннев винил в гибели священника самого себя: если бы не его глупое упрямство, его друг и учитель был бы жив. Но Содара убил Тосан, а, пока он совершал свою страшную казнь, Маюн стояла рядом, поощряя

злодеяние отца.

Аннев с трудом заставил себя вернуться в реальность.

Итак, Шраон – рабовладелец. Точнее, был им когда-то. Это не делает его плохим – как, впрочем, и хорошим, – но порождает массу вопросов.

Кто же такой Шраон на самом деле? Какие еще тайны он скрывает и почему Содар ему доверял? Знал ли священник о кузнеце всю правду? Как и Содар, Шраон оказался не так прост, но в отличие от того был готов говорить о своем прошлом...

– Идем. – Шраон тряхнул его за плечи. – На торговом посту у Банока сможем продать зерно, которое нашли в кладовых Академии. Если память мне не изменяет, вход в Лукуру стоит немало.

Он отдал Фину поводья и зашагал по дороге. Остальные двинулись следом. Чувство неловкости, сковывающее компанию, понемногу рассеялось.

Аннев заметил, как Терин сбавил шаг и присоединился к Титусу и Брайану. Мальчишки принялись о чем-то шептаться, и Брайану от этого было явно не по себе: он то и дело поднимал мясистую ручищу и хмуро скреб бороду, однако ни разу не вмешался в разговор между своим пухлощеким учеником и его долговязым темноволосым другом.

На Фина откровения Шраона не произвели, казалось, никакого впечатления. Снова вооружившись до зубов, он молча шел за кузнецом, а его засаленные темные дреды, собран-

ные в тугой хвост, упруго покачивались в такт шагам. Однако время от времени он исподтишка посматривал на Шраона, и в его взгляде не было и намека на страх или беспокойство, – скорее, в нем читался восторг, смешанный с уважением.

Аннев, нахмурившись, направился к Фину. Тот замедлил шаг и, не размениваясь на любезности, буркнул:

– Тебе чего?

– Ты говорил, что идешь с нами в Лукуру лишь потому, что Шраон знает людей, готовых хорошо заплатить за твои навыки аватара.

– Ну да.

– За какие навыки? Размахивание булавами?

– Без разницы – лишь бы плата была щедрой.

Аннев немного поразмыслил.

– Ты мог бы пойти с новобранцами, если тебе так хочется драться, – заметил он.

Фин кивнул.

– Где-где, а в армии ты бы точно не заскучал, – добавил Аннев.

– Ты что, хочешь избавиться от меня, кеокум? – ухмыльнулся Фин.

Аннев, ничуть не обидевшись, улыбнулся в ответ:

– Как раз наоборот. Я не знаю, что будет в Лукуре: Содар об этом особо не рассказывал, – и я понятия не имею, что за тип этот Рив. Поэтому друзья мнегодились бы.

– А что, теперь мы друзья?

Аннев немного замешкался.

– Конечно. Или что-то вроде того.

Фин насмешливо фыркнул:

– Слушай, Аннев. Если мне больше не хочется тебя придушить, это еще не значит, что ты в списке моих друзей. И я не горю желанием связывать свою жизнь ни с тобой, ни с тем лысым придурком на коне. Академии больше нет, так что теперь мне никто не указ. Я сам решаю, куда мне идти и что делать, понял?

Еще бы Аннев не понял, ведь слова Фина являлись отголоском его собственных мыслей.

– В таком огромном городе, как Лукура, союзник не помешает. Хорошо, когда есть кому прикрыть тебе спину. Как во дворце у Янака. Мы там отлично сработались.

– Мы просто выполнили задание – правда, частично. А насчет «отлично сработались» – тут ты явно перегнул палку.

– Ну да, – хмыкнул Аннев, – если учесть, что вы бросили меня умирать. Вернее, не вы, а Кентон.

Фин усмехнулся и пожал плечами:

– Проблема в том, что мы оба не любим подчиняться. Я не Титус – ходить за тобой как привязанный – и в рот тебе заглядывать не собираюсь.

– Какая убийственная честность, – скривился Аннев. – Хотя ты прав – я бы тоже был не в восторге, если бы пришлось...

– ...целовать мне задницу? – закончил за него Фин.

– Точно.

Аннев рассмеялся. Они замолчали. Терин с Титусом тоже умолкли, и когда Аннев посмотрел вперед, то понял почему: вдаль показались знакомые стены Банока. Уже были видны южные ворота, расставленные шатры и толпы людей. Они приближались к торговому посту. Аннев собрался уже вернуться на прежнее место, как Фин произнес:

– Я не имел в виду, что мы не сможем работать вместе. Просто... просто я хочу, чтобы у меня был выбор.

– Я тоже. Не знаю, что меня ждет в Лукуре и кем окажется этот Рив. Я лишь хочу избавиться от этой проклятой руки.

– Можно ее отрубить.

Анневу шутка показалась совсем не смешной, но когда он посмотрел на Фина, то понял, что тот не шутит – слишком сосредоточенный был у него вид.

– погоди, ты серьезно?

Фин кивнул:

– Сама она отвалится или ты ее отрубишь – какая разница? Подумаешь, оттяпаешь лишний кусок мяса.

Торговый пост был уже совсем близко. Аннев опустил взгляд на свою руку и, раздумывая над словами Фина, замедлил шаг. К нему подошел Шраон. Словно прочтя его мысли, кузнец похлопал по кожаной перчатке и сказал:

– Как окажемся в городе, я отведу тебя к моему знакомому. Глядишь, с его помощью снимем эту штуковину.

– Что за знакомый? – спросил Аннев, ощущая, как его беспокойство немного ослабевает.

– Кузнец один, – ответил Шраон. – По имени Долин.

На рынке стоял невообразимый шум. Торговцы, стараясь перекричать друг друга, нахваливали свой товар на всех возможных наречиях, от одарнейского до примитивного маркуанского и диковинного альтаранского.

– Свежие фрукты из Щедрого Предела! Так и тают во рту!

– Шелк с востока! Меха из Тира!

– Палдронская сталь! Топоры и мечи! Горшки и...

– Лошади! Лучшие скакуны из Грин-Фроха дешевле, чем в Десбуре!

Торговый пост действовал только днем и представлял собой ряды навесов, телег и лотков, которые можно было без хлопот свернуть с наступлением сумерек и унести за надежные стены Банока. Поэтому Аннев и не видел его, когда был здесь три дня назад, ведь они с Фином и Кентоном приехали ночью.

«Всего три дня прошло, – подумалось ему. – А сколько всего случилось за это время! Тосан отправил нас за жезлом принуждения, который у нас украли Содья Рокас. Кентон бросил меня в кабинете Янака, и я чуть не сгорел заживо. Ойру преследовал меня от Банока до Шаенбалу. Я сбежал из темницы, проник в Проклятое хранилище, сражался с феурогами и Ойру. Я спас Содара... а потом он умер на моих глазах».

Воспоминание о Содаре снова вызвало чувство вины, которое начало расти как снежный ком.

«А потом я убил Тосана и Маюн. Сжег мастеров и древних. Разрушил Академию, и всех, кто был внутри, погребло под обломками. Потому что я не смог себя контролировать. Не смог справиться с *этим*».

Он сердито посмотрел на свою левую руку и только сейчас понял, что она сжата в кулак.

Аннев со Шраоном беспрепятственно прошли через городские ворота. Привратник в черной форме и коротком плаще с голубой каймой лишь мельком взглянул на них и снова отвернулся. Удивляться тут было нечему: в конце концов, во дворце Янака Анневу довелось столкнуться далеко не со всеми стражниками Банока, и все же он вздохнул от облегчения. Он до сих пор опасался, что по крайней мере один из тех, кого Янак подчинил через жезл принуждения, будет охранять ворота Банока и узнает Аннева.

На одноглазого кузнеца привратник тоже не обратил особого внимания – в Баноке недостатки внешности не считались меткой бога зла. Еще одно доказательство, что предрасудки, царившие в Шаенбалу, отличали деревню от остального мира.

– Кончай таращиться и шагай быстрее. – Шраон потянул Аннева за собой. – Если Долин все еще здесь живет, искать ее нужно в ремесленном квартале.

– «Ее»? Ты же говорил, что Долин – кузнец.

– Так и есть. Женщины тоже бывают кузнецами.

– Да, но это так... странно.

Шраон фыркнул:

– В Шаенбалу, может, и странно. Нужно быть особенным человеком, чтобы работать с металлом. Долин как раз такая.

– Почему ты решил, что она поможет?

– Она особенная, говорю тебе. Помню, как эта девчонка появилась в Баноке. – Шраон ухмыльнулся. – Чуть ли не всех клиентов у меня увела. Знатно пришлось мне тогда попотеть. Ее ведь не только железо слушается. Она и с серебром ладит, и с золотом. А в тонкой работе ей вовсе равных нет. Ко мне стали обращаться лишь за подковами да гвоздями, граблями да обручами для винных бочек. Ох и надоело же мне! Я хоть и не такой виртуоз, как Гвен, но цену себе знал. Так бы и прозябал здесь, если бы не Содар: когда он позвал меня в Шаенбалу, я без раздумий согласился.

– Позвал, чтобы заменить моего отца.

Шраон замедлил шаг и искоса глянул единственным глазом на Аннева:

– Так ты знаешь?

Аннев кивнул:

– Содар рассказывал.

Шраон что-то тихонько пробормотал.

– Вы с Содаром были давно знакомы, – продолжал Аннев. – Может, даже задолго до того, как ты осел в Баноке.

Верно?

– Верно.

Они снова ускорили шаг.

– Впервые я встретился с Содаром, когда был еще ребенком, – рассказал кузнец. – На Иннистиуле.

– Значит, еще до того, как стал работорговцем?

Шраон покачал головой:

– И да и нет. Слышал когда-нибудь выражение: некоторые рождаются рабами? На Иннистиуле так оно и есть. Но родиться там можно как рабом, так и работорговцем. Со мной случилось второе. Семейное дело, видишь ли. Варишься в этом с рождения, свято веря, что весь мир так и устроен. Но Содар открыл мне глаза.

– Сколько тебе было? – спросил Аннев, который с жадностью впитывал каждое слово.

Содар никогда не делился с ним такими подробностями своей жизни, как и Шраон – ни разу за все годы, что Аннев знал его в Шаенбалу.

– Думаю, лет пять. Уже не помню, что привело Содара на остров. Он привез с собой двух мальчишек – Тэйна и Туора. А еще женщину... запомнил ее имя.

– Так ты знал моего отца?

– Это громко сказано. Туор был немного старше, но в детстве разница в несколько лет – пропасть. Так что вместе мы не играли. Содар дружил с моим отцом и появлялся в нашем доме. Помню, вокруг него часто собиралась толпа и он рас-

сказывал чудные истории, приправляя их магическими фокусами.

– Содар развлекал толпу историями? Как наш Йохан, свечник?

– Да из Йохана рассказчик – что из меня ювелир. – Шраон с презрением сплюнул. – Он свои байки травил, только чтобы продать побольше свечек. А вот Содар... да ты вспомни его службы – заслушаешься! Там и магия не нужна.

– Зато она была нужна раньше, – глухо промолвил Аннев. – Чтобы спасти моих родителей.

Шраон прищурил свой единственный глаз:

– Содар спас тебя, Аннев. Иначе тебя забили бы камнями, как и твоего отца. Жаль, что меня там не было. Как знать, может, мы с Содаром и могли бы как-то остановить... Да что толку об этом говорить – этих людей уже нет. Кто-то давным-давно умер, кого-то сожрали тени...

Тут Шраон замолк, и внезапно Аннев вспомнил, как погибла Аланна: ее утащили под землю эйдолоны, и Шраон, как ни пытался, так и не смог вытащить ее из сумеречного омота.

– Расскажи мне о Долин, – попросил Аннев, меняя тему разговора. – Или... о Гвен?

Шраон, задорно крякнув, свернул в какой-то узкий переулок. По обеим сторонам улочки, тесно прижимаясь друг к другу, высились дома, наполовину скрытые под навесом крыш.

– Скажем так, Долин – ее рабочий псевдоним, такое имя она ставит на своих изделиях. Думаю, она просто не хочет себя выдавать: пусть люди считают, что она мужчина, тогда и товар станут брать охотнее.

– Так почему ты решил, что она сможет снять эту руку?

– А это, – сказал Шраон, сверкнув единственным глазом, – Гвен тебе сама объяснит.

– Постой, ты ведь сказал...

Но Шраон не дал ему закончить.

– Мы пришли! – объявил он, ухмыляясь во весь рот.

Они остановились у приземистого каменного дома. Вывеска отсутствовала, дверь давно почернела от сажи.

– Помни о манерах, ты все-таки гость. А я – давний соратник и конкурент, и мне единственному дозволено называть ее Гвен. Так что помалкивай, говорить буду я. – Он поднял кулак, готовясь постучать. – И не вздумай верить всему, что она скажет! Особенно обо мне.

Аннев кивнул, твердо решив: как бы не так! Только что выяснилось, что его хороший знакомый Шраон в прошлом был рабовладельцем, да к тому же с самого детства дружил с Содаром – загадочным, скрытным Содаром, прожившим целую сотню жизней, а то и больше. Кто знает, сколько еще секретов таит в себе ваше прошлое, мастер кузнец?

Глава 3

Шраон постучал мясистым кулаком в закопченную дверь. По кузнице прокатилось гулкое эхо. Он немного подождал, потом постучал снова, но открывать ему никто не спешил. Кузнец, помрачнев, поправил повязку на глазу.

– Вывески нет. Неужто Гвен съехала?

– Когда вы виделись в последний раз?

– Давно, – признался Шраон. И хмуро добавил: – Очень давно. Я нечасто ее навещал – особо близкими друзьями мы никогда не были. Но мой осведомитель сказал, что она до сих пор тут живет.

– Что за осведомитель?

– Фермер один, Гриббл. Иногда Содар посылал меня в Банок, и, если мне не хотелось тут светить своей физиономией, я просил Гриббла помочь. Когда ты отправился сюда за артефактом, Содар велел мне связаться с ним, чтобы Гриббл доставил срочное послание Риву в Квири. Гриббл обещал связаться с Тукасом – нашим человеком в Лукуре. Думаю, Рив то послание уже получил. По крайней мере, очень на это надеюсь.

– Но какое отношение этот Гриббл имеет к Гвен?

– Долин, – поправил кузнец. – Называть ее Гвен могу только я. Да и то чтобы лишний раз ее подразнить.

Он снова постучал в дверь, на этот раз намного громче.

– Гриббл добывает мне сведения о кое-каких людях, – сообщил Шраон. – Людях, представляющих особый интерес, так сказать. Как Янак Харт, к примеру. Или Гвен.

– А почему она...

– Вот у нее и спроси! Если, конечно, мы ее когда-нибудь найдем.

Последние слова он пробормотал себе под нос.

Аннев с недоумением огляделся:

– Странное место для кузницы. Твоя стояла на открытом воздухе, а здесь даже окон нет. А как же нестерпимый жар? Куда деваются пар и дым? Как здесь вообще можно плавить металл?

– Ювелиру пылающее горнило ни к чему. Хотя ты прав. Я тоже в свое время задавал себе эти вопросы. Видишь ли, Долин не простой кузнец...

Шраон повертел головой, бросил быстрый взгляд на окна соседних домов и крыши, а затем, понизив голос до шепота, продолжил:

– Своим мастерством она обязана одной маленькой тайне...

– Погоди, – не понял Аннев. – Хочешь сказать, она кеокум?

Шраон неодобрительно цыкнул.

– Боги, Аннев, ты в курсе, что это звучит оскорбительно, а? Я знаю, что в Шаенбалу вам это с рождения твердили, но уверяю тебя: люди, использующие магию, никакие не кеоку-

мы. Они наделены особым даром – «талантом крови», как они сами говорят, – и мы зовем их ремесленниками. В твоей деревне, надо думать, в ходу были совсем другие прозвища.

– Да, – согласился Аннев, пытаясь осознать все услышанное. – Так Долин умеет пользоваться магией? Как Содар?

– Не совсем. Но лучше она сама тебе все объяснит – если мы все-таки с ней увидимся.

– Чем обязана?

Шраон с Анневым обернулись и увидели в переулке немолодую широкоплечую женщину. Она обладала узкой талией и мускулистыми руками, глядя на которые можно было предположить, что незнакомка с легкостью способна поднять кузнечный молот – или размозжить чей-нибудь череп, случись такая необходимость.

– Гвен! – Лицо Шраона расплзлось в широченной улыбке. – Сколько лет, сколько зим! Надо же, ты ничуть не изменилась: все такая же сильная – медведя запросто голыми руками завалишь.

Два гигантских шага – и женщина уже стояла рядом с ними.

– А ты все такой же красавец, что запросто сойдешь за одного из них.

Она поставила у двери громоздкий мешок, который держала в руке, и кивком указала на Аннева, скользнув взглядом по его перчатке:

– А это кто? Новый подмастерье?

– Ну... можно и так сказать.

– Ясно.

– Можем поговорить внутри? Хочу попросить тебя об одной услуге.

– Шраон Ченг просит об услуге *меня*? – Долин рассмеялась. – С большим удовольствием повешу на тебя этот долг. Идемте.

Она вынула из-за пояса огромный ключ, отперла дверь и распахнула ее настежь, пропуская мужчин вперед. Шраон вошел первым, и Аннев, пробормотав слова благодарности, поспешил следом.

Внутри царили чистота и полумрак. Долин пересекла комнату и, подняв скользящую створку окна, открыла ставни. В кузницу хлынул солнечный свет. Помещение оказалось довольно просторным: кузница занимала весь первый этаж здания и еще два этажа примыкающего к нему дома. Помимо нескольких столов, каждый из которых был оборудован как самостоятельное рабочее место, Аннев увидел очаг, плавильню, кузнечный горн и печь.

Аннев осторожно приблизился к столам и тихонько ахнул: такого разнообразия инструментов ему в жизни видеть не доводилось. Были здесь всевозможные щипцы, тиски, резцы, а еще крошечная наковальня с молоточком и множеством пинцетов. На полу стояло с полдюжины бочек с водой.

– Сколько инструментов! – не удержался он, забыв о наказе Шраона помалкивать.

Гвендолин опустила мешок на пол. Раздалось бряцание металла.

– Ты знаешь каких-нибудь поэтов? Тебе вообще известно такое слово – «поэт»?

Аннев вспыхнул до корней волос.

– Конечно.

Долин, вздернув бровь, взглянула на Шраона, и оба улыбнулись.

Так, все ясно. Надо мной издеваются.

– Сколько инструментов в распоряжении поэта?

Этот вопрос застал Аннева врасплох.

– Хм... нисколько? Я имею в виду... один – его голос.

Шраон издал веселый смешок, но Долин оставалась серьезной.

– Поэт использует слова. Сколько всего в мире слов?

Тут Аннев решил, что больше не ударит в грязь лицом.

– Поэт может творить на даритском, а также илюмитском и терранском. Еще есть древнедаритский и глифы силы... Если принимать в расчет все слова – произносимые и существующие на письме, – всего в мире наберется несколько сотен тысяч слов. А то и миллионов. – Он перевел дух. – Полагаю, ты хотела сказать, что по сравнению со средствами, доступными поэту, набор твоих инструментов жалок и ничтожен? Я прав?

В глазах Долин вновь появился лукавый блеск.

– Быть может, ты смысленее, чем кажешься на первый

взгляд. – Она улыбнулась. – Этот мальчик явно не твой подмастерье, Шраон. Кто он тебе?

Одноглазый кузнец довольно хмыкнул:

– Ты меня раскусила. Я обучил Аннава азам кузнечного дела, это правда, но на самом деле он ученик Содара.

Долин смерила Аннава внимательным взглядом:

– Так ты обучен грамоте? Эта перчатка сбила меня с толку, но теперь все встало на свои места. Впрочем, для писца или помощника священника у тебя слишком мускулистые руки. – Она повернулась к Шраону. – И много он знает?

В комнате повисла неловкая, звенящая тишина. С каждой секундой нехорошее предчувствие, терзавшее Аннава, нарастало. Почему Шраон так уклончиво отвечал на его расспросы о Долин? И почему сам даже не попытался снять Длань Кеоса, а решил доверить это дело другому кузнецу? Сам Аннев мог придумать лишь одно объяснение, от которого его бросило в холодный пот.

– Только подозревает, – нарушил тишину Шраон. – Я держал язык за зубами, но вид твоей кузни вызвал у него кое-какие догадки.

Аннев судорожно сглотнул, чувствуя, как от ужаса сжимаются внутренности.

– Неужели? – Долин, не сводя с Аннава пронизательного взгляда, подошла ближе. – У него есть дар, верно?

Шраон тут же стал серьезен.

– Дар... и не только. Покажи ей!

Аннев нехотя повиновался. Глядя на Долин, он принялся медленно стягивать перчатку. Едва рука показалась из-под грубой кожи, как комната озарилась золотым сиянием. Женщина ахнула и прикрыла рот ладонью.

– Кеос, – выдохнула Долин. – Это... это она?

– Аннев, покажи ей всю руку.

Аннев сдернул перчатку, и перед потрясенным взором Долин предстала Длань Кеоса во всем своем ужасающем величии. Долин дрожащей рукой поманила Аннева к себе:

– Ты позволишь?

Аннев кивнул, и женщина с благоговейным трепетом прикоснулась к золотой поверхности. Ее пальцы обвели дымящуюся наковальню и молот, потом скользнули по буквам, начертанным на ладони и тыльной стороне руки. Аннев невольно вздрогнул: как ни странно, волшебный протез оказался намного чувствительнее его правой руки.

Долин шевелила губами, читая про себя таинственные слова. *Memento Semper. Numquam oblivisci.* Она перевернула руку ладонью вниз. *Aut inveniam viam aut faciam.*

– Ты знаешь, что это такое? – Она пристально посмотрела на Аннева.

К тому наконец вернулся дар речи.

– Да. Вы можете... могли бы помочь мне снять ее? Она проклята. Мне страшно. Помогите мне.

Аннев едва сдерживался, чтобы не заплакать.

– Я... я не знаю. Но я попробую. – Долин снова взглянула

на золотой протез и покачала головой. – Это могущественная магия, Шраон.

– Мы уже поняли, – мрачно ответил кузнец. – Имели счастье самолично в этом убедиться.

– Правда? – Долин пару мгновений озадаченно смотрела на обоих. Вдруг ее брови поползли вверх. – Вчера небо на западе прорезал луч ослепительного света. Так это была... Длань?

– Вы его видели? – изумленно переспросил Аннев. – Здесь, в Баноке?

Долин кивнула:

– Столб огня, яркого, как само солнце. Или даже ярче – ведь мы видели его ровно в полдень.

– Кто это – «мы»?

– Да все, кто живет в этом проклятом городишке. Только об этом и говорили до заката. Народ решил, что это друиды или илюмиты устроили зрелище в честь Регалея. – Долин фыркнула. – Несусветная глупость. На магию друидов это совершенно не похоже, а илюмиты не идиоты, чтобы привлекать к себе внимание подобными фокусами. По крайней мере, здесь, в Дароэе.

– Ясно, но давай ближе к делу, Гвен: ты можешь снять эту руку?

Долин перевела взгляд на Шраона.

– Можно попытаться. Но лучше бы вам найти творца артефактов – вот кто действительно сможет помочь.

– Творца артефактов? – воскликнул Аннев, отдергивая руку. – Но... они же все терранцы!

Долин расхохоталась:

– А я, по-твоему, кто?

Это было чересчур.

– Нет, не может этого быть... – пробормотал Аннев, испуганно пятясь к двери. – Шраон, почему я здесь? Зачем ты меня к ней привел?

– Не бойся, парень, – успокоил его кузнец. – Долин не терранка – по крайней мере, точно не та, кем ты ее представляешь. Она орванийка, то есть из новотерранцев. Ее народ искусен в обращении с металлами и минералами.

– Ты хочешь сказать... она поклоняется Круитхару?

Долин кивнула. К горлу Аннава подкатил горький комок. Именно с Круитхаром заключил сделку Янак Харт: бог пообещал купцу новое здоровое тело – в обмен на Аннава.

Аннев быстро оглянулся на дверь. Он заметил, как напряглись мышцы Долин, и машинально принял боевую стойку. Пусть только попробует напасть – он будет драться до последнего. Если, конечно, не успеет сбежать.

Рука Шраона легла ему на плечо.

– Да тише ты, парень. Вот потому-то я и хотел, чтобы Долин сама тебе все рассказала.

– Она почитает *Круитхара*, Шраон. Круитхара, который на меня охотится!

Аннев сцепил руки и тут же ощутил, что левая, которая

еще минуту назад была холодной, стала почти горячей. Он поспешил снова спрятать ее под толстой перчаткой.

Шраон выглядел растерянным. Удивленно подняв брови, он повернулся к женщине. Пальцы кузнеца сомкнулись на рукояти алебарды.

– Гвен, это правда?

От Долин его движение не ускользнуло. Держа руки на виду, она сделала короткий шаг назад.

– Ты явился сюда, чтобы угрожать мне, Шраон? – Женщина презрительно фыркнула. – Зря ты обвиняешь меня в дурных намерениях. Сомневаюсь, что среди богов и богинь найдется тот, кому не захотелось бы увидеть владельца Длани Кеоса.

– Ты не ответила на вопрос.

– Вообще-то, это и был ответ. Позволь тебе напомнить: ты в моем доме. В моей кузнице. Ты сам ко мне пришел, я об этом не просила. – Она махнула рукой на дверь. – Я вас не держу.

Долин взглянула на Аннева, и в этот самый миг из-под его перчатки вырвалась тонкая струйка дыма. Аннев слегка махнул рукой, пытаясь разогнать дым, но, к досаде мальчика, Долин все видела. Женщина покачала головой:

– Забудьте об этом. Вам пора.

Она уже собиралась вытолкать Шраона за дверь, но кузнец увернулся, отступил на несколько шагов и снова заговорил:

– Да погоди ты, Гвен. Прошу, не надо так. Мальчишке и правда нужна твоя помощь.

– У меня своих проблем хватает. – Долин скрестила руки на груди. – И до ваших мне нет никакого дела. Я не потерплю, чтобы меня оскорбляли в моем же собственном доме. И прекрати звать меня Гвен! Я тебе не какая-нибудь трактирщица или крестьянка. Меня зовут Долин. Не Линн, не Гвенни, не Долл – Долин. И тебе это прекрасно известно.

– Долин, умоляю! Помоги ему. Я тут бессилён, а у тебя есть дар.

– Дар есть у каждого, – пробормотала Долин. – Но лишь немногие из нас знают, что с ним делать.

Она убрала за ухо прядь каштановых волос и, снова посмотрев на горящую огнем золотую руку, покачала головой. Потом перевела хмурый взгляд на перепуганного Аннава. Тот ничего не сказал, лишь едва заметно кивнул, но в его глазах было столько боли и мольбы, что Долин сдалась.

– Я попробую, Шраон, – вздохнула она. – Но лишь в память о нашем общем прошлом. Обещать ничего не могу. Как я уже сказала – вам нужен настоящий творец артефактов.

Тут Аннев кое-что вспомнил.

– Это такой человек, как... Урран?

Женщина удивленно вскинула бровь:

– Ты слышал о нем? Ну да какая разница – он тебе точно не поможет.

– Постой, – недоверчиво произнес Аннев, – так Урран до

сих пор жив?

– Он из вечных, – проворчала Долин, – может, прячется себе где-нибудь. Он исчез сразу после похода за диамагами, который и возглавлял. Это случилось две тысячи лет назад. Как по мне, он давно уже мертв.

– Диамаги?.. Утерянные артефакты богов?

– Они самые. Наверяд ли Содар об этом знал – как и остальные дариты, – но для нас это не секрет.

Аннев жадно впитывал новую информацию.

– Повторяю вам, здесь нужен истинный мастер, который специализируется на артефактах, – продолжала Долин. – И не только на посредственных безделушках, которые запросто может создать любой из нас. Я говорю о настоящих, великих артефактах, которые со временем не утрачивают своей силы. – Она постучала ладонью по кузнечной перчатке Аннева: – Как этот.

Долин несколько секунд пристально смотрела на перчатку, словно хотела проникнуть взглядом сквозь толстую кожу.

– Боги мои, мальчик. Тысячи людей убили бы за нее, отрезали собственную руку, чтобы обладать Дланью Кеоса.

На мгновение она умолкла.

– Как же тебя так угораздило? Считалось, она бесследно исчезла после поражения Кеоса в Возгарской битве, за тысячу лет до того, как пропал Урран.

Аннев посмотрел на Шраона: кузнец пожал плечами.

– Это твоя история, парень. Тебе и рассказывать.

Однако Аннев колебался. Действительно ли он может довериться этой женщине? Стоит ли ей вообще доверять?

Долин словно прочла его мысли.

– Ты все еще боишься, что я приведу к тебе Круитхара? – Она задумчиво кивнула. – Ты осторожен, и это правильно. Я жрица Круитхара, Аннев, и я беззаветно предана своему богу.

Искренность Долин подкупала, тем не менее Анневу пришлось призвать на помощь все свое самообладание, чтобы не броситься прочь очертя голову. Тут еще и левая рука нестерпимо зачесалась, как будто скрывавшая ее перчатка загорелась изнутри.

– Именно поэтому Шраон и привел тебя ко мне, – продолжала Долин, не сводя с Аннева внимательного взгляда. – Орванийцы как никто умеют обращаться с металлом и минералами, к тому же среди жрецов Круитхара не найдется ни одного, кто знает хотя бы половину того, что знаю я. Поэтому надежда есть. – Она сделала паузу. – Хочешь услышать больше или этого достаточно?

– Ты позволишь мне уйти? Если вдруг я не захочу остаться, ты отпустишь меня?

Долин усмехнулась:

– А ты думаешь, я закую тебя в цепи и заставлю возносить молитвы Круитхару? Если ты и нужен моему богу, то готова биться об заклад, что причина тому – этот проклятый артефакт. Так что если все получится – в выигрыше останем-

ся мы оба. – Она протянула к нему руку ладонью вверх. – Так ты позволишь мне попытаться? Или сбежишь отсюда, как испуганный ягненок?

От ее слов Анневу стало немного спокойнее, хотя его щеки предательски вспыхнули. Что ни говори, а Долин его все-таки раскусила, ведь больше всего на свете ему сейчас хотелось бежать отсюда без оглядки. Он кашлянул, прочищая горло, и снова осмотрел диковинные инструменты: интересно, какие из них обладают магией, способной избавить его от этой треклятой руки?

– Содар почти ничего не рассказывал мне о терранской магии. Чем ты собираешься пользоваться?

Долин подняла руки, и Аннев впервые обратил внимание на ее ладони – широкие, в заскорузлых мозолях.

– Этим.

Аннев насупился, сбитый с толку ее ответом.

Вместо объяснений Долин потянулась к мешку, который принесла с собой, и вытащила из него кусок золота размером со свой кулак. Очевидно, он обошелся ей в пять солари, не меньше. Сильные пальцы принялись ловко разминать металл, расплющивать и растягивать с такой легкостью, словно обыкновенную глину. Аннев зачарованно наблюдал, как бесформенная масса превращается в широкую ленту, а та становится изящным браслетом; как пальцы Долин скользят по его краю, оставляя за собой филигранное кружево узора.

Закончив работу, Долин протянула браслет мальчику. Тот

бережно взял украшение и, затаив дыхание, осмотрел со всех сторон.

– Восхитительно, – только и смог произнести Аннев.

Он вдруг осознал, как велика пропасть между Долин и его другом: по сравнению с ней Шраон выглядел как неопытный подмастерье, едва взявший в руки кузнечный молот. Испытывая почти благоговейный восторг, он отдал браслет Долин.

– Спасибо, – поблагодарила она. – Закончу его позже. Теперь пригодятся и инструменты: нужно добавить кое-какие детали – может, сделать прорези – посмотрим.

Она положила браслет рядом с остывшим очагом.

– Но твоя рука не из золота. Она лишь выглядит как золотая, потому что такой задумывал ее Кеос, однако отлита из иного материала. Того же, из какого боги сотворили мир.

Она замолчала, ожидая, пока смысл ее слов дойдет до Аннева. Тому понадобилось лишь несколько мгновений.

– *Аклумера*, – выдохнул он, распахнув глаза от изумления.

Губы женщины тронула улыбка.

– Тебя и вправду кое-чему обучили.

Поманив мужчин за собой, она направилась в дальний конец кузницы, отперла стоявший там железный сейф и вынула из него флакон с какой-то жидкостью. Можно было подумать, что это расплавленное золото, но сияние, исходившее от флакона, переливалось всеми цветами радуги.

– Вот она – *аклумера*. – Долин бережно поместила крошечную склянку в кованный железный держатель. – Здесь

всего несколько капель – их даже не хватит, чтобы наполнить мою пригоршню, – но на них можно купить целую гору золота.

– Ты шутишь, – с недоверием произнес Аннев.

– Ничуть. Когда-то я спасла одному королю жизнь, и он предложил мне выбор между этим бутылком и двенадцатью сундуками золота. – Долин улыбнулась. – Таков уж король Ченг, что даже из раздачи долгов устраивает азартную игру. К счастью, я знала, что ценнее.

Усмехнувшись, она постучала себя пальцем по носу.

– Никогда не видела, чтобы так расстраивались, уплатив долг жизни. – Долин посмотрела на Шраона. – Слышал об этом что-нибудь?

Кузнец помрачнел.

– Ты и сама знаешь, что нет. Я давным-давно открестился от этих дел.

– Ну да, конечно, – ответила Долин, любуясь радужным сиянием магии, заключенной в крошечном кусочке стекла.

У Аннева от волнения пересохло в горле. Полковша этой бесценной субстанции он выплеснул Кентону в лицо, когда бежал из темницы. В камере, куда его бросили, она сочилась с потолка, и натекло ее столько, что хватило бы на маленький бассейн. Да что там – посреди Проклятого хранилища стоит огромный бездонный колодец, до краев наполненный аклумерой! Если Долин действительно не шутит, то под развалинами Академии покоятся несметные богатства!

– У владельца аклумеры лишь одна проблема, – проговорила Долин, не сводя с флакона зачарованного взгляда. – Что делать с таким сокровищем? Король Ченг, вероятно, это хорошо понимал. Возможности аклумеры безграничны, но как только я выберу цель – пути назад уже не будет. Как и второй попытки.

Она задумчиво хмыкнула и снова убрала склянку в ящик.

– Теперь ты знаешь, из чего сделана твоя рука и что за мастер ее сотворил. Им был сам бог крови земной. – Долин села на стоящий у сейфа стул. – Я единственная, кто может тебе помочь. Но это еще не значит, что у меня получится.

Аннев со Шраоном обменялись взглядами. Кузнец лишь развел руками.

– Я не доверяю твоему богу, – серьезно произнес Аннев, обращаясь к Долин. – Но возможно, я смог бы доверять тебе. Без тебя мне не обойтись, но помочь мне – в твоих же интересах.

– Не буду спорить. – Долин кивком указала на его левую руку. – Дай-ка мне еще раз на нее взглянуть.

Держа эмоции под контролем, Аннев послушно снял перчатку. Вокруг снова разлилось золотое сияние, которое, казалось, пульсирует в такт его дыханию.

Долин, не прикасаясь к артефакту, опять внимательно осмотрела его, а потом покачала головой:

– Я могу использовать орванийскую магию, но предупреждаю: магия, что создала этот артефакт, совсем иного рода.

Я даже не знаю, с чем мне предстоит иметь дело, и отделить эту руку от твоего тела может быть не менее опасно, чем попытаться расплавить земной металл с помощью аклумеры. И все же я попробую. Круитхар мне свидетель, я не боюсь и знаю, что если преуспею – на меня снизойдет его благословение, не дарованное доселе ни одному кузнецу... но если ошибусь – не исключено, что нас ждет повторение вчерашнего. Подумай об этом.

Шраон тихо откашлялся.

– Может, лучше не рисковать? Найдем Рива, пусть он поможет.

С этим Аннев не был согласен. Рив, состоявший в том же братстве, что и Содар, не терранец и не творец артефактов, и управляет он водой небесной, а не кровью земной. Чем он поможет? Нет, если кто и в силах избавить его от Длани Кеоса, так это Долин. Даже если удастся найти мастера, подобного Уррану, нет никаких гарантий, что он справится лучше этой женщины. Мало того, мастер-терранец почти наверняка вознамерится принести Аннева в жертву своему богу – Кеосу. Долин же ясно дала понять, что ей нужен лишь протез. Вот и отлично – пусть забирает, лишь бы избавиться от этой чудовищной руки, принесшей столько зла. Долин – его единственный шанс, а потому придется довериться ей. И будь что будет.

Только прошу тебя, Одар всемогущий, не дай мне спалить все дотла, как в прошлый раз.

– Шраон, – окликнул Аннев кузнеца, который уже прощался с Долин.

– Что?

– Я хочу попробовать.

Смуглое лицо Шраона стало мрачнее тучи.

– Уверен? Ты ведь слышал, что сказала Гве... Долин. Смотри, как бы не стало еще хуже.

Аннев уверенно кивнул. Отступить было некуда.

Долин поднялась со стула и приблизилась к тяжелой железной двери, которая вела в плавильню. Открыв дверь, за которой виднелась еще одна, женщина вошла внутрь, зажгла свечу и поманила мужчин за собой.

Глава 4

Долин поставила свечу на стол и села напротив Аннева. Для Шраона стула не нашлось. Комнатка была маленькая и располагалась глубоко под землей.

– Знания, доставшиеся мне от предков, необычны, – начала Долин, – как и мое родство с магией. Пусть я и орванийка, для большинства даритов это то же самое, что терранка. Поэтому, узнай граждане Банока, кто я такая, они попросту перестали бы давать мне заказы и покупать мои готовые изделия. А нашлись бы и те, кто с радостью разгромил бы мою кузницу или вышвырнул меня вон из города.

Для Аннева все это звучало ужасно знакомо. В Шаенбалу

людей, обладающих хоть наполовину терранской кровью, открыто презирали и даже изгоняли из деревни. А уж потомственных терранцев могли вроде бы даже казнить – как и тех, кто владел магией; правда, самому Анневу не доводилось видеть, чтобы человека казнили лишь за его происхождение. Выходит, и в Баноке, пусть он в десятки раз больше Шаенбалу и населяют его выходцы со всех концов света, люди не лишены предрассудков.

– Так это нечто вроде запасного выхода? – Шраон указал на вторую дверь, закрытую на засов.

Долин кивнула:

– Туннель оканчивается за стенами города. Но хвала Круитхару, мне еще ни разу не пришлось им воспользоваться.

Аннев беспокойно заерзал на стуле:

– Зачем мы сюда спустились?

– Видишь ли, мальчик, твоя рука – один из самых могущественных артефактов, когда-либо созданных в этом мире. По силе она почти не уступает диамагам. А поскольку посох, молот и флейта канули в Лету, как и породившие их боги, по эту сторону завесы не существует предмета опаснее. Эта комната расположена на глубине десяти футов. Если я потерплю неудачу, – по крайней мере, вреда окажется меньше.

Аннев едва не рассмеялся. Десять футов! Да в Шаенбалу луч огня, вырвавшийся из его руки, выжиг в земле пропасть в милю глубиной, а Академию – эту невероятную громадину – превратил в груду камней. Чем им помогут эти десять футов

земли над головой? Разве что похоронят их заживо.

Однако спорить он не стал и молча положил левую руку на стол перед Долин.

– Прежде чем начнем, я объясню тебе, что собираюсь делать. Поскольку рука совершенно непредсказуема, будет лучше, если ты не станешь противиться моим действиям.

Аннев кивнул, и Долин, казалось, почувствовала себя более уверенно.

– Ты что-нибудь знаешь о магии терранцев? Или орванийцев?

– Ничего, – признался Аннев. – Или почти ничего. Знаю лишь, что она использует кровь земную, а не влагу небесную и не свет огненный. И что ее искусство связано с миром материи, а не разума и духа.

Гвендолин подняла руку, давая ему знак замолчать.

– Твой первый ответ был верен – ты ничего не знаешь. Пожалуй, даже меньше чем ничего, а это еще опаснее.

Она потеряла виски. Пламя свечи затрепетало, потревоженное волной воздуха.

– Все взаимосвязано. Все – одно. Кровь земная. Влага небесная. Свет огненный. Все это – *аклумера*.

– Это метафора такая? – не понял Аннев. – Ты ведь не хочешь сказать, что все три вещества на самом деле одинаковые?

– Я хочу сказать, что все они *взаимосвязаны*. Подумай вот о чем: глядя на звезды, что ты видишь – исходящий от них

свет или небесный свод? Можешь ли, сидя у огня, точно сказать, где кончаются дрова и начинается пепел? И чего больше в тлеющих углях – крови земной или света огненного? Такое нельзя выразить словами – можно лишь *почувать*. Не существует вещества в чистом виде. Понятно теперь, почему говорить, будто терранцы используют одну лишь кровь земную, а дариты – только влагу небесную, – несусветная глупость?

Аннев, ощущая собственную беспомощность, уставился на Шраона, но кузнец лишь пожал плечами: давай, мол, сам. Аннава охватила досада. Что еще утаил от него Содар, этот многомудрый хитрец?

– Зачем ты мне это говоришь?

– Чтобы ты понимал: я знаю, что делаю, – и доверился мне. Тогда мне будет легче отделить от тебя этот артефакт.

Все эти разговоры уже начали действовать Анневу на нервы.

– Не такой уж я невежда, как ты думаешь, – ровно произнес он, не желая показаться раздраженным. – Я прекрасно понимаю, как работает даритская магия и как все три вида магии связаны между собой...

– Восемь. – Долин взяла его золотую руку.

– Что, прости?

– Существует восемь разновидностей магии.

К стольким откровениям за один раз Аннев был не готов. Он почувствовал, что почва ускользает из-под ног, а ему со-

вершенно не за что ухватиться.

– Ты имеешь в виду магию новых богов? – Как он ни старался, голос у него дрогнул, и вместо утверждения из его уст вылетел неуверенный вопрос.

Долин кивнула. Она провела пальцами по филигранным арабескам, хитроумной паутиной оплетавшим золотую руку:

– Чувствуешь?

– Только твои прикосновения. Ты ведь пока не используешь магию, верно?

– Верно.

Пальцы Долин переместились к костяшкам.

– А сейчас?

Аннев непроизвольно вздрогнул от ощущения щекотки.

– Поверхность твоей металлической руки совершенно лишена волосков, однако чувствительна к малейшему прикосновению. Невероятно.

Аннев, которого ее действия приводили в смущение, нервно кашлянул.

– Ты сказала, в мире восемь видов магии, – произнес он. – Но новые боги – это лишь продолжение Кеоса. Выходит, их магия – терранская, а не какой-то новый вид, так? Восемь или три – какая разница, если все суть одно? Ты сама говорила, что все взаимосвязано.

– Это не так просто. – Обхватив одной рукой его запястье, Гвен ткнула себя большим пальцем в грудь. – Я орванийка. У орванийцев есть два магических клана: железорожденные

и камнерезы. Как по-твоему, к какому из них принадлежу я?

– Не знаю. Ты сделала из куска золота браслет, но то металл, а не камень, так что, полагаю... ты из железорожденных?

– Тебе следовало бы ограничиться первым предложением, – улыбнулась Долин. – Я дуалист – и железорожденная, и камнерез. Но кузнечное дело – мой главный талант.

– И кто ты тогда?

– Ювелир, – ответила Долин, снова берясь за протез обеими руками. – А теперь расслабься: я собираюсь пустить в ход магию. Совсем чуть-чуть. Я не стану ничего изменять или разрушать, лишь посмотрю, с какими силами мне предстоит иметь дело.

От ее слов Анневу стало жутко, однако он умудрился сохранить почти невозмутимый вид.

– Конечно. Отлично. А скажи, сколько... сколько всего магических кланов?

– Сейчас двадцать два.

– Что значит «сейчас»?

– Три изначальных вида магии породили двенадцать кланов. Много веков спустя, после сокрушения Длани Кеоса, появилось еще пять видов новой терранской магии. На сегодняшний день известно десять кланов, возникших на их основе, но, сдается мне, совсем скоро их станет в два раза больше. И когда это произойдет, на свете будет уже тридцать два типа ремесленников, не считая дуалистов.

С каждым ее словом глаза Аннева становились все шире.

– Значит, существует восемь видов магии: три доставшихся нам от старых богов и пять – от новых, и двадцать два вида магических кланов... причем таланты разных кланов могут сочетаться в одном человеке?

– Именно. И у каждого ремесленника будут свои сильные и слабые стороны. К примеру, если ты родился камнерезом, это еще не значит, что ты умеешь придавать форму камню, – возможно, ты можешь воздействовать только на металл. Или только на *некоторые* виды камней. Я знаю камнерезов, которые работают лишь с кварцем, но какие шедевры выходят из их рук! Знаю и тех, кто из земли даже примитивной безделушки не сотворит, зато способен проникать сквозь любую неорганическую материю. Посади их в металлическую клетку в недрах каменной горы – и они в два счета, смеясь, выберутся на свободу. Но в клетке из свежесрубленных веток – или одной из тех живых клеток, что выращивают друиды, – они окажутся беспомощны, как младенцы. Так сколько же типов ремесленников существует? Где кончается один магический талант и начинается другой? Определить наверняка невозможно, по крайней мере пока, хотя мы и пытаемся. Это я и имела в виду, когда говорила, что все взаимосвязано.

Тут по золотому протезу пробежал холодок. Аннев вздрогнул, и рука сама собой сжалась в кулак, крепко стиснув пальцы Долин. Женщина охнула, резко зашипев сквозь зубы. Аннев, приложив немало усилий, расслабил руку, и

Долин быстро выдернула кисть.

– Очень больно? – робко спросил Аннев.

– Вовсе нет. Просто такого я не ожидала. Ну и хватка у тебя.

– Что ты сделала?

– Полагаю, задела какой-то нерв. Видимо, в твоей металлической руке, как и в человеческом теле, они тоже есть.

Сердце у Аннева неприятно екнуло – час от часу не легче! – и ему захотелось поскорее сменить тему разговора.

– Расскажи, как работает твоя магия. Что может кователь?

– Камнерез направляет энергию во внешний мир. – Долин, не поднимая глаз, продолжала ощупывать протез. – Он воздействует на кровь земную, чаще всего посредством своих рук. Железорожденный изменяет магией самого себя. Он может сделать так, что кожа его станет тверже камня, а кости – прочнее стали.

«Феуроги...» – подумал Аннев.

– Но магия требует свою плату, – продолжала Долин. – Если поглощаешь железо и кальций, как это делает мой народ, приходится мириться с последствиями.

Она приподняла волосы, скрученные в толстое кольцо на затылке, и Аннев увидел, что кожа под ними покрыта металлическим налетом. Анневу стало дурно. Как ни старался он сохранить спокойствие, Длань Кеоса вновь запульсировала ярко-золотым светом, выдав его с головой. Долин посмотрела на руку, потом перевела взгляд на Аннева.

– Твоя рука нагрелась, – спокойно произнесла она.

– Правда? – хрипло спросил Аннев. Он прокашлялся и убрал руку со стола. – Дай мне пару секунд – дух перевести.

Он принялся сжимать и разжимать кулак. Гвендолин наблюдала за ним, удивленно приподняв бровь.

– У ворожейного ремесла тоже есть своя цена, – сказал Аннев. На сей раз его голос звучал уверенно. – Глифоречение истощает *кваш*, заклинательное песнопение усиливает *люмен*, а ворожейное ремесло перестраивает *т'расанг*.

Долин, подумав немного, кивнула.

– Нежелательные последствия можно свести к минимуму – и даже обратить вспять, – но это под силу лишь истинному мастеру, ведающему самыми глубинными основами ремесла. А вот какой-нибудь недоучка запросто может доиграться до того, что превратит себя в монстра.

И снова Аннев вспомнил о феурогах. Слишком заметно сходство между орванийской магией и той, с помощью которой появились на свет те уродливые чудовища. Может, и не стоило ему соглашаться на помощь этой женщины...

Внезапно на ум ему пришел Янак Харт. Известно ли Долин об этом человеке? Наверняка ведь он заключил сделку с ее богом, да и жил в одном с ней городе. Аннев уже открыл рот, чтобы спросить, но не успел – Долин продолжила свой рассказ:

– Запомни: за магию всегда нужно платить. Даже то небольшое, что я использую сегодня, непременно скажется на

мне.

Анневу стало совестно. До последнего он был одержим лишь мыслью о том, как бы избавиться от ненавистного артефакта. Ему и в голову не пришло, что женщина, склонившаяся сейчас над его рукой, рискует собственным здоровьем и даже жизнью, чтобы ему помочь. А он чем ей отплатил? Лишь подозрениями да неверием.

– Я понял, – пробормотал он, повесив голову. – А ты помни вот что: какую бы жертву тебе ни пришлось принести сегодня – она не напрасна, ведь ты спасаешь жизни сотен людей, а не только мою.

Долин громко фыркнула:

– Прекращай уже твердить, будто якобы что-то понимаешь. Твой наставник не обучил тебя должным образом, а то, что говорю я, – лишь крошечная капля в необъятном море истины. Меня может парализовать, мои кости могут превратиться в мягкую глину, а кровь – в песок. Так что я стану соблюдать крайнюю осторожность, а если вдруг остановлюсь на полпути – ты знаешь почему.

– Думаешь, тебе и правда грозит подобная опасность? – спросил Аннев, холодея от ужаса.

– Это вряд ли. Тело у меня выносливое, к тому же я железорожденная – я знаю, как укрепить его, чтобы без особых потерь противостоять влиянию магических сил. Будь у меня меньше опыта, я бы на такое не решилась.

Аннев снова украдкой глянул на затылок Долин.

«Она же почти феурог... Разве можно ей доверять? Разумно ли вообще просить ее о помощи?»

– Так мы продолжаем? – спросила Долин, словно подслушав его мысли. – Я уверена, что ничего ужасного со мной не случится, но если хочешь, можем прекратить. Я пойму.

– Хорошо, я тебе верю, – выдавил из себя Аннев. – Скажи только, что... что мне нужно делать.

– Клади руку на стол.

Аннев повиновался. Долин, чье лицо тут же превратилось в бесстрастную маску, снова обхватила его запястье обеими руками.

– Сначала я пыталась нащупать магические рычаги, удерживающие руку на месте. Теперь собираюсь на них воздействовать. Ты должен открыть свой разум. Пусть твой дух наполнит каждую клетку твоего тела и вынесет на поверхность саму твою суть.

– Что это значит? – не понял Аннев.

– Большинство людей держат свои помыслы, страхи и желания под замком. Подобно ревностным стражам, охраняющим узников, они зорко следят, чтобы ни одна истинная эмоция не выскользнула из-под контроля их разума и не выдала себя в случайном жесте. Я же хочу, чтобы ты раскрылся. Слейся воедино со своими мыслями и вытолкни энергию – саму свою душу – наружу. Если под кожей разольется приятное тепло – значит ты все сделал правильно. Ты испытаешь чувство необычайной гармонии. Когда это произойдет,

я смогу увидеть нити, которыми протез привязан к твоей руке, распутать их и безболезненно снять артефакт. – Она пристально посмотрела Анневу в глаза. – Давай.

Аннев медленно выдохнул и, следуя наставлениям Гвен, погрузился в свои ощущения. Сначала он сосредоточился на ноющей боли от ударов и ран, полученных в Шаенбалу, но быстро понял, что от него требуется другое. Тогда он перевел внимание на мысли и страхи, которых отчаянно избегал. Эти эмоции причиняли слишком много страданий, и Анневу понадобилось время, чтобы отбросить самые невыносимые из них и выбрать те, на которых он мог бы сконцентрироваться. Таких переживаний оказалось два. Первое – досада на друзей. Они шарахаются от него как от зачумленного, и от этого так обидно! Но если из-за него с ними приключится что-то плохое, он никогда себя не простит, а потому при первой же возможности собирается пойти своей дорогой. Второе – раздражение из-за этого путешествия в Лукуру. Это же глупость! Вдруг они вообще не найдут там этого Рива, а если и найдут – какой от него прок, если снять артефакт он все равно не сможет, будь он хоть сто раз арх-дионом? И стоило на это соглашаться?

«Стоило, – озарило его. – Ради Содара. Я согласился, потому что этого хотел Содар. А еще чтобы защитить своих друзей. Ведь только так я могу уберечь их от самого себя и моего проклятья».

– Дай себе волю, Аннев, – услышал он голос Долин. – Поз-

воль своим эмоциям выплеснуться на свободу.

Аннев закрыл глаза. Содар. Сердце тут же учащенно забилося. Воспоминания о старом священнике, о его благонамеренной лжи и отеческой любви, которые он не хотел воскрешать, разом хлынули из потаенных уголков его души. События последних дней вспыхивали в его сознании, и он заново переживал их все, одно за другим. Снова на его глазах погиб Содар от руки старейшего Тосана. Снова, раздавленный горем, он сунул культю в мешок, и она слилась с Дланью Кеоса. Потом он убил Тосана и половину мастеров Академии, а саму Академию, эту громадину, разрушил с такой легкостью, будто это был игрушечный домик. И наконец, предавшая его Маюн... Она погибла случайно – и все же от его руки. Точнее, от Длани Кеоса.

«А случайно ли? – спросил себя Аннев, мысли которого текли теперь легко и свободно. – Я ведь желал им смерти. Я хотел уничтожить Академию, превратить весь Шаенбалу в пепелище. Я направил к ней луч огня... а она кричала и...»

Тут Шраон за его спиной издал глухой возглас. Аннев вздрогнул, словно очнулся ото сна, и увидел Гвендолин. Женщина, отдернув руки, в немом изумлении взирала на протез, вокруг которого полыхало ослепительно-оранжевое сияние. У Аннева от этого зрелища дух перехватило. Он инстинктивно сжал руку в кулак, и тот мгновенно вспыхнул ярко-красным светом.

– Аннев, – осторожно позвал Шраон. – Только не разнеси

здесь все в пыль, умоляю.

В иных обстоятельствах Аннев, наверное, рассмеялся бы, но сейчас ему было не до смеха. Он медленно втянул в себя воздух и так же медленно выдохнул, успокаивая разум. Зловещее пламя, охватившее Длань Кеоса, сжалось, побледнело до желтого цвета и в итоге снова превратилось в ровное белое сияние. Аннев аккуратно разжал кулак. От пальцев поднялось прозрачное облачко дыма и растаяло в воздухе, а половина терранской надписи на ладони все еще тускло светилась оранжевым: *NUMQUAM OBLIVISCI*.

Никогда не забывай, машинально пронеслось в голове. Аннев остолбенел: откуда он знает, что означают эти слова?

Он совершенно точно не мог их где-то услышать, и все же их смысл ему известен. Желудок сжался, к горлу подступила горечь. Аннев медленно повернул руку ладонью вниз и прочел: *Aut inveniam viam aut faciam*. А вот эта фраза, не излучавшая свет и не отличавшаяся по цвету от руки, ни о чем ему не говорила. От этого почему-то стало немного легче.

– Любопытно, – сказала Долин. – Возможно, нам стоит изменить подход. – Она смерила Аннева долгим взглядом. – Какой вид магического искусства ты практикуешь?

– Извини?

Долин указала рукой на окутанный спокойным сиянием протез:

– О нем пока забудь – как и о мыслях, из-за которых он раскалился докрасна.

Женщина невольно вздрогнула.

– Расскажи мне о *себе*. О своей магии. Как ты ею пользовался?

Аннев немного подумал.

– Содар учил меня даритской магии.

– Это понятно, но кем он был? Существует четыре направления: сокрушители духа, призыватели бури, щитоносцы и ловцы разума – кем был твой наставник?

– Это мне неизвестно, – признался Аннев. – Содар никогда не упоминал ни о каких направлениях. Впрочем, погоди... недавно я подслушал его разговор с одним ремесленником, который назвал его... кажется, сокрушителем духа.

– Так Содар никогда не пытался выяснить, каков твой талант? Никогда не подвергал испытанию твои способности?

Аннев невольно рассмеялся:

– Еще бы не подвергал! Мы занимались каждый день, да все без толку. Правда, несколько дней назад у меня кое-что получилось – но не так, как надо. Содар сказал, магия работает по-другому, а у меня вышло, как...

Аннев внезапно умолк, вспомнив слова Содара.

Как у кеокума.

– В общем, не так, как он ожидал.

Долин не сводила с него внимательного взгляда.

– Неудивительно. Будь ты обыкновенным, не носил бы сейчас эту золотую руку. – Она нахмурилась. – Ты загадка, Аннев.

На несколько долгих секунд повисла тишина.

– А я обожаю загадки, – улыбнулась Долин. – Расскажи мне, что случилось, когда ты дал выход своей магической силе. Что ты сделал?

– У меня тогда был меч-артефакт. Как я ни бился над ним с глифом, ничего не выходило, и тут...

Он вспомнил, как прикоснулся сознанием к клинку, ощутил самую его суть, а потом направил в меч всю свою волю, умножив мощь артефакта во сто крат.

Тут Аннев понял, что Долин хочет от него того же: только теперь он должен дотянуться... до собственной сути. И если ему удастся заполнить сознанием и волей все свое существо до самых его границ, быть может, тогда...

Аннев очистил разум от мыслей и эмоций и переместил внимание вглубь, туда, где, по его представлениям, обитал его дух. Откровенно говоря, он не смог бы толком объяснить, что собирается делать. Однако он хорошо помнил, как заострилось в его руках тупое лезвие Милости, когда он дрался со стражниками Янака, и как вспыхнул украденный в Хранилище фламберг, разрезая каменную кожу феурогов, точно масло. Эти артефакты действовали, рассекая железо и камень так же легко, как плоть и кость, потому что он нащупал источник их силы и своей волей заставил ее проявиться.

Руку Аннева начало покалывать в том месте, где она соприкасалась с Дланью Кеоса. Кажется, он и раньше ощущал нечто подобное, только не обращал внимания. Отлично.

Происходит нечто очень важное, вот только откуда он это знает? Что-то шевелится в памяти, готовое вот-вот всплыть на поверхность... А может, наоборот, не стоит за это цепляться?..

Аннев перестал напрягать память и открыл глаза. Надо же – а он и не заметил, что все это время сидел с закрытыми глазами. Он взглянул на Долин:

– Кажется, я чувствую связь, о которой ты говорила. Руку немного жжет... не знаю, как лучше объяснить. – Он протянул Гвендолин золотую руку ладонью вверх. – Что теперь?

Долин медленно обхватила его запястье и предплечье, на этот раз положив большой палец левой руки ему на ладонь, а правой – на край протеза.

– Сконцентрируйся на этой связи, но разум оставь спокойным. Посмотрим, смогу ли я нащупать грань, где заканчивается твое тело и начинается протез. – Она помедлила пару секунд. – Возможно, ощущение окажется не из приятных, но постарайся не сопротивляться. Очисти разум – и, прошу, не сжимай руку в кулак. Похоже, артефакт отзывается на жесты, используемые в ворожейном ремесле. Думаю, он все еще хранит память о своем предыдущем владельце.

Она замолчала, не осмеливаясь произнести имя того, о ком они все подумали.

О Кеосе. Какие мышечные воспоминания оставил в золотом артефакте его создатель? Какие злодеяния совершил бог, пока носил эту проклятую руку? А главное, что еще сам

Аннев способен натворить, если ему не удастся ее снять?

От этих мыслей Аннева затрясло. Нужно избавиться от этой мерзкой штуковины во что бы то ни стало. Хватит с него пепелищ и смертей.

– Начинай, – прошептал он, крепко стиснув зубы.

Долин закрыла глаза.

– Твой дух... он держит руку. Ну же, мальчик. Нет нужды напрягать силы, сражаться тебе тут не с кем.

Аннев кивнул. Он попытался расслабить мышцы и подумать о чем-то приятном. Однако это оказалось не проще, чем плыть по бурной реке против течения. Дурные воспоминания и эмоции так и бурлили вокруг, наводняя его душу и лишая спокойствия. Как ни старался он выудить из этого водоворота хоть одну-единственную светлую мысль, ничего у него не получалось. Стоило лишь подумать о своей победе, одержанной в черном лабиринте, как тут же в памяти всплывал их с Маюн поцелуй, а следом – ее предательство и смерть. Едва он уцепился за воспоминание о своем триумфе на Испытании суда – как в то же мгновение разозлился на Тосана, который лишил его этого триумфа, присудив титул аватара не ему, а Терину. А Содар... нет, на мысли о Содаре ему просто не хватило сил. Эта рана была еще слишком свежа.

Вдруг на плечо легла чья-то рука, и Аннев, вздрогнув от неожиданности, поднял голову.

– Я рядом, Аннев, – произнес Шраон. – Что бы ни случи-

лось. Мы все будем рядом.

«А ведь так и есть, – подумал Аннев, и его лихорадочное беспокойство немного утихло. – У меня есть Шраон. И Титус с Терином. И даже Фин и Брайан». Он улыбнулся, вспомнив, как Брайан, тогда еще управляющий Академии, вступился за него на площади и, единственный из всех, не побоялся дать отпор Тосану.

Что до Фина, тут совсем другое дело. Наглый и жестокий хулиган, безжалостный соперник и просто ходячий кошмар – вот кто такой Фин. Точнее, он был таким до недавнего времени. Теперь же, каким-то непостижимым образом, они превратились из заклятых врагов если не в друзей, то хотя бы в невольных союзников. И эта перемена была столь ошеломительной, что Аннев до сих пор чувствовал смущение и толком не понимал, как к ней относиться – с радостью или подозрением.

– Нашла, – прошипела Гвендолин сквозь стиснутые зубы. – Я вижу, где аклумера выросла в твои дух и плоть.

Она медленно выдохнула и, чуть приоткрыв глаза, начала выводить на золотой коже какие-то знаки.

– Ворожейное ремесло, – пояснила она между энергичными вдохами, – подразумевает движение тела. Совершая определенные жесты, мы призываем магию – ту, что скрыта внутри нас, и ту, что нас окружает.

Она поднялась со стула и, оплетя руками протез, принялась раскачиваться, выписывая собственным телом почти

такие же узоры, что покрывали поверхность артефакта. Женщина словно исполняла какой-то ритуальный военный танец.

– Если мне удастся убедить металл, что он не является частью тебя... если я смогу вытянуть аклумеру, проникшую в твоё тело, и вернуть её обратно в руку...

На лице Долин выступили капельки пота. Она крепко сжала челюсти и склонила голову набок. Локти задрожали. Пальцы заскользили по огромному протезу, шершавые ладони обхватили его и потянули вниз...

И тут Аннев вздрогнул, почувствовав, как глубоко внутри предплечья, даже не в плоти и костях, а где-то намного глубже, произошло движение – словно дернули за оголенный нерв, – и его мгновенно накрыла волна чудовищной боли, как будто саму его душу рвали на части пылающие огненные когти. И в этой агонии ему привиделось нечто невероятное: будто он стоит на краю какого-то поля, а вокруг беснуется целая армия уродливых монстров. На другом краю он видит молодого человека, в руках которого сияет серебряный посох. Вдруг из посоха вырвалась молния. Она вонзилась в Анневу, а следом на него обрушилась волна ревущего огня. Рыча от боли и отчаяния, Аннев проглотил магию и попытался ударить ею по своим врагам...

Вдруг картинка перед глазами снова резко переменялась, и от увиденного у Анневы чуть не остановилось сердце. Из его золотой руки вылетела кроваво-красная молния и, вре-

завшись в Долин, отбросила ее к стене. Раскаленный воздух наполнился запахом жареного мяса.

– Боги! – вскрикнул Шраон и бросился к Долин. – Гвен, ты жива?

Орванийка, дрожа всем телом, медленно встала на ноги. Она дышала хрипло, урывками, но в целом, казалось, не пострадала.

Однако, когда Долин подняла руки, Аннев понял, что это не так. Грубые ладони покрывали ожоги в виде хитроумных узоров и таинственных слов, что украшали Длань Кеоса. На одной из ладоней чернели контуры боевого молота, парящего над наковальней, от которого все еще поднимались тоненькие струйки дыма; на второй – оказалась выжжена надпись, и, несмотря на то что буквы отпечатались на коже в зеркальном отражении, Аннев без труда разобрал слова: «*MEMENTO SEMPER. NUMQUAM OBLIVISCI*».

– П-прости, – заикаясь пробормотал Аннев. – Я не хотел...

Долин выставила вперед обожженные ладони, делая ему знак умолкнуть.

– Я сама виновата, – произнесла она, и лицо ее сморщилось от боли. – Я нащупала связующую вас нить и потянула за нее. Эта связь... я еще никогда не встречала ничего подобного. Она все время ускользала из-под пальцев, я никак не могла за нее ухватиться. Да, эта рука выкована из аклумы, но вот ее дух... это нечто совершенно иное. Нечто дикое,

необузданное...

Долин опустила взгляд на дрожащие ладони.

– И невыразимо прекрасное, – тихо, почти шепотом, произнесла она. – Непостоянное, как огонь, и нежное, как шелк, но тверже, чем сталь.

Плечи женщины затряслись. Она закрыла глаза, и по щекам ее заструились слезы.

– Мне очень жаль, – наконец произнесла она, подняв на Аннава заплаканное лицо. – Я ничем не могу тебе помочь.

Глава 5

Ученица Тени крадучись пробиралась сквозь залитую солнцем Чашу. Она была напряжена, как натянутая струна; зеленые глаза на скрытом под золотой маской лице горели холодным огнем.

– Когда уже мы отправимся в путь? – прорычала Маюн, скрипя зубами от нестерпимой боли.

Ойру приподнял бровь:

– Зачем нам уходить?

Маюн, часто дыша, сжала кулаки; на шее проступили вздувшиеся вены.

– Затем чтобы прикончить этого ублюдка Айнневога! Отомстить за смерть моего отца! Я требую крови, кретин. Крови, которую ты мне обещал!

– Но ты еще никого не убила, – невозмутимым тоном воз-

разил Ойру. – Зловоние смерти еще не пропитало твою душу. Ты не имеешь никакого опыта.

– Ничего подобного! Ты сам видел, как я убила тех тварей под землей!

Ойру отступил глубже в тень деревьев. Полумрак его успокаивал.

– Я видел, как ты убила двух неразумных созданий, а третьему *позволила* уйти. До тебя моими учениками становились лишь опытные убийцы. – Он пожал плечами. – Вершить месть ты еще не готова.

В зеленых глазах полыхнула ярость.

– Хочешь, докажу?

«И почему я так быстро забываю, что маска любовницы Гевула превращает женщину в невыносимую стерву?» – подумал Ойру. Он бы, наверное, рассмеялся, а может, выругался или просто устало вздохнул – но это потребовало бы эмоций, которых у Ойру уже давным-давно не имелось.

«Нужно ее усмирить. Прежде чем кусок стали станет клинком, его нужно закалить в огне и подвергнуть тысяче ударов».

– Почему бы и нет.

С этими словами Ойру поднял руку и, коснувшись царства теней, соткал из энергии пустоты тончайший обоюдоострый кинжал.

– Это сгусток тени, – пояснил он, небрежно поигрывая кинжалом. – Физическое проявление иного плана существо-

вания. Того, что пересекается с этим миром, однако лежит в ином измерении реальности. Я привлек его в этот мир – призвал его из небытия, – но он нестабилен.

Ойру высоко подбросил клинок, тот описал дугу и, медленно вращаясь, полетел вниз. Ойру вытянул руку, будто готовясь его поймать, но не успел он коснуться лезвия, как оно превратилось в облачко дыма и растаяло в воздухе.

Маюн это зрелище ничуть не впечатлило.

– Тогда какой от него прок, жалкий ты колдунишко?

Она со злостью сплюнула на сапоги Ойру, но сделала хуже лишь себе: комок слюны остался на внутренней стороне маски.

– Я научу тебя, как найти добычу, – своим обычным бесцветным голосом произнес Ойру. – Научу, как выследить ее, поймать и убить. Но ты должна меня слушаться. Если хочешь убивать при свете дня – для начала научись сеять смерть под покровом ночи не хуже, чем я сам.

Маюн захохотала, и каждая нота ее страшного, без намека на веселость, смеха острой иглой впивалась Ойру в череп.

– Ты – научишь *меня*? – отсмеявшись, фыркнула девушка. – Чему, демон? Я обучалась у величайших бойцов Даритской империи. Я – настоящий *воин*.

– Вот как? – равнодушно спросил Ойру.

– Уж поверь.

Ойру молниеносным движением вскинул руку; из раскрытой ладони, оставляя в воздухе тонкие полосы черной дым-

ки, вылетела четырехконечная металлическая звезда и вонзилась Маюн в плечо.

– Ах ты, поганый урод! – взвыла девушка, хватаясь за рану. – Зачем ты это сделал?

– Но ведь ты – настоящий воин, разве не так?

Ойру повел рукой, и черная звезда испарилась.

– Ты меня ранил!

Вместо ответа в нее полетели три черных кинжала.

На этот раз Маюн была готова. Она увернулась и бросилась на землю. Мгновение спустя еще два кинжала вонзились в листву рядом с ней, а последний угодил в лодыжку. Маюн закричала.

– Боги! Ты совсем рехнулся? Хочешь убить меня?

– Если бы я хотел тебя убить, ты уже была бы мертва. Тебя действительно кое-чему обучили, но до воина тебе еще далеко.

– Зря ты меня недооцениваешь, – прохрипела Маюн. – Моими учителями были мастера и знающие жены Шаенбалу.

– Хвастаться тут нечем, если учесть, что эти самые мастера и знающие не сумели справиться даже с феурогами.

Пять кинжалов рассеялись в воздухе, шестой же, торчащий из лодыжки, остался на месте. Из груди Маюн вырвалось сдавленное рыдание.

– Зачем ты так со мной? Чему это должно меня научить? Как мне теперь нагнать Аннава?

Шмыгнув носом, она подняла голову: в зеленых глазах

стояли слезы. Ассасин невольно шагнул к ней.

«Возможно ли, – изумленно подумал он, – чтобы я в ней ошибся? Неужели она и вправду настолько беспомощна?»

Он опустился на колени перед своей ученицей и протянул руку, чтобы извлечь из раны кусок металла. Не успел Ойру коснуться его, как Маюн сама выдернула кинжал, выскользнула из-под нависшей над ней фигуры ассасина и, оказавшись позади него, вогнала лезвие ему под левое колено. Потом провернула кинжал в ране и рванула на себя.

Ойру опомниться не успел, а кинжал уже вонзился ему в спину, причем не один, а целых три раза подряд. После третьего удара рука Маюн мелькнула у него перед лицом – и лезвие вошло в шею.

Ойру закашлялся, изо рта с бульканьем потекла кровь. Над ухом раздался злобный шепот:

– Сказала же: я умею убивать.

Ассасин схватился за горло. Его затянута в черную перчатку ладонь дотронулась до пальцев Маюн, и девушка, резко отдернув руку, отползла в сторону. Не обращая внимания на хлещущую из раны кровь, Ойру спокойно вытащил кинжал из шеи. Клинок тут же превратился в завиток дыма и растаял, вернувшись в царство теней. Ойру повернулся к остолбеневшей Маюн, и его окровавленный рот растянулся в улыбке. Он знал, что видит его ученица: как вокруг него сгущаются тени, как серая масса вливается в его тело и чудовищные раны, от которых любой смертный уже давно умер

бы на месте, затягиваются на глазах. Он снова закашлялся, но на сей раз вместо кровавых брызг из его легких вырвалось облако какой-то черной массы, плотнее и тяжелее воздуха.

– Да что же ты такое? – воскликнула Маюн. Голос девушки дрожал от ужаса и отвращения.

– Я твой наставник.

– Так скажи, чья я теперь ученица? Владыки теней? Самого Кеоса? – Маюн вздрогнула и добавила, не скрывая презрения: – Значит, ты такое же мерзкое порождение зла, как и тот, кого я преследую.

– Не сомневаюсь, что я намного хуже.

– С чего ты взял, что я буду тебе служить?

– Ты уже мне служишь. И ты точно так же испорчена магией, как и я. К тому же... – Он на секунду умолк. – К тому же это не я убил твоего отца. И не я тебя предал.

В изумрудных глазах полыхнул яростный огонь.

– Он врал мне. Обольстил меня. Проклятый кеокум! Ненавижу его. Он лишил меня отца. Отнял у меня красоту, мое лицо, самую мою жизнь. Он забрал *все*. – Маюн затрясло от гнева. – Аннев должен умереть. Хоть смерть и слишком милостивая кара для него.

Ойру изучающе глядел на молодую женщину перед собой. Ее звенящий от ненависти голос и грубые слова, вылетавшие из ее уст, совершенно не соответствовали мягким, соблазнительным линиям золотой маски на ее лице. И даже следы от кровавых слез, навсегда застывшие на идеально очерчен-

ных скулах, придавали облику девушки не угрожающий, а печальный вид.

Ойру тряхнул головой: маска-артефакт могла ввести в заблуждение даже Возрожденную Тень. На деле же девчонка, что скрывается под ней, чертовски опасна, а ярость и вовсе превращает ее в кровожадного хищника. В ее глазах читается коварство, ее движения невероятно быстры – да, Маюн не напрасно назвала себя воином. Ее действительно научили убивать, и, пусть опыта у нее почти никакого, в ней чувствуется такой потенциал, какого не имела ни одна из его учениц. Прошло уже более двадцати лет с тех пор, как он последний раз получил удар ножом от своей подопечной...

Ларисса дан Карли. Когда срок ее обучения уже почти истек.

А Маюн он еще даже не начал обучать. Что ж, инстинкты у девчонки отличные, с этим не поспоришь.

Она напомнила ему Ораки.

– Если ты заметила, ты двигалась быстрее, когда уворачивалась от кинжалов, и еще быстрее – когда напала на меня. Так действует магия этого артефакта, он называется «маска любовницы Гевула». Он питается твоей болью, а в ответ дает тебе силы. Поэтому когда ты ранена – действуешь быстрее, когда тебе больно – твои удары смертоноснее. И нет опаснее тебя существа, когда твои страдания становятся невыносимыми. Кроме того, маска залечивает твои раны, но это не главное ее свойство. Она не может сделать тебя неуязвимой

– однако может дать тебе ощущение неуязвимости, к тому же, пока тебя не разорвет на части, любое увечье будет делать тебя сильнее.

Ойру поднялся на ноги и навис над девушкой.

– Вот тебе первый урок. Прими свою боль. Отныне агония – твой союзник, страдание – твой верный меч.

С этими словами он ударил Маюн по лицу. Раздался звон металла. Маюн опрокинулась на спину, съжившись от нового взрыва боли в оставленных призрачным оружием ранах.

– А это второй урок, – продолжал Ойру как ни в чем не бывало. – Я тебе не друг. Я не на твоей стороне. Я твой учитель, а ты – моя ученица. Мой слуга. И ты будешь беспрекословно выполнять все, что я тебе прикажу. Скажу: вонзи кинжал себе в грудь – и ты даже не пикнешь. Скажу: ступай в самое сердце пекла – и ты подчинишься. Ты поняла меня?

Маюн кое-как поднялась с земли.

– Значит, теперь я твоя рабыня? – прошипела она. – Девочка для битья, вынужденная терпеть все прихоти твоей больной фантазии?

– Да. Если я того пожелаю.

Маюн застонала. Раненая нога подогнулась, не выдержав ее веса, и девушка снова рухнула на землю.

– Но ведь ты поможешь мне расквитаться с тем, кто предал меня и убил моего отца? – спросила она. – Обещай, что поможешь найти и прикончить этого демона, что называет себя Айнневогом.

– Обещаю.

Маюн кивнула, ее прерывистое дыхание стало более ровным.

– Тогда оно того стоит. Скажи мне, где этот кеокум, и я его убью.

– Ты еще не готова. – Ойру поднял палец, не давая Маюн возразить. – Когда время придет – я дам тебе знать. Твоя подготовка вкупе с магией артефакта дает неплохой результат, но пока он далек от совершенства. Ты не смогла перехватить оружие в воздухе и атаковать им меня, не говоря уже о твоих жалких попытках увернуться.

Маюн глухо заворчала:

– Ты застал меня врасплох. И ранил меня дважды – в плечо и ногу. Я же ударила тебя ножом пять раз, три из которых прикончили бы тебя, не будь ты призраком из поганого Кеосова племени!

Она была права. Да, он не собирался убивать ее, к тому же девчонка тоже застала его врасплох, но – он ведь действительно был уверен, что она беспомощна! Непростительное легкомыслие, которое Ойру позволил себе лишь потому, что не чувствовал реальной угрозы!

После покорности всех предыдущих по-овечьему безропотных учениц откровенный бунт Маюн был сродни дуновению свежего ветра в разгар удушающего летнего зноя. Он дал ей лазейку – и девчонка не стала долго думать: тут же поймала его на крючок и, не дав опомниться, выпотрошила,

как рыбу.

С ней нужно держать ухо востро. Ведь, если начистоту, на этот раз Маюн его превзошла.

– Согласен, – произнес он наконец. – Тебе удалось меня удивить, а это уже кое-что.

Со сколькими он уже это проделывал? Ойру давно сбился со счета. Имена и лица стерлись из памяти, была только эта золотая маска, глядя на которую Ойру видел лишь одно лицо и вспоминал одно-единственное имя.

Ораки.

Так странно, что мысли о ней не будят больше никаких чувств. Ни боли, ни гнева; ни печали, ни сожаления; ни томления, ни любви. Это заслуга времени. Ему неподвластно «все раны до единой залечить», как любил утверждать в своих поэмах Нилантеска, но только время даровало ему долгожданное облегчение, которое он не мог найти ни в вине и женщинах, ни в чужой крови и самобичевании, ни даже в собственной смерти. Время являлось для него единственным лекарством, но даже это чудодейственное средство было несовершенно, в нем не хватало еще одного ингредиента, чтобы раз и навсегда утолить эту неизбывную тоску.

И Ойру стал одержимым. Он не мог вернуть Ораки, как и последовать за ней, зато в его силах было *создать* новую Ораки. Каждую из своих учениц он лепил по ее образу и подобию, стараясь, чтобы копия превзошла оригинал. А если терпел неудачу – если его творение оказывалось слишком

убогим или переставало его радовать, – ломал его и принимался за новое. На его счету были сотни попыток, и с каждым разом ему становилось все легче, а его чувства притуплялись все больше. Как будто вместе с очередной ученицей умирала и часть его самого. Наконец он омертвел настолько, что временами ему стоило невероятных усилий преодолеть собственную меланхолию и следовать приказу своего хозяина.

Найди сосуд. Принеси его мне. Он должен быть живым.

Задания проще и представить нельзя, и все же Ойру его провалил. Никогда еще ассасину не приходилось являться перед Первым вампиром с повинной головой, и теперь он понятия не имел, как объяснить Дортафоле причину своего провала. А потому решил, что, пока сам Дортафола не посчитает иначе, его миссия не закончена: он доставит Айнневога в Фала-Туир, а обещание помочь Маюн – да гори оно огнем.

Только самой Маюн знать об этом необязательно. Ему нужны союзники. Кто-то посерьезнее и понадежнее, чем спятившая лесная ведьма или ее тупые уродливые прислужники. Да, у него есть эйдолоны – демоны-тени, умоляющие выпустить их в этот мир, – но сейчас толку от них мало. Поймать зверя, на которого он охотится, можно лишь с помощью воина, который может сражаться при свете дня не менее мастерски, чем Ойру – во мраке теней. Ему нужна вторая Ораки, чтобы держать собственных демонов на привязи.

Итак, впервые за десятки лет Ойру по-настоящему *нуждался* в ученице – в существе, опасном для всего живого, но не представляющем угрозы для него самого.

– Ты не готова, – повторил ассасин, оглядывая девушку, – но я тебя подготовлю. Я завершу то, что начали твои знающие. Считай это новым курсом обучения.

Он умолк, давая ей возможность возразить. Естественно, ждать пришлось недолго.

– Плевала я на твое обучение! Я хочу от тебя лишь одного: чтобы ты помог мне отомстить Анневу!

– Я не знаю, где он.

– Но ты сам сказал, что...

– ...что научу тебя, как его найти.

– И прикончить, – добавила Маюн, не сводя со своего учителя колючего взгляда.

Ойру выдержал паузу – пусть расценит его молчание как знак согласия – и продолжил:

– Ты еще многому должна научиться. Тебе предстоит узнать о боли, выживании... о предательстве.

Маюн не шелохнулась.

Хорошо.

– Кое-что ты уже знаешь. Теперь я хочу проверить, как велика твоя связь с магией.

Маюн раздраженно засопела.

– У меня нет никакой связи с магией. В отличие от тебя я не проклята.

– Ты так думаешь? Посмотри на себя. Твое тело с ног до головы покрыто шрамами. Тебя предали и бросили на произвол судьбы. На твоём лице – магический артефакт.

Девушка замотала головой:

– Нет, я тебе не какое-то там кеокумово отродье!

Ойру приблизился к ученице. В глазах ассасина появился странный блеск.

– Ты так ничего и не поняла? Эта маска слилась с твоим лицом лишь потому, что в твоей крови течет магия. Единственное, что осталось выяснить, – какого рода.

Тут он кое-что вспомнил:

– В руке у твоего отца был обсидиановый жезл. С помощью артефакта он расплавил колодец и заточил меня под землей.

– Не смей говорить о моем отце.

– Почему? Тебе больно слышать о нем? Ты любишь мертвеца, который при жизни лгал тебе?

Фигура ассасина, казалось, выросла в размерах, заслонив собою солнечный свет.

– Твой отец использовал люминерранский артефакт – жезл пламени Кеоса. Где он его раздобыл?

– В Проклятом хранилище, где же еще? Там лежат артефакты со всего мира. Этот жезл мог найти кто угодно.

– Найти – возможно, но воспользоваться им кому угодно не под силу. Жезлы пламени Кеоса подчиняются лишь тому, в ком течет и терранская, и илюмитская кровь.

На несколько мгновений повисла тишина.

– Ты говоришь, что мой отец был жалким магом? – спросила Маюн. В голосе девушки, дрожащем от омерзения, появились угрожающие нотки. – Да как ты смеешь?

– Это не слишком большая редкость, – ответил Ойру. – Даже в таком захолустье. Терранцы испокон веков соблазняют даритских магов своими бездарями в попытках разбавить вашу кровь, ослабить или извратить ваш магический талант. Но в вашем случае вышло иначе, и причиной тому, надо полагать, – порция илюмитской крови. В Дароэе такое нечасто встретишь – разве что кто-то позарится на рабыню... или шлюху.

Его слова произвели желаемое действие: Маюн затрясло от гнева, она приподнялась и напряглась, словно приготовившись к прыжку.

– Тут же, по-видимому, женщина забеременела от илюмита и, опасаясь неминуемого позора, предпочла сохранить в тайне этот прискорбный факт. Возможно, это была твоя бабушка: какой-нибудь бродячий наездник драконов овладел ею против ее воли, или аурамант играл с ее эмоциями до той поры, пока она наконец не...

Вскрикнув, как дикий зверь, Маюн бросилась вперед, оттолкнувшись от земли здоровой ногой. Она замахнулась кулаком, чтобы ударить ассасина в челюсть, но тот, ожидавший такой реакции, спокойно отступил в сторону. Однако тут же с удивлением обнаружил, что одна нога онемела, – это Маюн,

извернувшись, вонзила пальцы другой руки ему под колено. Едва удержав равновесие, Ойру сделал пару нетвердых шагов назад. Он перенес обездвиженную ногу в царство теней, потом снова вернул ее в мир материи. Восстановление длилось всего несколько мгновений, но отняло слишком много сил.

– Кажется, правда тебе не по вкусу.

– Ты слишком много болтаешь, колдун, – процедила сквозь зубы его ученица. – Вместо того чтобы оскорблять моего отца, лучше бы научил, как выследить его убийцу.

– И для того, чтобы мои уроки не прошли для тебя даром, я должен знать, каковы твои магические способности.

– Так узнай.

В словах девушки слышался вызов – и угроза.

Возрожденная Тень изучающе взглянул на раны Маюн. Они все еще кровоточили, но заметно меньше, чем всего минуту назад. Маска прекрасно справлялась со своей работой. Ойру повернулся к плотной стене деревьев:

– Тогда, маленький монстр, следуй за мной. Посмотрим, какими проклятыми дарами наделила тебя твоя нечистая кровь.

Глава 6

Ойру вел Маюн в самые дебри Чащи. Иногда он шел по звериному следу, но нередко им попадались такие места, где

не встречалось даже зверья, и тогда ассасин прорубал тропу сквозь плотные заросли кустарника. Маюн тащилась далеко позади, припадая на одну ногу и кляня своего учителя на чем свет стоит. Ойру до нее не было никакого дела. С грациозностью кошки он поднялся на усеянный булыжниками холм, возникший на их пути, и с той же легкостью спустился по весьма коварному склону с обратной стороны.

«Демон, – мрачно твердила про себя Маюн. – Я стала ученицей настоящего демона. И если меня не прикончат его уроки, я все равно сдохну, свернув себе шею ненароком».

Оставляя за собой кровавый след, она кое-как вползла на вершину холма, а оттуда, измотанная болью и отвращением к самой себе, кубарем покатилась вниз, прямо под ноги ассасину. Ойру покачал головой:

– Ты слаба.

– А ты садист. Нет у меня никаких проклятых способностей, не могу я сделать так, чтобы раны затянулись!

– Не можешь?

– Представь себе!

– У тебя есть маска – она твой лекарь. Ты это почувствуешь. Рано или поздно.

Рано или поздно? Да этот мерзкий кеокум попросту глумится над ней!

– Каждое твое слово – ложь, – прошипела Маюн. – Зря я вообще тебе поверила. Никаких чудес эта штукавина не творит, и хватит с меня твоих рассказней!

– Я тебе не лгал. Эта маска действительно излечит тебя.

– Тогда почему у меня до сих пор все болит? Если она и вправду меня лечит, почему мне не становится лучше?

Ойру наклонил голову вбок:

– Я думал, ты уже догадалась. Излечение плоти – лишь вторичный эффект. Истинная магия этого артефакта такова, что он превращает твою боль в энергию. Ты становишься быстрее, сильнее, все твои чувства обостряются. Если боль утихает – ослабевает и магия. Видишь теперь, почему маска никогда не излечит тебя *полностью*?

Маюн с досадой застонала, но уже через мгновение стон перерос в разочарованный рев.

– Что это за магия такая? – Она швырнула в Ойру горсть влажных сосновых иголок. – Мне-то от нее какой прок? Мало боли – и она не работает; слишком много боли – и я, считай, калека!

Так вот чего он добивается: все это время он мучил ее, чтобы сломить ее дух. Ну да мы еще посмотрим, кто кого!

– Если боль искалечила тебя, – сказал Ойру, – то лишь потому, что ты сама позволила этому случиться.

– Это ты меня искалечил! – взвизгнула Маюн. – Это из-за тебя я лежу сейчас в грязи, вместо того чтобы гнаться за убийцей моего отца.

– Правда?

– Самая что ни на есть! Что ты пытаешься доказать? Что я никудышная слабачка, недостойная обучаться у такого ве-

ликого мастера?

Ойру посмотрел на пылающее золотое лицо. Его собственное лицо оставалось безмятежным.

– Ты не беспомощна. И ты не калека. А в грязи ты лежишь потому, что боишься.

– Я лежу в ней потому, что ты меня ранил – дважды. – Она осеклась. – погоди. Ты о чем? Чего я боюсь?

– Боли, – ответил ассасин. – Ты так и не приняла ее, не стала ее госпожой. В противном случае мы бы сейчас продолжали путь, а не вели этот разговор.

Маюн молчала. Ее эмоции кричали ей о том, что Ойру пытался искалечить ее, унижить ее, наказать... И все же что-то в его тоне заставило ее задуматься. Действительно, почему она лежит у его ног поверженная? Неужели виной тому ее слабость? А быть может, желание досадить Ойру, став для него обузой?..

– Ты псих.

– Твои слова неуместны. А теперь поднимайся. Хочу взглянуть на твою ауру.

Маюн назло ему нарочно потянула время, прежде чем, тихо ворча, перевернуться на бок. Сначала она встала на колени, потом кое-как поднялась на ноги, перенеся большую часть веса на невредимую правую. Едва она это сделала, как Ойру схватил ее за плечо. Маюн дернулась от неожиданности, но не отступила – наоборот, она впилась в лицо ассасина глазами и не отвела взгляда даже тогда, когда Ойру дотро-

нулся большим пальцем до раны. Девушка зашипела, вытянувшись в струну. Второй рукой Тень принялся равнодушно ощупывать раненое бедро. От его действий, пусть и без малейшего намека на ласку, Маюн стало не по себе. Она нервно сглотнула, но твердо решила терпеть до конца. Больше у него не появится повода называть ее слабой!

– Что ты чувствуешь? – спросил Ойру, созерцая ее ауру.

– Тебе-то что? – огрызнулась Маюн.

Вместо ответа Ойру вдавил большой палец в рану на ее плече. Маюн пронзительно вскрикнула и попыталась вырваться, но это было бесполезно. Ассасин еще глубже погрузил палец в окровавленную плоть. Девушка забилась в агонии. Она молотила Ойру кулаком, царапала лицо, срывая лоскуты кожи, но ассасин невозмутимо продолжал свою чудовищную пытку.

– Что ты чувствуешь? – безжалостным голосом повторил он, и это был голос самой смерти.

– Боль! – закричала Маюн, раздирая ему глаза. – Я чувствую боль!

– Этого недостаточно.

Он перехватил ее руку и заломил ей за спину. Раны на его обезображенном лице стремительно затягивались.

– *Опиши* мне эту боль. Ты чувствуешь ее лишь на поверхности тела или она проникает до самых твоих костей?

Он еще глубже засунул палец, расширяя рану на плече. Маюн уже оглохла от собственных криков. Сейчас она и па-

ры слов не смогла бы связать воедино.

– Не торопись, – спокойно произнес Ойру. – Я подожду столько, сколько нужно.

Вдруг Маюн замолкла и часто задышала, с шумом втягивая и выпуская воздух через нос.

«Я сильнее, чем он думает! – сказала она себе. – Меня не сломали ни Академия, ни монстры – и ему я не позволю себя сломать!»

Ее дыхание медленно выровнялось. Она судорожно выдохнула.

– Она проникает до самых моих костей, – стиснув зубы, произнесла Маюн, напряженная, словно сжатая до предела пружина. – Как нож... или червь, вгрызающийся в мою плоть.

– Хорошо. Что еще?

Ойру потянул вверх ее скрученную за спиной руку.

Маюн резко втянула ртом воздух, потом выдохнула – медленно, урывками.

– А еще... моя рука... – Ее голос превратился в жалобный писк. – Сейчас ты сломаешь мне руку!

– Откуда тебе это известно? В тебе открылся дар предвидения?

Он нажал еще сильнее, и кости хрустнули; Маюн ахнула и упала на колени, но ассасин не ослабил хватки. Он давил и давил, пока золотая маска не оказалась в нескольких дюймах от влажной земли.

Держись... не смей сдаваться.

– Но нет, ты не из провидцев, – продолжал ассасин. – В твоей крови течет иная, особенная магия. Я узнаю, что это.

Он начал ввинчивать палец глубже в плоть, сквозь нервы и сухожилия мышц. Маюн не выдержала и закричала. Боль стала непереносимой, чудовищной, но ассасин, казалось, и не думал останавливаться.

– Прошу тебя! – Из глаз Маюн брызнули слезы – на этот раз настоящие. – Ты меня изувечишь! Пожалуйста, перестань!

Ойру заставил ее склониться еще ниже.

– Сосредоточься на боли, – почти ласково прошептал он ей на ухо. – Пусть она станет источником твоей силы, но не позволяй ей захватить власть над тобой.

Маюн дрожала, из-под маски доносились тихие всхлипывания.

Я уже сломлена. Раздавлена... Разве может быть еще хуже?

Прижимая к спине ее запястье, Ойру отпустил плечо и обхватил локоть искалеченной руки. Маюн захлестнула новая волна боли и страха, но девушка подавила крик, и из ее груди вырвался лишь глухой стон.

– Что причиняет больше боли? – спросил Ойру. – Плечо или рука?

– Рука, – еле выдавила из себя Маюн.

– Но ведь она цела, – возразил ассасин. – Выходит, реаль-

ное увечье менее болезненно, чем *угроза* увечья? Почему?

– Потому что... мне страшно.

– Ты хочешь сказать, что твой страх сильнее боли?

Маюн не нашлась, что ответить. Тогда Ойру надавил на локоть, и девушка уткнулась лицом в землю.

– Отвечай, – приказал он.

– Да, – прорычала Маюн.

– Чего ты боишься?

– Того, что будет *еще больше!* Того, что ты изуродуешь меня... превратишь в калеку!

Она дернулась, но высвободиться из этих тисков было возможно, лишь переломав себе кости. Маюн тихонько заскулила.

– Не я держу тебя в плену, – прошептал Ойру. – А ты сама.

Маюн хотелось закричать во всю глотку, но что-то сдерживало ее, не позволяя сдаться на милость этого чудовища... Она со всей ясностью ощутила, что *может* быть сильной. Да, она сломлена и растерзана, но она должна принять эту слабость наряду со спящей в ней силой. Только так она вновь получит свободу.

Маюн замерла. Дыхание девушки стало почти неслышным. Они оба знали, что будет дальше.

С молниеносной быстротой Маюн развернулась на месте и, чувствуя, как лопаются жилы и мясо отходит от костей, вырвалась из мертвой хватки Ойру. По Чаще прокатился оглушительный вопль боли и гнева, который перешел в ли-

кующий крик, когда Маюн вскочила на ноги. Она победила.

Глава 7

Чудесно.

Ойру с упоением взирал на свою ученицу.

– Впредь никогда не позволяй себе сделаться рабыней страха. Не бойся боли. Она – твой верный союзник, а ты – ее госпожа.

Маюн дышала часто и тяжело, как собака, разве что маска не позволяла высунуть язык.

– Ты все-таки сломал мне руку.

В ее тоне слышался гнев, и все же она не накинулась на него с яростными угрозами, как раньше, – теперь она держала эмоции под контролем. Хорошо. Он довел сталь до нужного состояния, хотя пройдет еще немало времени, прежде чем из нее получится достойный клинок. Вряд ли у него будет возможность довести свое творение до совершенства – Дортафола может призвать своего лучшего ассасина в любой момент. Но так не хочется спешить! Ведь это его единственная радость. Быть может, если они отправятся в Реохт-на-Ска...

– Я ничего не ломал, – буднично произнес он. – Это твоя заслуга. Ты захотела освободиться и применила силу, не забываясь о цене свободы. Благодаря этому теперь ты неуязвима.

– Неуживима? – переспросила Маюн, едва сдерживая смех. – И это ты называешь неуживимостью?

Она подняла руку, демонстрируя ему беспомощно висящее вывернутое предплечье.

– Я называю это... успехом.

Тут Маюн засмеялась. Будь Ойру человеком и услышь он этот безумный смех, больше напоминающий завывания по покойнику, он поседел бы от ужаса.

Наконец Маюн снова овладела собой.

– И все равно ты чудовище, – рыкнула она.

– Да, – согласился Ойру. – А теперь и ты тоже.

Он указал жестом на ее искаленную руку. Маюн отвернулась:

– Пусть так. Но теперь моя слабость стала моей силой.

Ойру что-то проворчал себе под нос. Эта девчонка так быстро учится, что вечно застаёт его врасплох.

– Рука все еще болит?

– Естественно, кретин, она же сломана!

– Но ты не скулишь. Не стоишь на коленях, уткнувшись лицом в землю и моля о пощаде. Кстати, как плечо? И нога?

– Ах ты, паршивый...

Тут она осеклась. Недоверчиво прищурившись, потрогала рану на бедре, потом быстро ошупала плечо, на котором кое-как держалось разодранное платье. Зеленые глаза расширились от изумления.

– Раны зажили! – произнесла она, скривившись, будто эти

слова были неприятны ей на вкус. – Но как?

– Маска любовницы Гевула, – сказал Ойру. – Тебя исцелила ее магия, которую питает боль. Боль тела или души – не важно: пока ты страдаешь – тебе нельзя причинить вред.

– Тогда почему рука...

– ...по-прежнему сломана?

Ойру повернулся спиной к Маюну.

– Дай ей время. И помни: магия артефакта не всемогуща.

Она не вырастит новую конечность и не вернет тебя из мира мертвых. Чем серьезнее увечье – тем выше плата, а ты не можешь отдать больше, чем у тебя есть.

Ойру замолчал, вглядываясь в чащу леса. Сумеречный омут, портал в мир снов, находился в двух милях к востоку. Ойру жаждал как можно скорее добраться до него и погрузиться наконец в благостную пустоту царства теней. Длительное пребывание в материальном мире всегда изматывало ассасина, и причина тому была до невероятного прозаична: Возрожденной Тени требовалось поспать.

Ойру уже давно не испытывал желаний, свойственных людям, но его тело регулярно нуждалось в сне, и с этим он ничего не мог поделать. Как и люди, за ежедневное существование в царстве физических форм Ойру расплачивался частью своей жизненной энергии – субстанции под названием «сомнумбра», восполнить которую он мог, лишь прикоснувшись сознанием к царству сновидений.

Маги тоже использовали сомнумбру, чтобы проникнуть

в пространство теней и управлять населяющими его существами, однако Ойру не был обычным магом; он умел накапливать и использовать больше сомнумбры, чем любое существо из материального мира, но и расходовал ее быстрее. Этот мир требовал высокую плату – обитатель плана теней мог пробывать здесь не больше нескольких минут за один раз. Ойру совмещал в себе преимущества и слабости обоих видов: он мог днями находиться в царстве материи, но недостаток сна истощал его тело, разум и магию. В то же время, когда Ойру засыпал, он не просто погружался сознанием в мир сновидений, как это делали маги-люди, – ему приходилось физически перемещаться в мир теней, где он насыщался чистейшей сомнумброй, а насытившись, вновь погружался в глубины реальности. Подобно левиафану, он плыл в толще вод, неспешно расходуя дыхание, чтобы в нужный момент вынырнуть в царство теней и, набрав полную грудь воздуха, вновь погрузиться в этот океан.

«На этот раз я пробыл под водой слишком долго». Ойру потер уставшие глаза. Быть может, в этом причина его раздражения и замедленной реакции? Впрочем, не стоит списывать все промахи на недостаток сомнумбры.

«Я дам ей задание, – решил Ойру, – это займет ее на несколько часов, которые понадобятся мне для восстановления сил».

Этого времени хватит, чтобы исцелить сломанную руку Маюн, а после можно будет заняться и выяснением ее ма-

гических способностей. Ассасин снова повернулся к своей ученице:

– Нужно больше боли – тогда рука заживет. Поэтому мне снова придется... причинить тебе страдания.

Он замолчал, приготовившись к лавине гнева, – и, разумеется, она не заставила себя долго ждать.

– Моя рука уже в порядке, ты, мерзкий... – Девчонка загнулась, скривила рот и утробно прорычала: – *orspkocugu!*

Ойру поразило даже не ее заявление, а ругательство.

– Ты... ты говоришь на южном крозеранском? *Bunun benim dil oldunu biliyor mosun?*

Маюн фыркнула.

– Отец обучил меня многим языкам, но твоего бесовского наречия среди них нет!

– Но ведь ты поняла мой вопрос.

– *Git kendini beyzhar!* – с вызовом заявила Маюн.

Тут ассасин открыл рот и впервые за много веков... засмеялся. Смех вышел больше похожим на хриплое кудактанье; от этого действия, давно забытого и неестественного, перекосило лицо и даже заболело в груди – и в то же время это оказалось приятно. Уже пару мгновений спустя Ойру заставил себя подавить этот внезапный приступ. Загнав эмоции поглубже, он дождался, когда погаснут последние искры веселья, и вернулся к размышлениям.

«Она даже не понимает, что говорит на моем языке. Должно быть, она использует свой *люмен* и делает это бессозна-

тельно... инстинктивно».

Да, несомненно, так и есть. Выходит, девчонка либо ауромант, либо наездница душ, – возможно даже, она сочетает в себе оба магических таланта. Вдобавок на ней маска. Что ж, перспективы намечаются более чем заманчивые.

– Ты сказала, рука больше не болит, – произнес ассасин. – Покажи.

Маян перекатилась по земле, схватила громадный обломок скалы и швырнула его Ойру в голову. Тот, не отрывая взгляда от ее локтя, без труда уклонился от снаряда.

– Рука цела и невредима.

– Какой ты наблюдательный.

– Не груби, – одернул ее Ойру.

Он был совершенно сбит с толку.

Почему девчонка так быстро исцелилась? Однако с каждой секундой запас сомнумбры истощался с невероятной быстротой: мыслить ясно становилось все труднее, а сам он уже едва держался на ногах от слабости.

«Это она, – озарила Ойру внезапная догадка. – Она вытягивает из меня жизненную силу. Это может означать только одно. Наездница душ – вот кто она такая. Может, есть еще талант, но главный – этот».

О да, его ждет поистине увлекательное приключение, но сначала он должен как следует отдохнуть: если пробудет рядом с ней еще немного – его силой затянет в царство теней.

– Это весьма необычно, – сказал ассасин, с трудом про-

рываюсь через завесу тумана в сознании. – Но нужно кое-что проверить.

В его руке материализовался кинжал. Ойру подобрал с земли обломок, который в него бросила Маюн, и несколькими ударами призрачного клинка обтесал его, превратив в грубый нож без рукояти: одну его половину сплошь покрывали острые, как у пилы, зубцы, вторая – не уступала по тонкости лезвию бритвы. В длину нож был почти что с его предплечье.

– Вот тебе оружие, – сказал Ойру. – Не выпускай его из рук до тех пор, пока я не разрешу. Другого брать не смей.

Он приподнял нож, чтобы Маюн хорошенько его рассмотрела.

– Ты называешь себя воином, однако до сего момента пролила кровь лишь двух монстров. Сегодняшняя ночь это исправит.

Он бросил свое творение Маюн. Девушка ловко поймала нож и крепко сжала, не обращая внимания на капающую с пальцев кровь.

– Кого я должна убить?

– Удиви меня, – ответил Ойру. – Только не пытайся выследить Аннава – охоту на него мы устроим в другой день.

Четкие очертания этого мира начали размываться, приглушенные звуки слились в неразборчивый далекий гул, предвещающая переход в мир теней. Но до того, как исчезнуть окончательно, Ойру услышал:

– Когда-нибудь я устрою охоту на *тебя*, колдун.

Губы ассасина тронула легкая улыбка: он не ошибся с выбором ученицы – у нее есть сила, необычайная воля к жизни и магия.

Он лишь надеялся, что ему не придется ее убивать – как прочих до нее.

Глава 8

Трупы были повсюду: на лестницах, в коридорах, в кладовых. Куда бы Кентон ни посмотрел, повсюду его встречала смерть.

Большинство тел принадлежали мужчинам: служителям, аватарам и древним, которых он знал при жизни. Женщин среди мертвецов почти не оказалось. Лишь в яслях Кентон увидел два трупа: знающую Нейшу, лежавшую в окружении десятков крошечных трупикиков, и еще одну женщину, имени которой он не помнил. При виде последней Кентона передернуло. Нижняя челюсть оторвана, грудная клетка разломлена, а внутри – ни одного органа... Кентону потребовалось немало усилий, чтобы изгнать этот страшный образ из памяти.

Вперемешку с человеческими телами валялись трупы каких-то существ, плоть которых была обезображена металлом и камнем. Они были разбросаны по полу; части этих мерзких тел торчали из-под обрушившихся арок, усеивали сту-

пени лестниц. Зрелище выглядело отвратительным и леденящим кровь одновременно, а Кентон даже не мог закрыть глаза, чтобы отгородиться от этого кошмара наяву. Спасибо Анневу, который плеснул ему в лицо аклумеру.

«Ублюдок! – Желание мести вспыхнуло в Кентоне с новой силой. – Если я снова тебя встречу, то выпотрошу, как рыбу, а кишки скормлю воронам».

Однако теперь он видел несравнимо больше, чем раньше: его взгляд без труда проникал сквозь треснувшие стены, разрушенные колонны и груды обломков. И лишь одно место оставалось непроницаемым для его взора.

Проклятое хранилище. Кентон смотрел вниз, туда, где в темноте исчезали ступени, ведущие к Хранилищу. На подступах к нему Кентон не видел ничего, кроме чернильной темноты, которая рассеивалась, стоило ему отвести взгляд. И все же кое-что ему удалось разобрать: недалеко от гигантской двери из железного дерева, за которой начиналось Хранилище, лежал мертвец. Черт его лица Кентон рассмотреть не мог, однако новый дар подсказал ему, что это за человек.

Нарах.

Вид старика, который должен был стать его наставником, не вызвал у Кентона особой жалости. Поделом тебе, несносный старикашка. Интересно, от чего Нарак умер? Наверное, его убили эти демоны, но, судя по всему, в Хранилище ни одному из монстров прорваться не удалось.

«Вот и славно, – думал Кентон, осторожно ступая по

вздыбленному каменному полу кладовой, заваленному обломками деревянных балок. – Значит, в этих подземельях не осталось никого и ничего – кроме магии, будь она проклята. Я должен отыскать путь наверх».

Время шло, а его поиски какого-нибудь коридора или туннеля, что вывел бы его из подземелья, не давали никакого результата. Любой проход оканчивался непролазным завалом; даже потайные ходы, которые когда-то показал Кентону Дюварек, покойный мастер теней, оказались запечатаны. Чем дольше Кентон бродил по раскуроченным коридорам, тем более убеждался в одном: ни о каких случайных обстоятельствах тут и речи нет – это последствия саботажа, и причастные как следует позаботились о том, чтобы отсюда никто не выбрался.

Эти демоны попали сюда по чьей-то воле, не иначе. Кто-то намеренно впустил их, и они завалили все выходы с нижних уровней. Кентон обнаружил один – один-единственный! – коридор, совершенно целехонький, который вел на первый этаж, поспешил по нему – и уткнулся в груды обломков. Естественно, часть подземелий пострадала из-за обрушения верхних уровней, но кладовую, которую Кентон исследовал в данный момент, громили изнутри и, несомненно, с полным знанием дела.

Кентон почти отчаялся. Не успел он порадоваться чудесному освобождению из темницы, как тут же снова оказался в западне. Да судьба попросту играет с ним, как сытая кош-

ка с мышью. Кентон повернулся и проделал весь путь заново в обратном направлении, надеясь, что впопыхах не заметил какой-нибудь потайной туннель... Тщетно.

«Так, наверх пути нет, – размышлял Кентон. – Может, стоит спуститься? Вдруг на нижних уровнях найду какой-нибудь проход?»

Могли ведь глубоко под землей образоваться трещины?

«Вот бы у меня был меч Аннева, – с сожалением подумал Кентон, вспоминая, с какой легкостью разрезал этим мечом каменную плиту пола в кабинете Янака. – Зачем только я отдал его Нараху? Спрятал бы у себя – смог бы сейчас прорубить путь наверх».

Внезапно его озарило: а с чего бы Нараху нести меч сразу в Хранилище? Мастер тайн проявлял чрезвычайную дотошность во всем, что касалось его работы: прежде чем спрятать артефакт в Проклятом хранилище, он бы сначала наведалься с ним в архив, чтобы по всем правилам внести ценный предмет в каталог и только после этого убрать туда, где ему самое место. Не исключено, что Нарах мог оставить меч и в собственной спальне, да только это маловероятно...

Кентон спешил по коридорам, ловко огибая или перепрыгивая препятствия в виде закованных тел и осыпавшихся с потолка камней. Добравшись до лестницы, которая вела к архивам, он остановился и пронзил взглядом уровень, лежащий ниже. Вот его новая спальня: поспал он в ней всего ничего, а потом поднялась неразбериха, и закончилось все

тем, что Аннев запер его в темнице. А рядом – покои Нараха. Кровать, сундук с одеждой да крошечный стол – вот и вся обстановка. Как и следовало ожидать, ни следа меча-артефакта.

Кентон переместил взгляд на архив. Едва он это сделал, как почувствовал сопротивление: магия Хранилища мешала ему, не давая проникнуть вглубь комнат. Он видел лишь предметы, находившиеся у стены, а дальше – тьма. Какое разочарование!

Кентон отвел взгляд в сторону, все еще расстроенный неспособностью прищуриться или моргнуть, чтобы прояснить зрение. И вдруг... увидел длинный стол, на котором лежал тот самый меч! Тут же – раскрытая книга, перо и чернильница.

Перепрыгивая через две ступеньки, Кентон слетел вниз по лестнице, пронесся по коридору, заваленному трупами, и, нырнув в помещение архива, в два счета пробрался меж книжных шкафов к заветному столу.

Наконец-то! Едва он дотронулся до рукояти меча, обмотанной тканью, как в его сознании раздалось: «Я воздух, что режет, как нож. Я ветер и дождь, что обтачивают скалы. Этот меч – мои ножны, а я – край его клинка. Призови меня – и я буду твоим. Один лишь взмах – и я дарю милость твоему врагу».

«Милость. Вот как тебя зовут», – подумал Кентон.

Так меч ощущал сам себя. Точнее, не сам меч, а магия,

породившая его. Это ее голос – голос крови, что смешалась с металлом, – слышал Кентон.

Он крепко сжал рукоять в ладони.

«Я буду владеть тобой. Ты принадлежишь мне, а я – тебе. Вместе мы одно целое».

Кентон ощутил легкую дрожь, исходившую от оружия. Магия меча ответила ему; она проникла в его разум и схватилась за него так же крепко, как Кентон – за рукоять Милости. Они стали едины.

«Мы должны выбраться на поверхность». Кентон и сам не знал, почему он мысленно обратился к мечу – он лишь чувствовал, что нужно поступить именно так, а не иначе.

«Мы должны выбраться отсюда туда, где воздух свеж, где капли дождя омоют тебя, а небо будет целовать твой клинок».

Меч в его руке гулко загудел.

Свежий воздух. Милость словно вторила его мыслям. *Следуй за свежим воздухом.*

И тут Кентон почувствовал – можно даже сказать, увидел собственными глазами – то, о чем говорил меч: тоненький ручеек прохлады, струящийся вниз по лестнице из какого-то помещения, которое Кентон до сей поры почему-то не замечал.

Следуй за воздухом, снова раздался в его голове шепот. *Слушай голос Отца небесного – следуй за ветром.*

Кентон развернулся, держа меч перед собой. Клинок ле-

гонько дрожал, заключенной в металле душе не терпелось оказаться на поверхности. Кентон почувствовал, что Милость ведет его к лестнице. Сердце аватара учащенно забилося: неужели он наконец выберется отсюда? Однако едва он начал подниматься по ступеням, как явственно ощутил недовольство меча.

Следуй за ветром, повторила Милость, побуждая его вернуться к Хранилищу, спуститься еще глубже в подземелье.

Но нам нужно наверх.

Нет, шепнул меч. *Нам нужно выбраться отсюда. Следуй за ветром – он знает дорогу.*

Поколебавшись, Кентон все же решил довериться Милости. Он спустился к Хранилищу, затем, сделав глубокий вдох, медленно преодолел еще один пролет. Пройдя по коридору тюрьмы, он остановился у собственной камеры. Рядом была еще одна, запертая, к ней-то меч и вел Кентона. Аватар вытянул вперед руку и ощутил прохладное дуновение ветерка. Вот так ирония! Кентон чуть не рассмеялся.

Призвав магию меча, аватар вонзил клинок в дверной косяк и с легкостью разрезал железный засов. Потом пинком распахнул дверь и увидел источник сквозняка: в дальней стене камеры был вырублен туннель. Кентон не заметил его раньше, потому что магия Хранилища скрывала проход от его взора.

Кентон опустился на колени. Сжимая в правой руке Милость, левой он ощущал земляной пол и стены с выступаю-

щами острыми камнями. Туннель, несомненно, был выкопан людьми, а не создан природой.

Аватар просунул внутрь голову и плечи, и в нос тут же ударил тяжелый запах пыли, смешанный со сладковатыми нотками глины. Кентон слегка изогнулся, чтобы осмотреться, и увидел, что туннель идет вверх, но примерно через двадцать футов проход наполовину завален комьями земли и камнями. Кентон пополз, толкая Милость перед собой.

Оказавшись перед препятствием, он снова призвал магию и, вогнав заострившееся лезвие меча между камнями, начал расчищать себе путь. Дело шло медленно – все же меч был предназначен для того, чтобы колоть и рубить, а не кромсать кучи мусора. Кентон несколько минут орудовал клинком, потом принялся голыми руками отгребать землю и обломки камня в стороны.

«Если мне придется копать себе путь наверх, я здесь попросту умру», – мрачно подумал он.

Впрочем, говоря по правде, это было совсем необязательно. В кладовых он нашел запасы еды и воды, которых ему хватило бы, чтобы продержаться под землей год, а то и два. От недостатка кислорода он бы тоже не погиб: хоть все выходы и были завалены, воздух в подземельях по-прежнему циркулировал и задохнуться ему совершенно точно не грозило.

«Погоди-ка, – сказал вдруг сам себе Кентон, с трудом откидывая назад очередную охапку мусора. – Я ведь могу по-

смотреть, далеко ли еще до поверхности. Болван, нужно было сразу так и сделать!» Отчитав себя за глупость, Кентон устремил взгляд вглубь туннеля. Магия Проклятого хранилища не позволяла увидеть картину полностью, но Кентон прополз еще немного вперед, и его зрение вновь обострилось. Теперь он ясно видел, что затор намного меньше, чем ему показалось вначале: еще немного усилий – и путь будет свободен! Аватар улыбнулся и принялся с удвоенной энергией расчищать туннель от мусора, не обращая внимания на зудящие от ссадин колени. Потом он снова пустил в ход Милость, чтобы расширить наметившийся лаз.

Скррит. Он вонзил меч в камень.

Сниккт. *Сникк-сникк.* Из-под лезвия вылетело еще три куска породы.

Кентон положил меч на землю и начал отбрасывать назад обломки. И вдруг далеко впереди он увидел какой-то слабый свет. Это был дневной свет, никаких сомнений! Кентон расчистил лаз и просунул в него голову. Вытянув шею, он вновь уловил едва заметный проблеск света в дальнем конце туннеля.

«Хвала богам», – с облегчением выдохнул Кентон. Устремив взгляд своих немигающих глаз вперед, он смог хорошенько рассмотреть детали, скрытые от него раньше.

Туннель поднимался под резким углом – однако преодолеть его казалось несложным делом, – шел мимо камеры Аннева и, обогнув Проклятое хранилище и архивы, выходил на

поверхность в сотне футов от сторожевой башни на северной границе Шаенбалу. Оставалось лишь преодолеть этот узкий участок, а дальше лежал почти идеально прямой путь в полмили длиной.

Кентон пополз вперед, пытаясь протиснуться через узкий ход. Камни тут же вдавились ему в плечи, раздирая красную тунику и кожу. Если продвинуться еще немного – не ровен час, можно вообще застрять здесь так, что не шевельнуться. При этой мысли сердце Кентона забилося как сумасшедшее.

– Нет, нет, нет, – прорычал он.

Кое-как высвободившись из каменных тисков, он отполз назад и снова поднял Милость.

Кххханк. Меч вошел в глину. *Сссссникт.* *К-никт.* Кентон рубанул по каменной стене, расширяя проход.

Сниккт. *Тр-р-реск.*

Вдруг земля застонала.

Стены туннеля содрогнулись.

– Лопни мои кости... – не успел Кентон произнести последнее слово, как потолок обрушился.

Затрещали ребра, воздух выбило из легких, и тело намертво придавило тонной камней.

Слабый свет, мерцавший далеко наверху, тут же погас, и воцарился холодный мрак.

Глава 9

Повесив головы, Аннев со Шраоном молча брели по узким улочкам Банока.

– Не хочу, чтобы Титус и Терин шли вместе с нами в Лукуру, – произнес наконец Аннев.

Шраон понимающе кивнул:

– Может, так оно и лучше. А с остальными как быть?

– Фин и один не пропадет. Титус, скорее всего, захочет пойти с мастером Брайаном. А ты, если не передумал, можешь мне помочь найти Рива. Все равно избавиться от тебя так просто не получится.

– Точно, – крикнул Шраон, не найдя что возразить. – Мальчишки, конечно, взбеленятся, ну да ничего. Если мастер Брайан составит им компанию – они здесь неплохо обустроятся. Познакомлю его с Долин, и вдвоем они найдут, чем занять ребят, пока нас не будет.

– Не знаю, кто за мной охотится, но этот кто-то не останется, даже если мы найдем Рива и он избавит меня от этой треклятой руки. – Аннев, прищурившись, посмотрел на кузнеца. – Я не собираюсь возвращаться за ними, Шраон. Не хочу, чтобы из-за меня им грозила опасность.

– Согласен, вот только в лоб говорить им такое не стоит – особенно Титусу. Если узнают, что ты задумал, свяжут тебя по рукам и ногам и никуда не отпустят, а вырвешься – ки-

нутся по следу, как те гончие. А вот если скажешь, что скоро вернешься, может, тогда и выйдет упросить этих оболтусов остаться здесь и дожждаться твоего возвращения.

– Хочешь, чтобы я лгал своим друзьям?

– А с чего ты решил, что это ложь? Может статься, судьба приведет тебя обратно – и скорее, чем ты думаешь.

– Но тогда мне снова придется уйти, чтобы не подвергать их опасности.

– Вот и объясни им это по-человечески. А там, глядишь, все само собой разрешится.

Аннев задумался. Можно было бы сказать друзьям неправду: мол, скоро вернусь, и соскучиться не успеете – и исчезнуть навсегда. Но есть в этом что-то неправильное. Покидая Шаенбалу, он надеялся, что начнет с чистого листа: перевернет страницу и напишет новую, не похожую на все предыдущие, главу своей жизни. И мысль о том, что первые же строки вместят в себя увертки и обман, ему совершенно не понравилась. Содар не увидел бы в этом ничего страшного, но только не Аннев.

Вспомнив о священнике, Аннев перевел взгляд на левую руку в толстой перчатке. В голове зазвучал голос Содара: «Иногда бывает так, что ложь нас спасает, а правда губит. Если бы тебя поставили перед выбором – что бы ты предпочел?»

«Правду», – без колебаний ответил самому себе Аннев. Лучше знать, какие опасности тебя подстерегают, и самому

принимать решения, чем пребывать в блаженном неведении, позволяя другим указывать тебе путь. Предупрежден – значит вооружен. Но вправе ли он решать и за своих друзей?

Ну и задачка. Солгать Титусу и Терину и тем самым их защитить – или сказать правду и навлечь опасность не только на них, но и на самого себя?.. В свое время и Содару пришлось сделать подобный выбор...

До рыночной площади было уже рукой подать, а Аннев так и не придумал, как ему поступить. Он бы предпочел выложить все начистоту, но боялся, что Шраон прав: Титус от него нипочем не отстанет, и никакие уговоры и объяснения тут не помогут.

Вдруг – легок на помине! – пухленький стюард, стоявший в толпе зевак, их заметил и бросился навстречу:

– Аннев! Ты только представь! В Баноке есть жонглеры – они *илюмиты*! И еще столько разного странного народу! Я видел егеря из Альтары, а еще там предвещатель, весь белый, как молоко! А знаешь, какие у него глаза? Розовые! Пошли скорее, сам увидишь!

Он махнул рукой в сторону толпы, которая продолжала прибывать к южным рыночным воротам: над головами горожан, блестя на солнце, то и дело взлетали ножи. Протиснувшись сквозь толпу, Аннев увидел стройного мужчину в ярко-красных кожаных штанах, который жонглировал четырьмя ножами, а на его теле – руках, ногах, груди и спине – было прикреплено еще как минимум три дюжины кинжалов.

Внезапно рядом с Анневым возник Терин.

– С четырьмя ножами и я могу, – заявил мальчишка. – Да чего там, я бы и с пятью смог.

Не успел Терин закончить, как жонглер выхватил из перевязи на предплечье еще два ножа и тоже подбросил их высоко над головой.

– Ого, – восхищенно хмыкнул Терин. – Вот это да! Блеск. А интересно, он и с десятью эдак запросто управится?

Аннава зрелище впечатлило не меньше, однако слова Тигуса об альтаранце и белом человеке с розовыми глазами не давали ему покоя. Он окинул взглядом пятачок, на котором шло представление, ища этих двоих, но, не увидев их, стал рассматривать жонглера. Высокий и мускулистый, со светлыми волосами и слегка тронутой загаром кожей – в целом красивый парень, если бы не тонкие белые шрамы на лице и полоска усиков над верхней губой, из-за которой он напоминал мастера лжи Атэра. Не только в его внешности, но и в манере поведения было нечто странное. Аннев вдруг понял, что не может оторвать глаз от этого человека, словно тот исполнял какой-то завораживающий танец или пел прекрасную песню – до боли знакомую, но давно позабытую.

– Это бродячий артист, илюмит, – шепнул ему на ухо подошедший кузнец.

Аннев, бросив на него быстрый взгляд, снова обратил все внимание на жонглера.

– Похоже, людям не важно, что он чужеземец.

– Артистов везде любят. Даже в Шаенбалу илюмитов не считали угрозой – на них, скорее, смотрели как на диковинку.

– Это ты о моей матери?

Кузнец медленно кивнул:

– Сам я с ней не встречался, но многое слышал от деревенских. То-то шумиха поднялась, когда она вышла за твоего отца.

– Эген, – сказал Аннев, не сводя глаз с илюмита. – Содар сказал, ее звали Эген.

– Говорят, пела она превосходно. У илюмитов ведь особый талант – заклинательное песнопение, или пение духа. Таков их божий дар. Видишь, как этот парень двигается? – Он кивком указал на жонглера. – Плавно, будто в воздухе плывет? В нем тоже есть искорка этого дара. Что еще? Яркая одежда, светлые волосы... Впрочем, и среди даритов светловолосых хватает, так что это не самый верный признак. Есть еще кое-что, помимо заклинательного песнопения и двомерского танца. Можешь сказать, что именно?

В этот момент жонглер приступил к более сложной части своего номера: поднимая ноги, он бросал ножи под колено и ловил их за спиной.

– Посмотри на его шею, – подсказал Шраон. – Видишь, что там?

Аннев прищурился: на шее жонглера висела цепочка с бронзовым медальоном. Аннев машинально шагнул вперед,

чтобы разглядеть медальон получше, и увидел на нем какую-то гравировку.

– Что на медальоне?

– Дракон и феникс, – ответил Шраон. – Тескед, Люмеи первое пламя. И Ройен, последняя надежда Люмеи. Это символы илюмитской веры.

– Дракон Тескед и феникс Ройен, – задумчиво повторил Аннев. Однажды он уже слышал эти имена от Содара. – Как ты его назвал? Бродячий артист?

– Именно так. Артисты развлекают народ. Что до илюмитов, то они чаще всего становятся певцами и рассказчиками.

– Бардами?

– Не смей меня! Все барды нынче сидят по королевским дворам. Возьмем артистов: тут тебе и жонглеры, и метатели ножей, и музыканты, и актеры, и поэты. Этот вот жонглирует ножами, но ставлю свой единственный глаз, что он отлично поет или же под горой шмоток прячет приличный музыкальный инструмент. А скорее всего, и то и другое.

Кузнец хлопнул Аннева по плечу:

– Ладно, веселитесь, а я пойду к Брайану, расскажу, что мы с тобой задумали. Заодно узнаю, не удалось ли что-нибудь выручить за зерно. Кстати, помог бы ты ему приглядеть за нашим добром. – Кузнец указал рукой на телегу, у которой стоял Фин. – Будь это Лукура или Квири, в толпе давно бы уже шнырял воришка.

Об этом Аннев не подумал. Он тут же сунул руку в ма-

ленькую сумку, висящую на поясе, – и побледнел. Сумка была пуста! Зеленый выцветший мешок-артефакт исчез со всем его содержимым! Где теперь прикажете искать волшебный фонарик с фениксом, знамя Бреатанаса, перевод Спеур Дун, над которым столько времени корпел Содар?..

Аннев похолодел от ужаса. Боги, боги, только не это... Внезапно он вспомнил – и вспыхнул от стыда до самых корней волос. Он ведь спрятал бездонный мешок в карман туники, в котором раньше носил отмычки! Аннев приложил ладонь к карману и улыбнулся. Уф! Все на месте. В надежде, что никто не заметил его метаний, Аннев огляделся.

Брайан стаскивал с телеги мешки с мукой и зерном; рядом с ним стоял Шраон, который беседовал с каким-то толстяком в необъятных шелковых панталонах. Толстяк энергично жестикулировал, указывая на мужчину, который торговал фруктами, хлебом и сыром. Фин, казалось, вовсе не интересовался тем, что творится вокруг, – все его внимание было приковано к жонглеру. Титус с Терином пробрались вперед и теперь стояли в нескольких футах от артиста.

Фин зевнул, прикрыв рот рукой, и уже повернул голову в сторону от наскучившего зрелища, как вдруг жонглер крутанулся на месте и выхватил из-за спины два коротких меча и подкинул их в воздух, добавив более крупное оружие к шести вращающимся над его головой кинжалам. Толпа восторженно ахнула, отчего Фин снова повернулся к месту действия.

– Приветствую вас! – ослепительно улыбаясь, крикнул жонглер. – Имя мое Крисс Якасен, но люди зовут меня Краснопалом. Хотите знать почему – не отводите взгляд от... ох ты ж!

Он сунул в рот большой палец правой руки, тут же поймал падающий кинжал – все это заняло у него долю секунды – и как ни в чем не бывало продолжил жонглировать клинками.

Терин, хохотнув в голос, склонился к Титусу.

– На самом деле он ни капли не поранился, – шепотом поведал он перепуганному малышу. – Да и ножи у него на-верняка тупые.

Вдруг жонглер, танцуя, приблизился к ним и произнес:

– Тупые, говоришь? И ни капли не поранился? А еще, кажется, ты назвал меня лучшим артистом из ныне живущих? О, если бы все твои слова были правдой!

И, не давая Терину опомниться, быстро мазнул его большим пальцем по щеке, оставив на ней красный след. Терин торопливо вытер пятно, и толпа радостно загудела.

– Нет, юный друг, я не лучший в мире актер, зато я – честный актер. Черт!

На сей раз он поранил большой палец на левой руке и снова молниеносным движением испачкал кровью вторую щеку Терина. Смех толпы перешел в громогласный гогот.

Терин отпрыгнул назад.

– Кровь и кости! – выругался он и принялся с ожесточением тереть лицо.

– Воистину! – воскликнул Краснопал. – Причем кровь самая что ни на есть настоящая. Впрочем, ловить ножи – не самое сложное.

Словно подтверждая собственные слова, он наклонился вперед, поймал за спиной короткие мечи и вложил их в ножны – и все это он проделал, не переставая жонглировать шестью ножами. Изумленная толпа наградила Красноपालа бурными овациями. Аннев снова вспомнил предостережение Шраона и огляделся, ожидая увидеть какого-нибудь беспризорника, ловко обчищающего карманы восторженных зрителей.

Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять: подельник жонглера – вовсе не мальчишка в лохмотьях, а вон та девушка, что все это время стояла поодаль от толпы, а теперь начала пробираться к месту представления. На ней было огненно-оранжевое платье, плечи окутывал желтый шарф. Ее рыжие волосы с красноватым отливом были заплетены в две тугие косички, которые весело покачивались в такт ее движениям. Аннев следил за девушкой, посматривая в то же время на актера.

«Где же эти егерь с предвещателем?» – думал Аннев, не на шутку заинтригованный словами Титуса.

– О нет, – с улыбкой продолжал Краснопал. – Самое сложное в нашей работе – не сбиваться с ритма. Много умников находится, кто начинает командовать: а ну, быстрее! – или: давай помедленней! – вот тогда-то дело и принимает опас-

ный оборот.

Внезапно его подельница в оранжевом выпрыгнула из толпы, повернулась к зрителям лицом и вынула из складок шарфа деревянную флейту. Тут Аннев смог как следует рассмотреть девицу: она была, наверное, в два раза его старше и очень хороша собой. Взглянув на Краснопала, она поднесла флейту к губам и начала наигрывать тихую чарующую мелодию.

Краснопал сунул два из шести ножей в пазухи на наручах и стал жонглировать медленнее, принаравливаясь к неспешному ритму флейты.

– Дамы и господа, позвольте представить вам мою сестру – Луатас.

Женщина коротко кивнула; толпа отозвалась бормотанием и жиденькими хлопками. Луатас ускорила темп, и движения Краснопала стали быстрее и резче.

Ложная тревога, никакая она не воровка.

Аннев пристально вглядывался в толпу, однако все было спокойно – никто не шнырял меж очарованных зрителей, намереваясь поживиться за счет их любви к искусству. Но тут его внимание привлекли двое мужчин. На первом было темно-серое – почти черное – одеяние с широкими рукавами, в которых он прятал руки. Лицо скрывал капюшон, но, когда человек чуть повел головой, Аннев успел заметить, что оно неестественно бледно.

«Ага, значит, это и есть предвещатель, – догадался Ан-

нев, – следовательно, тот другой – егерь».

Второй мужчина резко выделялся на фоне торговцев и праздных горожан, окруживших жонглера: он был одет в кожаную броню с шипами и сапоги, отороченные мехом. Из-за спины у него торчали два коротких меча, а на поясе висели две деревянные дубинки – тонфы. Мужчина нагнулся и почесал голову ласке, льнущей к его сапогу, и та, юркнув в толпу, исчезла из вида. Казалось, никто, кроме Аннева, этого не заметил, да и сам Аннев, снова поглощенный зрелищем, не придал увиденному большого значения.

«Она илюмитка, – думал он, глядя на женщину. – Как и моя мать».

В груди заныло от внезапного ощущения потери. Эген сейчас было бы столько же лет, сколько Луатас, может, чуть меньше. Походила ли она на эту женщину? Носила бы такую же яркую одежду? Несколько мгновений Аннев зачарованно следил за тонкими пальцами, скользящими по флейте, а потом решительно тряхнул головой: довольно этих мрачных мыслей!

– К счастью для меня, – продолжал Краснопал, – сестренка моя играет прескверно. Ей в детстве медведь на ухо наступил, с тех пор не попадает в ноты, бедняжка, как ни старается, только инструмент зазря мучает.

Флейта издала высокий возмущенный звук, и Луатас пнула брата в голень. Зрители засмеялись, а Краснопал ойкнул, снова порезав себе палец. Терин благоразумно отошел

подальше, чем вызвал приступ всеобщего хохота. Жонглер улыбнулся – и чиркнул окровавленным пальцем по щеке сестры. Девушка гневно зыркнула на шутника, и мелодия зазвучала живее.

Краснопал, закусив губу, вынул из наручей пару ножей и подбросил в воздух. Луатас играла все быстрее. Под восторженное оханье толпы артист выхватил еще пару кинжалов из перевязи на груди. Флейта с беспощадностью набирала темп. Еще пара ножей взлетела ввысь. И еще одна.

Притихшая толпа принялась считать взлетающие над головой жонглера ножи, и Аннев присоединился к хору голов.

Десять. Одиннадцать. Двенадцать... Двенадцать? Не может этого быть!

Рук Краснопала уже не было видно – они мелькали так быстро, что сливались в одно сплошное пятно. Каждый нож делал грациозную арку в воздухе, падал в ловкие пальцы жонглера и в тот же миг снова взмывал в высоту.

Луатас заиграла еще быстрее, и разобрать ноты уже не представлялось возможным – все они смешались, превратившись в единый прекрасный голос. Краснопал старался не отставать, но было ясно, что выйти победителем из этого поединка не под силу даже ему.

Наконец флейта, выдав последний, невероятный по скорости пассаж, умолкла; в этот же момент Краснопал поддел носком сапога лежащую у его ног доску, подбросил ее и,

схватив обеими руками, подставил под дождь из клинков. Ни один из двенадцати ножей не упал на землю, и, как только последний воткнулся в доску, Краснопал повернул ее к зрителям. Тут и у закоренелых скептиков не осталось сомнений в том, что ножи самые что ни на есть настоящие. Толпа заревела от восторга.

Артист отвесил глубокий поклон и перевернул доску. На обратной стороне было написано: ПОДДЕРЖИТЕ МОНЕТКОЙ.

Глава 10

Пока довольные зрители оглушительно аплодировали, Луатас достала откуда-то потертый кожаный мешок и нырнула в толпу. Держа мешок перед собой, девушка приблизилась к Титусу с Теринном, но мальчишки с виноватым видом помотали головами. Девушка улыбнулась и направилась дальше. От Фина оказалось не больше толку, чем от этих двоих, но и его Луатас одарила улыбкой. Когда она подошла к Анневу, тот уже собирался ответить тем же молчаливым отказом, как вдруг его осенило: что, если в бездонном мешке затерялась монетка-другая?

– Пойдите, – обратился он к Луатас, которая уже шагнула к другому зрителю. – Возможно, у меня и найдется что-нибудь для вас.

Аннев достал из внутреннего кармана туники выцветший

артефакт и, представив себе монету, запустил в него руку. Пальцы тут же нащупали кусочек металла. Аннев вынул его, протянул женщине – и застыл в изумлении, как и сама Луатас.

Странно, что столь маленькая монетка оказалась такой тяжелой. Ребра ее были грубо обточены, изображения почти напрочь стерлись, и все же на одной стороне можно было увидеть исполосованное молниями небо и посох Одара, разделяющий надвое вздыбленное море.

Девушка, ни слова не сказав, взяла монету, а Аннев нервно сглотнул: он ведь эту монету уже видел. Ее несколько дней назад из этого самого мешка вытащил Содар. И Аннев прекрасно помнил, что изображено у нее на обратной стороне: дымящаяся наковальня с парящим над ней кузнечным молотом. Этой монете было почти пять тысяч лет, и отчеканили ее в тот короткий век, когда у народов Дароэи и Терры ходили одни и те же деньги.

Аннев был уверен, что ему одному известно, что это за монета и какова ее ценность, но, по-видимому, он ошибся. Рыжеволосая женщина нежно потерла монету между большим и указательным пальцем, а когда взглянула на Аннева, в ее глазах орехового цвета стояли слезы. Несколько мгновений она всматривалась в лицо юноши, изучая его черты. Вдруг глаза ее расширились. Сначала в них появилось узнавание, а после – страх, и Луатас, ахнув, попятилась в сторону брата. Краснопал как раз сунул в ножны последний кинжал

и легким шагом поспешил к сестре.

– Что такое, Луатас? – Он вопросительно взглянул на обоих и тут заметил в руке сестры монету.

Нахмурившись, артист взял кусочек металла и, осмотрев его с обеих сторон, поднял удивленные глаза на Аннава:

– Это ты ей дал?

Аннев кивнул.

Лицо актера озарилось улыбкой. Он облизнул губы, словно собираясь еще что-то спросить, но увидел телегу и подошедших к ней трех мальчишек и, кажется, передумал.

– Благодарим вас. – Краснопал сжал монетку в ладони. – Вы проявили поистине королевскую щедрость.

– Это всего лишь медяк, – смущенно пробормотал Аннев. – Наверяд ли он столь уж ценен.

Мутноватые голубые глаза артиста несколько мгновений изучали лицо Аннава, затем Краснопал взял из рук сестры мешок и показал содержимое юноше: мешок был пуст. Аннев помрачнел.

– Не знаю, сынок, заметил ты или нет, но мы илюмиты. – Жонглер бросил кривой медяк в мешок. – Зрители вопят от восторга, но редкий из них благодарит нас монетой.

– Вот как?

В этот самый момент к ним подошли Шраон с Брайаном. Кузнец держал в горсти монеты. Довольно улыбаясь, он чуть подбросил их на ладони, демонстрируя мальчишкам звякнувший улов.

– Не бог весть какое богатство, но за вход в город заплатить хватит.

Кузнец повернулся к артистам и, прищулив единственный глаз, произнес:

– Приветствую. Вот это было зрелище! Вы, несомненно, талантливы, господин артист.

Он бросил Краснопалу монетку. Тот ловко поймал ее и отвесил низкий поклон.

– Ты и половины всего не видел! – встрял в разговор Тигус. – Он жонглировал аж дюжиной ножей – одновременно!

Терин с Фином встали рядом с пухлощеким малышом, и Фин важно кивнул, подтверждая его слова.

– Недурно выглядело, – подхватил Терин. Он посплюснул пальцы и принялся тереть щеки. – Хотя кровавые штучки были ни к чему.

– Ты о чем? – не понял Шраон.

Краснопал выразительно пожал плечами, и на губах его заиграла лукавая ухмылка.

– Что поделать – такова цена хорошего представления.

Он передал мешок сестре, и Луатас вернулась к своему занятию. Краснопал же поднял руки, и тут все увидели, что его пальцы испещрены крошечными белыми шрамами. Артист надавил на подушечку большого пальца, и на поверхности свежей ранки выступила капелька крови.

– Мое имя Крисс. В народе, по очевидным причинам, известен как Краснопал.

Шраон смерил илюмита долгим пристальным взглядом.

– Шраон Смит, – произнес он наконец и протянул артисту руку.

Тот вежливо пожал ее, а когда руки разомкнулись, у кузнеца на запястье осталось маленькое красное пятнышко.

Шраон улыбнулся:

– Краснопал, значит.

Он посмотрел вслед удаляющейся девушке, потом повернулся к Брайану:

– Мастер Брайан, нам нужны припасы. Возьми с собой Титуса, Терина и Фина и отправляйтесь за покупками. Купите свежих фруктов, вяленого мяса да сыра.

Кузнец отдал управляющему все монеты, что держал в руке.

– С радостью, мастер кузнец. Уж в этом-то деле я знаю толк. Пошли, ребята. Покажу вам, что значит тратить денежки с умом.

Титус весело засеменил вслед за Брайаном. Остальные откликнулись на призыв с меньшим энтузиазмом. Уходя, Фин оглянулся на Аннева и вопросительно поднял бровь, однако ничего не сказал.

Шраон снова повернулся к Краснопалу:

– Имя Крисс дал тебе твой клан?

Улыбка на лице артиста слегка потускнела.

– При рождении мне дали имя Тескед, но так меня называет лишь сестра. По правде говоря, Краснопал мне нравит-

ся куда больше. Просто и по делу.

– Тескед, – повторил Шраон. – Это ведь имя первого дракона?

Краснопал улыбнулся во весь рот:

– Вот это да, мастер Смит, редкий вы человек! – Он покачал головой. – Дарита, знакомого с илюмитской культурой, нынче днем с огнем не сыщешь. Скажи мне, откуда тебе столько известно о моем народе?

На добродушное лицо Шраона набежала туча.

– Когда-то я был работорговцем.

Всю веселость Краснопала как ветром сдуло. Его тело напряглось, взгляд заметался между кузнецом и Анневом.

– Был? – ледяным голосом спросил жонглер.

Правая рука его потянулась к одному из кинжалов.

– В юности. Я родился на Иннистиуле, но давно уже не зову это место своим домом, а его жителей – братьями.

Лицо жонглера немного смягчилось, и он опустил руку. Шраон же, разглядывая землю у себя под ногами, продолжал:

– Я часто говорил с пленниками, расспрашивал об их культуре – *твоей* культуре – и в конце концов решил оставить Иннистиул и свою семью навсегда. Несколько лет спустя я повстречал одного священника по имени Содар и от него узнал об илюмитах еще больше. Со временем он убедил меня примкнуть к стражам колодца.

– Так ты дионах Тобар? – просиял илюмит.

– Я не ремесленник, нет, – этим даром меня не наделили. Но эту веру я считаю своей.

Краснопал понимающе закивал.

– А кто вы? – спросил кузнец у жонглера и Луатас, которая только что вернулась. – Вас Люмея одарила своей милостью?

Артист улыбнулся:

– У меня имеется кое-какой талант, но не магического свойства. Как и ты, я всего лишь адепт веры. Хранитель пламени, но не дионах Лазар. А вот сестра... – Он перевел взгляд на девушку. Та едва заметно качнула головой. – Раньше у нее был дар, но она утратила голос. Это случилось после того, как на нашу семью напал владыка крови. С тех пор Луатас не поет песню Люмеи – и вообще не говорит.

– Очень жаль это слышать, – с грустью произнес кузнец. – Однажды мне довелось услышать песню дионахов Лазар. Никогда этого не забуду.

Краснопал поклонился:

– Настанет день, когда вновь зазвучит голос Люмеи. И быть может, тогда мы услышим и песню моей сестры. – Он положил руку девушке на плечо. Луатас посмотрела на брата снизу вверх и улыбнулась. – А пока Луатас довольствуется игрой на флейте. Я тоже музицирую, но предпочитаю арфу.

– Вот оно что, так ты не только ножами жонглировать мастак. – Шраон поглядел на Аннева. – Ну, парень, что я тебе говорил?

Краснопал ухмыльнулся:

– Я и не то умею. Еще я певец и танцор. Хотите послушать историю или балладу – милости прошу ко мне. Да только ничего из этого не является моим *истинным* талантом.

– Да? – удивленно хмыкнул Шраон. – Какое же искусство ты считаешь истинным для себя?

Краснопал поднял сумку с лямками, лежащую на земле рядом с доской, вскинул ее на спину и заговорщически подмигнул:

– Ты назвал мою профессию искусством – что ж, это верно, пусть для большинства она и далека от искусства. Но я зрю в корень вещей и вижу истину, и я разделю ее с вами.

Артист вскинул голову, простер руки к небу, словно обнимая весь мир, и начал мощным баритоном:

– Я, Краснопал, бард и бродячий артист-илюмит, величайший охотник за сокровищами, которого видел свет. Я добываю мифы, легенды и небылицы, которыми развлекаю народ. Но подлинная моя страсть – истории о сокровищах. Ибо что может быть поэтичнее драгоценной истории, повествующей о бесценных ценностях? А коли история правдива и нашелся-таки счастливец, которому посчастливилось отыскать сокровищницу, полную подлинного сокровища, не делает ли это и нас частью чудесной истории, а значит, и частью сокровища?..

Шраон с Анневом переглянулись. Луатас воспользовалась паузой и пихнула брата локтем в бок. Бард поморщился, однако шальная ухмылка так и не сошла с его лица.

Аннев поскреб за ухом:

– Боюсь, мастер артист, мы немного запутались...

Краснопал отвесил низкий поклон:

– Прошу простить, а вы у нас мастер...

– Аннев.

Артист склонился до самой земли:

– Мастер Аннев. Чудно. Теперь мы знаем, как зовут нашего благодетеля.

Шраон непонимающе посмотрел на Анневу, но тот качнул головой. Благо Краснопал не замолкал ни на секунду.

– Я намеревался сказать, что не меньше, чем охотиться за историями, я люблю получать награду за свои труды. Таланты артиста оплачиваются скудно, а вот охота за сокровищами – как раз наоборот.

Аннев недоуменно поднял бровь:

– А вы что, и правда знаете такие истории?

– Еще бы! – расхохотался Краснопал. – Вот только правдивых из них меньше половины, а стоящих среди тех немногих – раз-два и обчелся. Нет, я трачу время лишь на те, что достойны внимания.

Он сделал шаг вперед, воззрился на Анневу, затем перевел взгляд на Шраона:

– Могу я узнать, кто из вас, господа, является предводителем вашей славной компании?

Аннев немного оторопел. Само собой, главный среди них Шраон, это ведь и дураку понятно, но с какой стати артист

вообще задал этот странный вопрос? Однако ответ кузнеца сверг его в самый настоящий ступор.

– Наш предводитель – юный мастер Аннев, я лишь его скромный помощник.

Выражение лица Краснопала говорило о том, что иного ответа он и не ожидал. Артист заговорил, обращаясь к Анневу:

– Простите за дерзость – мы ведь едва знакомы, – но дело в том, что мы с сестрой и нашими спутниками направляемся в...

– Берегись!

Аннев резко повернулся на голос и, к своему невероятному изумлению, увидел предвещателя-альбиноса. Но еще ближе стоял алтаранец. Не успел Аннев ничего сообразить, как мимо его лица, лишь чудом его не задев, со свистом пролетела тонфа егеря.

КРПАК! Что-то маленькое и черное пронеслось над головой.

– Боги! – взревел Шраон, увлекая Аннава вниз. – Ложись, парень!

Кузнец накрыл его своим телом, но Аннев в два счета высвободился и вскочил на ноги. Рядом с ним стояли илюмит с сестрой и альбинос.

– Туда! – заорал артист, тыча рукой в переулок. – Он побежал туда!

Аннев успел заметить, как какой-то силуэт нырнул в тем-

ную подворотню, а следом за ним, сунув тонфу в чехол на поясе, бросился альтаранец.

Альбинос сдвинул назад капюшон, обнажив голову: волосы на ней имели тот же цвет иссушенной на солнце кости, что и кожа незнакомца. Судя по всему, он был почти ровесником Шраону. Альбинос нагнулся и поднял с земли какой-то предмет. Им оказался арбалетный болт. Белокожий внимательно его осмотрел, а затем поднял пронизательные розовые глаза на Аннава:

– Вас не задело, мастер Айнневог?

Ничего не ответив, Аннев сорвался с места и, расталкивая крикливых торговцев и их сонных клиентов, бросился вдогонку за егерем и неведомым убийцей.

– Аннев! – крикнул Шраон. – Ты куда?

Но Аннев его уже не слышал: призвав магию сапог быстрой поступи, найденных им в Проклятом хранилище, он в мгновение ока очутился у входа в тот самый переулок. Он успел заметить, как мимо торговых шатров мелькнула тень, за которой, отставая от нее лишь на полсотни шагов, мчался альтаранец. Аннев сделал шаг – и чуть не грохнулся на землю, споткнувшись о тяжелый арбалет. Не удостоив его вниманием, Аннев во весь дух припустил за альтаранцем и нагнал его у городской стены.

– Он там! – Мужчина показал рукой на жавшиеся друг к другу навесы, под которыми висели вязаные коврики и гобелены. – За тем красным ковром!

Аннев за пару мгновений достиг нужного навеса, сорвал красное полотно – но за ним оказалась лишь сплошная каменная стена.

– Куда он подевался?

Тут, тяжело дыша, подоспел егерь.

– Клянусь, я его видел. – Он склонил голову вбок. – Я чую его запах. Он точно здесь был. И до сих пор *должен быть!*

Альтаранец вплотную приблизился к стене и несколько раз с шумом втянул носом воздух.

– Ничего не понимаю. Не мог же он просочиться сквозь камень!

Аннев поднял голову и смерил взглядом возвышавшуюся над ним колоссальную стену. Единственное объяснение – убийца перемахнул через нее и был таков. За пару секунд. Ну конечно. Проклятье!

«Точно как Фэйт, – подумал Аннев. – Она тоже растворилась в воздухе. Или этот и правда прошел сквозь стену?»

– Ты в порядке? – спросил альтаранец.

– Да. Просто обидно, что мы его упустили.

– Ты даже не запыхался, – изумленно проговорил егерь. – А ведь и среди моих соплеменников едва ли найдется такой же быстрый, как я.

– На самом деле я не быстрее тебя, – признался Аннев.

Он осекся, не зная, стоит ли открывать незнакомцу свой секрет. Потом все-таки, понизив голос, произнес:

– У меня сапоги заколдованные.

– Господа! – раздался вдруг рассерженный оклик.

Позади мужчин, буравя их гневным взглядом, стоял потный лавочник.

– Вы собираетесь это покупать?

Торговец ткнул пальцем в гобелен, который альтаранец по-прежнему сжимал в руке. Егерь ответил молчаливым взглядом.

– Ну так проваливайте отсюда, нечего мне клиентов распугивать!

Распугивать, прямо скажем, было некого, но Аннев с егерем не стали спорить и послушно удалились.

– Спасибо тебе, ты спас мне жизнь, – сказал Аннев альтаранцу. – Я Аннев.

– Приятно познакомиться.

Они пожали руки.

– Я Корентин, шалгарн из Альтары. Но мои товарищи зовут меня Бешеный Кот.

– Бешеный Кот? – переспросил юноша. – Какое странное...

Тут он впервые как следует рассмотрел глаза егеря: желтые, с черными овальными зрачками, в точности как кошачьи.

– Не такое уж и странное, да? – ухмыльнулся тот.

– О, – удивленно выдохнул Аннев. – Теперь ясно.

Шалгарн подошел к арбалету, поднял его и показал Анневу:

– Это оружие твоей страны?

Аннев взял арбалет и осмотрел: ложе было железным, а тетива сделана из крученой проволоки.

– Никогда таких не видел. Это каким силачом надо быть, чтобы в одиночку управляться с этой штуковиной?

– Она еще и дорогая, – добавил Бешеный Кот. – Это оружие мастера-ассасина. Может и металлическую броню пробить.

– Но как ты сбил стрелу в воздухе?

– Я заметил ее в самый последний момент. У меня острое зрение и быстрые рефлексy – они-то и дают мне преимущество. Полагаю, это сродни твоим сапогам.

– Хочешь сказать... это тоже магия?

– Дар, – поправил Бешеный Кот. – Впрочем, результат один и тот же.

Миновав ряды шатров и навесов, они вышли на площадь и тут же услышали:

– Аннев!

К ним бежал Шраон.

– Ты с ума сошел? О чем ты думал?

– О том, чтобы поймать человека, который пытался меня убить. – Аннев протянул Шраону арбалет. – Понятия не имею, как он от нас ускользнул. Мы преследовали его до самой городской стены, а там он... просто взял и исчез.

– Ты ранен? – спросил Шраон, таща его за собой к остальным.

– Нет, стрела меня даже не задела.

– Какое облегчение, – заметил Краснопал, а Луатас кивнула. – Вам очень повезло, что Корентин и Цзянь оказались поблизости, иначе здесь бы ваше путешествие и закончилось.

– Цзянь? – Аннев взглянул на альбиноса, на голове у которого вновь был капюшон. – Это ты крикнул «берегись»?

Белолицый человек наклонил голову:

– Верно, мастер Айнневог. Мне было видение.

– А еще ты знаешь мое имя, – продолжал Аннев. – Мое *полное* имя... хотя мы никогда не встречались.

Альбинос снова поклонился и перевел взгляд на Краснопала, однако тот не успел и рта раскрыть, как вмешался Шраон:

– Нас только что представили друг другу. Этого человека зовут Цзянь Никлосс, он йомад из Великой Терры.

Цзянь, соединив ладони у груди, поклонился в третий раз:

– Мое почтение.

– Мастер Никлосс обладает даром видеть то, что недоступно глазу простого обывателя, – пояснил Краснопал, подкручивая ус. – Он может поведать о событиях будущего, правда весьма недалекого. Деревенская публика обожает этот фокус... однако, сдается мне, это лишь малая толика талантов нашего Цзяня.

Аннев во все глаза таращился на альбиноса, не зная, верить словам жонглера или нет.

– Так ты... видишь будущее?

Йомад сделал какой-то странный жест руками и тряхнул головой, а когда заговорил, Аннев заметил в его речи легкий акцент.

– Вижу – и не вижу. Маленькое окошечко открывается – и тогда я смотрю и слушаю. На это у меня лишь несколько мгновений.

Аннев попытался переварить услышанное.

– Значит, это твоя магия подсказала тебе мое имя и спасла меня от арбалетной стрелы?

Цзянь снова наклонил голову:

– Как угодно, мастер Айнневог.

Аннев дотронулся до края своей перчатки. Сначала Долин... потом эти илюмиты, шалгарн и йомад. За один-единственный день он умудрился повстречать на своем пути почитателей Круитхара, Люмеи, Шелгаира и Тахарана. Это попросту не может являться совпадением. Лесная ведьма говорила, что на него станут охотиться новые боги. А что, если охота уже началась и кто-то из этих людей имеет не самые дружелюбные планы на его счет? Аннев покосился на предвещателя. Все-таки появление здесь этого человека выглядело особенно подозрительно.

– Вам интересны остальные мои таланты. – Цзянь широко улыбнулся и, не дав Анневу ответить, продолжил: – Я вижу. Говорю. Призываю. Не каждому дано уметь все это сразу.

– С кем ты говоришь и кого призываешь? – спросил Аннев.

– Я говорю с... – Цзянь замешкался, подбирая нужные слова. – С людьми, которые уходят в священные земли. Я зову их и слышу их. Иногда они говорят со мной, иногда я с ними.

– Ты общаешься с мертвыми?

Цзянь сделал тот же непонятный жест руками и мотнул головой:

– Они не мертвые. *Люмен* и *кваир* переходят в священные земли. Они живут. *Т'расанг* остается в этом мире. Т'расанг мертв. – Он сделал паузу. – Но и с т'расангом я могу говорить. Иногда он отвечает. Иногда молчит.

Бешеный Кот кашлянул, и все повернулись к нему.

– Простите, что прерываю, но ваш предводитель признал, что я спас ему жизнь. – Альтаранец указал на Аннева. – Я потребовал бы уплаты долга, но уже обязался помочь этим илюмитам. – Он жестом указал на Краснопала с сестрой. – А поскольку я связан с ними клятвой, право взыскать долг жизни принадлежит и им тоже. – И, торжественно кивнув, добавил: – У меня все.

– Долг жизни? – переспросил Аннев.

Он повернулся к Шраону, потом взглянул на Краснопала. Кузнец что-то пробормотал себе под нос; жонглер со спокойным видом поглаживал островок растительности под нижней губой.

– Видите ли, Бешеный Кот – шалгарн, – пояснил Цзянь. – А в Альтаре долг жизни – явление обычное. Однако, – тут он

поднял указательный палец, – у меня не меньше прав требовать награду за твою жизнь. Это ведь я тебя предупредил и приказал Коту оградить тебя от летящего зла.

– Сбить арбалетную стрелу, ты хочешь сказать, – уточнил Аннев. – Тебе было видение, что в меня выстрелят, и ты попросил Бешеного Кота меня защитить.

– Ты очень мудр, – произнес Цзянь, отвешивая очередной поклон.

– Слушайте, мы направляемся в Лукуру по чрезвычайно важному делу, – с раздражением проговорил Шраон. – И не собираемся терять драгоценное время из-за того, что кто-то навязывает нам свои странные обычаи. – Он вежливо кивнул Луатас. – Прошу простить меня за резкость, госпожа.

Бешеный Кот нахмурился:

– Значит ли это, что вы намереваетесь уклониться от уплаты долга?

– Нет, – ответил Шраон, – но мы связаны собственными обязательствами и должны отправляться в путь без промедления.

– Я понял вас. – Альтаранец обменялся взглядами с илюмитом и предвещателем. – В таком случае я прошу об услуге. Обычай это позволяет.

Кот снова повернулся к Анневу:

– Ты ведь не откажешься выполнить нашу просьбу?

Так вот оно что. Вся эта история – лишь хитроумная ловушка, которую расставила для него ушлая тройца. И он, ду-

рак, попался.

– Прежде чем дать согласие, могу я узнать, что это за просьба?

Улыбка на лице Краснопал растянулась от уха до уха.

– Думаю, это допустимо. – Жонглер жестом указал на своих сообщников. – Моя группа нуждается в новых артистах...

– Ни слова больше, – оборвал его Шраон. – Среди нас ты их не найдешь.

Краснопал рассмеялся и замахал руками:

– Что вы, что вы, я говорю об *особенных* артистах. Благодаря нашему другу-предвещателю мы уже даже знаем, кто это должен быть. – Он поднял два пальца. – Первый – некий друид из Щедрого Предела, второй – орваниец по имени Долин. Собственно, поиски Долина нас сюда и привели, но, к великому сожалению, найти его нам так и не удалось, даже магия нашего Цзяня оказалась бессильна.

– Если мы скажем, где его искать, это искупит мой долг перед Бешеным Котом? – спросил Аннев.

Артист сурово воззрился на него:

– Может быть.

– Долин – женщина, – вмешался Шраон. – Она уезжала из города на несколько дней... как бы то ни было, сомневаюсь, что она к вам присоединится. У нее кузница в Золотом районе, от заказов отбоя нет. Долин любит тонкую работу, но мастерство ее не знает границ. – Он пожал плечами. – Идите к ней, если хотите, однако не стоит обсуждать ее таланты

при всем честном народе. Люди в этом городе, в отличие от тебя, мастер Краснопал, не столь терпимы к чужакам.

Бешеный Кот шепнул что-то альбиносу, и тот снова накинул на голову капюшон.

– Согласен, – кивнул Краснопал. – Вот почему мне нужна ваша помощь. Видите ли, пятый член нашей славной компании находится сейчас в столице, а Лукура, вот беда, уже давно принимает людей моей расы без особого восторга.

– Это еще мягко сказано. – Шраон поправил повязку на глазу. – Мастер Краснопал, ты когда последний раз бывал в Лукуре?

– Ах, мастер Шраон, – улыбнулся артист, – вашу столицу я увижу впервые.

– Тогда я от души советую тебе отложить свой визит... на неопределенное время.

– Вы намекаете на торговлю илюмитами, которая набирает обороты под влиянием Иннистиула?

– Именно, – буркнул Шраон. – Сам я в Лукуре давно не был, но слышал, что король Ченг уже дотянулся до нее своими загребущими руками, и власти у него чуть ли не больше, чем у самого короля Ленки. Страшно представить, что будет, когда старик отойдет в мир иной и иннистиульцы развернутся в полную силу. В Лукуре вы с сестрой и опомниться не успеете, как вас арестуют, заклеят и продадут.

Кузнец умолк и поглядел на егеря с кошачьими глазами и белолицего йомада.

– Полагаю, ваших спутников ждет та же судьба – если не хуже.

– Об этом я и говорю: нам нужен свой человек в городе! Тот, чье присутствие рядом позволит нам беспрепятственно достичь нашей цели!

Шраон мотнул головой:

– Я уже оказал тебе услугу, мастер Краснопал: рассказал, где искать Долин и как себя с нею вести. К тому же честно предупредил, что тебе вряд ли удастся ее убедить присоединиться к вам. А об этой своей цели лучше забудь, если тебе дорога жизнь – и твоя, и твоих друзей.

Илюмит воздел руки к небу и воскликнул:

– Никогда!

– Что ж, – буркнул Шраон, – желаю удачи.

Глава 11

Мастер Айнневог все еще в долгу *передо мной*, не так ли?

Все устали на Цзяня. Шраон с мрачным видом поскреб повязку на глазу и произнес:

– Допустим. Чего ты хочешь?

– Пойти с вами в Лукуру.

Кузнец раздраженно сплюнул.

– Да брось, Цзянь, ты что – совсем меня не слушал? – Он повернулся к илюмитам. – Я ведь даже признался, что был рабовладельцем, а вы все упрямитесь?

– Ты неверно понял, – сказал Цзянь. – Они останутся.

Пойду только я.

– Так... проклятье.

Слова альбиноса явно выбили кузнеца из колеи. Он повернулся к Анневу и тихо произнес:

– Этого нам только не хватало.

– Знаю, – ответил Аннев. – Но если откажемся выплатить долг жизни – вдруг навлечем на себя беду?

– Ты что – суеверный?

– Не особо. Но спорить с этим Цзянем мне почему-то совсем не хочется.

Шраон вздохнул:

– Разумно. Как-никак он служит самому богу судьбы. – Он нагнулся ближе и прошептал: – Просто все это как-то слишком... гладко. Понимаешь?

Аннев жестом остановил его и обратился к трупке:

– Прошу нас простить, но мы должны обсудить эту просьбу наедине.

– Ну разумеется.

Краснопал поклонился, и все четверо отошли на полсотни шагов. Убедившись, что теперь их точно не услышат, Аннев спросил:

– Что значит «гладко»?

– Видал я такие представления, – мрачно ответил кузнец. – А в некоторых даже сам участвовал. В Империи это обычное дело.

– Да о чем ты?

– Есть такая занимательная игра – афера на доверии называется. Скорее всего, они сразу нас заметили, едва мы приблизились к толпе. Не иначе позарились на наше добро.

– Хочешь сказать, они собираются нас ограбить?

– Это как минимум. Подумай сам. Краснопал неспроста измазал щеки Терина кровью – он его пометил, посчитав, что это наш предводитель. Потом его внимание привлек ты со своей монетой: он спросил, кто из нас главный, а несколько минут спустя – оп! – Шраон хлопнул в ладоши у самого лица Аннева.

– По-твоему, в меня стрелял кто-то из их сообщников?

– Я вообще сомневаюсь, что в тебя стреляли. Представляешь, какой сверхъестественной быстротой надо обладать, чтобы на лету сбить арбалетный болт? Скорее всего, было так: Кот держал стрелу наготове, а когда Цзянь крикнул – метнул ее таким образом, что она пролетела аккуратно над твоей головой. Согласись, гладко вышло?

Аннев кивнул:

– Я ведь убежавшего даже не видел толком, а Бешеный Кот мог указать мне неверную дорогу. – Он вспыхнул, чувствуя себя круглым идиотом. – Они попросту обвели нас вокруг пальца. Готов поспорить, что и Луатас эта вовсе не немая!

– Уверен, по губам она точно читать умеет. – Шраон на всякий случай повернулся к женщине спиной. – Похоже, перед нами шайка искусных трюкачей и шарлатанов, которые

расставляют капканы для легковерных дурачков.

– И я чуть было не попался.

– Погоди радоваться – мы от них еще не отделались. Вся эта чушь с долгом жизни здорово подпортила нам погоду.

– Так почему бы просто не отказать этому предвещателю?

Шраон немного помолчал.

– Потому, что все ими сказанное может оказаться правдой.

– Но ты ведь сам только что сказал...

– Я помню, что я сказал, и по-прежнему считаю, что я прав. Но что, если я ошибаюсь? Такое со мной уже не раз бывало. Сначала надо разобраться.

– Зачем? Разве не безопаснее просто уйти?

– Так-то оно так, но, как ты помнишь, я в свое время не слишком хорошо обходился с илюмитами, чем вовсе не горжусь. И если эти люди говорят правду – если они не горстка мошенников без чести и совести, – я хочу им помочь. Так я искуплю хотя бы малую толику зла, что когда-то причинил этому народу.

– Тогда сделаем по-умному. Возьмем Цзяня с собой – но только Цзяня – и всю дорогу не спустим с него глаз. Вдруг он нечаянно сболтнет чего-нибудь лишнего, и мы узнаем, что задумал Краснопал. А если их история – правда, то поможем Цзяню отыскать того, кто им нужен.

Шраон, недолго поразмыслив, кивнул:

– Согласен.

– Скажем остальным?

– Не нужно. Один из них, не ровен час, захочет взять ситуацию под контроль.

– Ты про Фина?

– Само собой. Просто не хотел никого обидеть.

– Нашел чьи чувства щадить, это же Фин. – Аннев взглядом указал на артистов. – Давай скажем им, что мы решили.

– Да, и побыстрее – наши уже здесь.

Действительно, мальчишки во главе с Брайаном уже стояли у телеги. Каждый сложил на нее охапку свертков, которую держал в руках, а сверху Брайан водрузил свою ношу – яблоки и вяленое мясо. Фин с подозрением глядел на Анневу, который вместе с кузнецом направился к Краснопалу.

– Мастер Краснопал, – сказал Аннев. – Кого вы хотите найти в Лукуре?

Хитрец-илюмит расплылся в улыбке:

– Еще одного искателя сокровищ – в некотором роде. Это женщина из благородной семьи.

– Ты знаешь ее имя?

– Мой друг в капюшоне зовет ее то Вороном, то Смоляной Галкой. Сдается мне, госпожа Судьба водит своего служителя за нос – или же Цзянь попросту напутал, переводя ее послания на человеческий язык.

– Тут нет никакой путаницы, Тескед, – заговорил Цзянь, не поднимая своих розовых глаз от земли. – Все имена – лишь маски. Они истинны – и ложны. Иногда она Ворон.

Иногда Галка. Каждое имя – ее новое лицо. Кстати, Судьба вовсе не госпожа. Это Тахаран, бог рока.

– Видишь теперь, почему я так хочу собрать их всех, – обратился Краснопал к Анневу. – Поиски каждого нового артиста моей труппы – сами по себе охота за сокровищем, особенно если возглавляет эту охоту наш друг-предвещатель.

Аннев кивнул. Это напомнило ему жуткие загадки, которыми говорили с ним Кельга и Янак.

– Пророчества нередко чересчур туманны. Я им не доверяю. – Аннев бросил взгляд на альбиноса. – Без обид, мастер Никлосс.

Предвещатель поднял наконец голову, и губы его тронула едва заметная улыбка.

– Я не обижаюсь. Я служу Року... но он жестокий хозяин. Лицо его сокрыто даже для меня.

– Погодите-ка, – вмешался в разговор Шраон. – Мы с Анневом согласны взять с собой мастера Никлосса и сделать все, что в наших силах, чтобы обеспечить ему безопасное пребывание в Лукуре, но я не собираюсь гоняться за призраками.

Кузнец взглянул на илюмита.

– Поэтому, мастер Краснопал, если вам не известно имя этой женщины, то помочь вам мы не сможем. Надеюсь, ясно почему? Лукура – второй по величине город в Империи, и если у вас нет ничего, кроме этих птичьих загадок, то...

– Я знаю, кто она, – выпалил вдруг Аннев.

Слова будто сами сорвались с языка.

– Вот так сюрприз! – изумился Шраон, и все уставились на Аннева. – Откуда?

Аннев повернулся к Цзяню, на губах которого по-прежнему играла загадочная улыбка.

– Если я назову имя, ты сможешь сказать, та эта женщина или нет?

– Имена – лишь маски. Если эта маска ей подойдет, значит имя верное.

Аннева ответ предвещателя не удивил. Когда они с Крэгом повстречали в Чаше ведьму, торговцу пришлось как следует постараться, чтобы заставить полоумную старуху говорить внятно. Правда, угрозы и талисман, которым он пугал ее, помогли лишь отчасти.

Не так-то просто Судьба отказывается от своих загадок.

– Вам нужна Содья из благородного дома Рокас.

Цзянь кивнул.

– Она воровка и безжалостная убийца. – Аннев обвел взглядом илюмита и его трупку. – Почему вы хотите, чтобы она присоединилась к вам?

Повисла неловкая тишина.

– Желания редко совпадают с нуждой, – вновь ответил за всех Краснопал. – Король облагает свой народ данью не потому, что таков его каприз, а по необходимости. Наша нужда не менее значима и велика, и она побуждает нас искать эту Смоляную Галку Содью, потому что именно она в силах нам

помочь.

– Опять все дело в каком-то сокровище? – насмешливо осведомился Аннев.

Но Краснопал не обиделся. Наоборот, в глазах илюмита зажглось пламя настоящей страсти.

– Не в каком-то, а самом бесценном из всех сокровищ, мастер Айнневог. Его воспевают в легендах, а память о нем будет жить в веках.

Аннев фыркнул:

– Что же это за сокровище такое?

Лицо Краснопала расплылось в блаженной улыбке.

– Мы положим конец Молчанию богов.

– Беру свои слова обратно, – пробурчал Шраон.

Кузнец вместе с Брайаном обвязывал веревкой тюки, чтобы те не свалились с телеги.

– Никакой он не прохиндей и не мошенник. Он просто спятивший религиозный фанатик.

– Но как объяснить тот трюк с арбалетной стрелой?

– И то верно, – признался Шраон. – Значит, они все-таки мошенники, причем весьма талантливые, и вдобавок ко всему еще и религиозные фанатики. А это пострашнее будет, чем простые воры. Для этих ребят цель превыше всего, и на пути к ней все средства хороши.

– О чем это вы? – У противоположного борта телеги возник Терин.

– Да так. Тащи-ка сюда вон те мешки.

Шраон оглядел содержимое телеги и удовлетворенно кивнул:

– Хватит на целую неделю. Более чем достаточно для краткого визита в столицу.

– Брайан говорит, что мы можем добраться туда уже завтра к вечеру, – добавил Титус. – На лошадях было бы намного быстрее, конечно, но что поделать? А ты знал, что его послали в Лукуру целых два раза, за артефактами?

– Это было много лет назад, Титус, – пробасил Брайан.

Управляющий кормил лошадь диким овсом. Огромной ладонью он зачерпывал зерно из мешка, который держал одной рукой, и после каждой порции ласково поглаживал животное по шее.

– По моему мнению, лучше нам разбить лагерь под городскими стенами. Столица – громадный город, и знакомиться с ней стоит при свете дня, а не на ночь глядя.

– Согласен, – отозвался Шраон. – Кстати, мы тут с Анневом немного поговорили... возможно, будет лучше, если кто-то из нас останется в Баноке.

– Как? – воскликнул Титус. – Ты хочешь, чтобы мы разделились? Но разве это разумно? Нам ведь грозит опасность.

– Наоборот, в Баноке вы будете в безопасности. Может даже, мне удастся уговорить Долин вас приютить.

– Неужели ты думаешь, что я останусь? – Титус смотрел на Анневу, и в глазах маленького стюарда читалась самая на-

стоящая боль. – Аннев, ты ведь возьмешь нас с собой? Нас с Терином?

Терин тем временем наблюдал за ними обоими, увлеченно поглощая гигантское яблоко.

– Титус, – ответил Аннев, – я никого не хочу бросать...

– Вот и хорошо, – успокоился Титус.

– ...но придется. На дороге и в Лукуре все, что угодно, может случиться, да еще эта ручища... – Аннев поднял левую руку, которая была чуть больше правой. – Долин, подруга Шраона, пробовала ее снять. Она очень старалась, но у нее ничего не вышло – и она пострадала.

– Поранилась, что ли? – встрял Фин.

Аннев смерил его гневным взглядом:

– Она пострадала из-за того, что я не мог контролировать эту руку.

– Она умерла? – спросил Терин и выплюнул косточки от яблока.

– Да нет же! Она просто... ей руки обожгло, а она кузнец. Хорошо бы кто-то остался в городе, чтобы ей помочь. Думаю, Гвендолин была бы благодарна.

– Как ты сказал? Гвендолин? – Брайан выпрямился во весь рост. – Гвендолин – золотых дел мастер?

Шраон кивнул:

– Ты с ней знаком?

Управляющий пожал плечами; щеки, поросшие щетиной, залил густой румянец.

– Не то чтобы очень хорошо... Бывало, боролись с ней на руках. Я ни разу не выиграл.

Шраон, не удивившись, хмыкнул себе под нос.

– Я все равно иду с тобой, Аннев, – упрямо заявил Титус. – Я тебя не брошу. Обещаю. – Он перевел взгляд на управляющего: – Вы с нами, Брайан?

– Даже не знаю, – ответил тот. Он посмотрел на кузнеца, потом на мальчика. – Они и вдвоем не пропадут: Шраон бывал в Лукуре чаще, чем я, а Гвендолин, похоже, наша помощь и правда не помешает.

– Но и Анневу она нужна! – Титус повернулся к Терину. – Ты ведь идешь в Лукуру?

Долговязый мальчишка выбросил огрызок и произнес:

– Я всегда с вами. Точнее, пока Аннев нас всех не расплавит.

Терин рассмеялся, однако остальные этой шутки не оценили.

– Что ж, так и быть, – сдался Шраон. – Брайан, так ты поможешь Долин?

– Конечно. В кузнице от меня будет больше пользы, чем от мальчишек.

– Справедливо. Тогда осталось обсудить последнее: с нами идет еще один человек – это предвещатель из актерской труппы, его зовут Цзянь Никлосс. У Краснопала есть дело в столице, соваться ему туда нельзя, поэтому вместо него мы берем Цзяня.

– С какой это стати? – Фин посмотрел на Аннава. – Ты же у нас весь такой опасный – сам только что говорил.

– Ну да, – нерешительно произнес Аннев, – только выбора у меня нет.

– Так я тебе и поверил.

– Да уж поверь. – Аннев уже начинал закипать. – Пока вы с Брайаном были на рынке, кто-то пытался меня пристрелить.

– Что? – Титус уронил поводья, которые прилаживал к телеге. – Ты ранен? Что случилось?

– Так вот о чем вы там шушукались, – ухмыльнулся Фин, словно только что узнал какой-то грязный секрет. – И кто это был? Ты убил его?

– Фин, – загремел Брайан. – Это тебе не Академия. Здесь другие правила, начинай к ним привыкать. – Он поглядел на Аннава. – Так что ты сделал?

– Честно говоря, почти что ничего. Выстрел был оттуда. – Аннев указал рукой на переулок, выходящий на дальнюю сторону рыночной площади. – Мы погнались за ним, но он ушел. Мы нашли только его арбалет.

Аннев до сих пор не чувствовал уверенности, что его и правда пытались убить, но решил последовать совету Шраона и оставить свои подозрения при себе.

– Но почему?..

– А ты видел?..

– Как же ты?..

Аннев замахал руками:

– Да в порядке я, в порядке! Я этого и ожидал – надеялся только, что охотиться на меня начнут не раньше, чем я доберусь до столицы. – Он взглянул на озадаченные лица друзей и выругался: – Проклятье. Те монстры, что напали на Шаенбалу... Они не случайно там оказались, их послали туда. Кто – не знаю. Может, люди, а может, боги. Но они пришли за мной.

Аннев сделал паузу, давая остальным время переварить услышанное.

– Кто бы это ни был, они по-прежнему идут по моему следу. Сегодня в меня стреляли из арбалета. Завтра могут подкинуть отравленный кусок сыра или подослать старуху с ножом, а может, устроят нечто дьявольское, чего мы себе даже не представляем. Когда я узнаю, кто за мной охотится, я его прикончу. Но сейчас правда такова, что в спину мне дышат наемные убийцы, а вместо руки у меня эта треклятая Длань Кеоса, которая может взбеситься в любой момент и за пару секунд превратить в пепел целый город.

Теперь все пятеро смотрели на него с нескрываемым ужасом.

«Вот и хорошо, – подумал Аннев. – Пусть знают».

Терин с Фином открыли было рты, собираясь что-то сказать, но их обоих опередил Титус:

– Тогда решено – мы точно идем с тобой.

Фин громко застонал, Терин молча захлопнул рот. Аннев приготовился спорить и дальше, но тут почувствовал, что

кто-то тронул его за локоть. Он обернулся и увидел предвещателя. Аннев вздохнул. Не осталось у него времени на споры, да и бесполезное это дело.

– Это Цзянь Никлосс, – сказал он. – Ты готов, Цзянь?

– Да, мастер Айнневог. – Йомад похлопал по черной сумке, висящей на поясе, и жестом указал на свой наплечный мешок. – Лошади у меня нет, но обещаю не отставать.

– Это же Бледный человек! – выдохнул Терин, выпучившись на альбиноса. – Человек-призрак с мертвыми глазами!

– Терин! – рявкнул на него кузнец. – А ну, следи за языком!

– Ничего страшного, мастер Ченг. – Взгляд розовых глаз на мгновение остановился на Шраоне, а затем вернулся к Терину. – Аватар Терин верно назвал меня. Я Бледный человек. Человек-призрак. У меня есть и другие имена-маски: Мертвоглазый, Провидец, Некромант, Лич. Ни одно из этих имен не оскорбляет меня, даже если произнесено из страха, ненависти или по причине невежества.

Он повернулся к остальным.

– Если бы я назвал вас вашими именами, стали бы вы бояться меня или ненавидеть? Плюнули бы вы в мое лицо, если бы я сказал вам правду, что написана на вашем? – Предвещатель улыбнулся белоснежной улыбкой. – Возможно, кто-то из вас так и сделал бы, но я не стану называть ваших имен. Разве только если вы сами попросите меня об этом или этого потребует мастер Айнневог.

Титус с Терином обменялись растерянными взглядами. Шраон поправил повязку на глазу. Фин же стоял неподвижно, словно статуя, держась обеими руками за ремень с оружием.

Затянувшееся молчание нарушил Брайан:

– Что ж, значит, вы тот, кто займет мое место.

Он протянул руку Цзяню, и тот без промедления пожал ее. Бледная, с голубыми венами кисть предвещателя потонула в лапище мастера управляющего.

– Это новое для меня имя. – Цзянь широко улыбнулся. – Спасибо вам за него.

– Хм... не за что.

Бросив исподтишка удивленный взгляд на кузнеца, Брайан выпустил руку Цзяня и поскреб в затылке:

– Ну, думаю, мне пора. Ничего, если я возьму немного припасов?

Шраон кивнул:

– Ты сразу к Долин?

– Наверное. Как-то странно шагать по городу в открытую, а не прокрадываться тайком переулками под покровом ночи. – Брайан повел могучими, как у медведя, плечами. – Ну да ничего, привыкну. – Он повернулся к Титусу. – А ты позаботься о лошадке. Как-никак ты все еще мой стюард, так что хозяйство на тебе.

Глаза мальчика заблестели от слез.

– Мы вернемся через неделю, Брайан. Мы совсем нена-

долго.

– Да-да. – Голос Брайана дрогнул. – Неделя – это совсем ничего, а если вдруг и задержитесь, то не страшно. Я все равно вас дождусь.

Управляющий грустно улыбнулся.

– Ты найдешь Долин в квартале ремесленников, – подсказал Шраон. – Если поторопишься – еще нагонишь артистов, с которыми был Цзянь. Они тоже ее ищут.

– Вот как? – Брайан взял с телеги свой молот и какой-то мешок. – Этот жонглер знает свое дело. Да и сестра его тоже – никогда не видел, чтобы так быстро играли на флейте.

– Точно, куда там до нее нашему Никуму! – произнес Шраон и тут же пожалел о сказанном.

Имя погибшего плотника произвело на компанию тягостное впечатление. Наступила тишина, и Аннев вдруг понял, что все они тщательно отводят глаза в сторону, стараясь не смотреть на него.

«Потому что это моя вина, – с горечью подумал он. – И не важно, что Никума убили феуроги, не важно, что я пытался его защитить. Он погиб из-за меня, как и все остальные. Младенцы в яслях Академии. Ученики и знающие жены. Фермеры, мастера, древние. Смерть каждого из них на моей совести».

Аннев не стал всматриваться в лица друзей, ожидая, пока кто-нибудь осмелится взглянуть на него. Он скользнул глазами по бурлящей рыночной площади к южным воротам, и

вдруг...

Девушка в толпе... Кого она мне напоминает?

И тут до него дошло.

Она вернулась!

– Яйца Одара! – заорал Терин.

Бедная лошадь, испуганная его воплем, жалобно заржала.

– Это же Фэйт! Титус, ты видишь?

Мальчишка тыкал пальцем в ту самую девушку, которая привлекла внимание Аннева: белокурая, с веснушками на носу, в руках сверток. Она шла покачиваясь, и сквозь нее Аннев прекрасно видел каменные стены Банока.

Титус пронзительно вскрикнул:

– Это призрак. Терин! Он нас преследует!

– Так и ходит с этим мертвым младенцем, – пробормотал Фин, кладя правую руку на рукоять меча.

– Она опять поет? – Терин не отрываясь глядел на приближающуюся фигуру.

Фин выхватил меч из ножен.

– Это ведьма-призрак! Не сойти мне с этого места, если прямо сейчас она не наводит на нас порчу, чтобы отомстить за свою смерть!

– Шраон, – позвал Аннев, изо всех сил стараясь унять охватившую его панику. – Ты тоже это видишь? Она ведь светится и... почти что прозрачная.

Фэйт находилась уже шагах в двадцати. Глаза ее были безжизненны и пусты.

Кузнец, пялившийся на призрак с открытым ртом, закивал:

– Вижу, парень, вижу.

– Но как такое возможно?

Шраон мотнул головой:

– Понятия не имею.

Фэйт, спотыкаясь и пошатываясь, подошла еще ближе, и Аннев уловил звуки уже знакомой мелодии.

«У нее на руках мертвый ребенок, – думал Аннев, не в силах отвести взгляда от привидения. – И она снова поет ту же песню. Печальную и прекрасную... о свете и тьме».

Вдруг где-то на площади раздался женский крик и следом послышался грохот разбившейся глиняной посуды. В ту же секунду оцепенение, охватившее их всех, разом спало, а призрак, неумолимо приближавшийся к ним, вздрогнул – и исчез.

– Кеос тебя подери! – Фин зло сплюнул на землю. – Она что, до самой Лукуры от нас не отстанет? Я думал, она осталась в Чаще с тамошними погаными тенями!

Брайан, стиснув рукоятку молота так крепко, что у него побелели пальцы, оторопело взирал на то место, где только что стояла девушка. Потом, облизнув губы, произнес:

– Что ж, я пойду.

И тряхнул головой, словно хотел изгнать из памяти посетившее их наваждение.

– Я... в общем, увидимся, Шраон.

– Удачи, мастер Брайан. Передавай Гвенни привет.

– Гвенни?

– Ага. Она обожает это имя.

Брайан, слишком погруженный в свои мысли, не уловил шутки.

– Хорошо, Шраон, передам, – кивнул он. – Счастливого пути.

И зашагал прочь, забыв о мешке с провизией, который так и остался лежать на земле. Терин мигом схватил его и забросил на телегу.

– Ну все, ребята, пора выдвигаться. Мастер Никлосс, не отставай, а захочешь сесть на лошадь – дай знать. Эти мальчуганы в самом расцвете сил, так что, может статься, тебе будет тяжело за ними поспевать.

– Благодарю, – ответил Цзянь со своим странным акцентом. Круглые розовые глазки не мигая уставились на кузнеца. – А вы тоже в самом расцвете сил?

– Я-то? О, вся моя сила – вот здесь. – Шраон напряг руки, на которых вздулись внушительные бугры мышц. – Выдыхаюсь я не сказать чтобы быстро, но вот ноги у меня не самые скорые.

Бледные губы Цзяня сложились в подобие улыбки.

– Моим же ногам силу дает Судьба, а потому не волнуйтесь: моя поступь будет не менее быстра, чем ваша.

Шраон взял лошадь под уздцы и прищелкнул языком. Кобыла послушно двинулась с места, таща за собой доверху на-

груженную телегу. Фин неспешным шагом пошел сбоку, а Титус с Теринном – позади повозки. Чуть поодаль от них в одиночестве шагал Аннев, но вскоре к нему присоединился Цзянь Никлосс. Предвещатель ступал легко и неслышно, независимо от того, что находилось у него под ногами – земля или мощеная мостовая.

– Какое странное видение, – проговорил Цзянь, когда они миновали торговый пост у ворот города. – Кто она, эта молодая женщина?

– Ты тоже ее видел? Светловолосую девушку в изорванном платье?

Цзянь кивнул:

– И дитя. Бедный малютка крепко спит. Если его не покормить, боюсь, он скоро умрет.

Аннев замедлил шаг.

– Так этот ребенок живой?

– Вне всяких сомнений. – Цзянь поправил висящий на плече мешок. – Как ты помнишь, я наделен даром общения с духами, а дитя скоро станет одним из них. И девушка тоже – если не позволит себе хотя бы немного поспать.

– А мы можем ей помочь? Должен же быть хоть какой-нибудь способ?

Цзянь покачал головой:

– Вам с ней не по пути.

– Но ты сказал, что она вот-вот умрет!

– Она уже по ту сторону смерти, мастер Айнневог. В этой

жизни ваши дороги уже не пересекутся.

Аннев перехватил взгляд Терина. Продолжать разговор казалось бессмысленным. Фэйт стала призраком – это все видели, – и ничем ей уже не помочь.

– Было бы славно, если бы она осталась жива, – проговорил Терин.

На него было жалко смотреть.

– Знаю. – Аннев положил руку ему на плечо. – Если бы это было в моей власти, я бы вернул к жизни их всех – всех безгрешных людей, что погибли в Шаенбалу.

Аннев оглянулся, почти уверенный, что их разговор о Фэйт снова призвал в этот мир ее призрак и тот сейчас следует за ними по пятам. Но нет: позади не оказалось ничего, кроме облака дорожной пыли. Аннев снова повернулся к своим спутникам, но еще долго чувствовал на себе взгляд мертвых глаз Фэйт.

Глава 12

К тому времени как солнце достигло зенита, торговый пост Банока окончательно скрылся из вида. Они двигались по Восточному тракту на запад. Аннев смотрел по сторонам в надежде, что вот-вот на горизонте появятся стены столицы, но справа и слева от дороги простирались лишь бескрайние поля да деревушки. Только однажды в своей жизни ему довелось увидеть Лукуру. Впрочем, «увидеть» – слишком гром-

ко сказано: он стоял на самом высоком холме в Чаше, а далеко-далеко внизу дрожали желтые огни столицы.

Как давно это было? В седьмой день отмечали последний день Регалея, а ночью они с Финном и Кентоном отправились на свое первое задание в Банок. Кажется, это происходило целую жизнь назад, хотя с того момента миновало всего два дня.

Вчера он похоронил Содара. Всего сутки назад старик был еще жив. Содар умер в первый день четвертого месяца, за несколько дней до своего полудня рождения.

Аннев глубоко вздохнул. Эта боль не покидала его ни на минуту, но он пытался отгородиться от нее, делать вид, что у него все по-прежнему. Так игнорируют ноющий зуб, до последнего не желая идти к лекарю, – а вдруг окажется, что дело хуже некуда? Прошло слишком мало времени. Быть может, месяц или год спустя боль и поутихнет, но один день – это ничто. Каждый миг этого дня наполнен горем, которое не с кем разделить. Даже в окружении друзей Аннев чувствовал себя бесконечно одиноким. И знал, что теперь, без Содара, так будет всегда.

Заметив, что порядком отстал, Аннев прибавил шаг. Быстро нагнав своих спутников, он снова поплелся позади всех. Цзянь, словно не зная, стоит ли составить компанию Анневу или же присоединиться к Титусу и Терину, семенил то быстрее, то медленнее и в итоге стал двигаться между ними, на одинаковом расстоянии от каждого из мальчишек.

Аннев не обращал на него внимания. Сейчас ему было плевать на весь мир. Перед глазами одна за другой проплывали картины их с Содаром жизни: вот они бродят по тропинкам Чащи, собирая травы, вот рубят дрова, ставят силки... Содар – настоящий Содар, а не тот образ, который Анневу хотелось сохранить в памяти, – был угрюмым стариком, скупым на похвалу и щедрым на подзатыльники. Он был истинным мудрецом и всегда пытался чему-то научить – особенно в те моменты, когда учиться Анневу совершенно не хотелось. Аннев знал, что почти все рукописи Содара лежат в бездонном мешке, и перевод Спеур Дун – далеко не единственная из них, ведь священник делал записи о любом предмете, который считал интересным. Пусть он и не успел преподать все уроки, Аннев был уверен, что придет время – и он сам прочтет записи старика и узнает все, чему тот не успел его научить. О да, когда-нибудь он прочтет их все, до последнего клочка бумаги, исписанного непонятными каракулями. Но не сейчас. На сегодня Содар уже приготовил для него урок – самый трудный из всех. Сегодня он должен научиться скорби.

«Ох, Содар, – прошептал Аннев. – Я так зол на тебя. Как ты мог умереть? Ты должен быть здесь, рядом со мной. Наставлять меня, да так, чтобы я чувствовал себя полным дураком. Ругать и говорить, что ты гордишься мной».

Внезапно по телу пробежал холодок, и Аннев плотнее запахнулся в плащ из драконьей кожи. Едва он смахнул катив-

шуюся по щеке слезу, как вдруг увидел, что к нему своей семенящей походкой направляется Цзянь. Вид у альбиноса был до противного безмятежный.

– Прощаться всегда тяжело.

Аннев даже не потрудился ответить: если этот предвещатель и правда говорит с призраками, тогда и сам все знает.

– Вы еще встретитесь.

– Что?

– Твой друг с храбрым сердцем и морщинистыми руками.

Ты еще увидишь его.

Аннев сжал губы. Он бы предпочел, чтобы его оставили наедине со своим горем, а не втягивали в пустые разговоры.

– Сомневаюсь, мастер Никлосс. Содар отправился ко Всеотцу, так что теперь мы увидимся только в моих снах или после того, как я сам отправлюсь туда же.

Цзянь откинул капюшон назад и задумчиво кивнул:

– Я слышал, иногда духи посещают во снах крозеранцев, но не знал, что они приходят и к твоему народу тоже. Так ты уже видел его? Во сне?

Аннев покачал головой.

Цзянь снова кивнул, словно удовлетворился этим ответом.

– К людям моей страны мертвые приходят не во сне. Мы сами призываем их в наш мир. – Он указал на грунт у себя под ногами, на деревья и бурые поля. – Наши мертвые повсюду. Мы окружаем себя смертью и черпаем из нее силу.

– Но вы же не видите их по-настоящему? Они ведь остаются в загробном мире?

Цзянь слегка наклонил голову:

– Тахаран не похож на прочих богов. Он щедро осыпает драгоценными дарами своих детей. Мы говорим со своими мертвыми. Делим с ними пищу. Они всегда рядом с нами.

– Это... здорово. – Аннев с трудом сдерживал раздражение. – Большие, наверное, у вас семьи? Представляю, как полчища призраков толпятся у очага и наперебой рассказывают истории.

– В моем доме так и есть, но это, скорее, исключение. Большинство йомадов утратили талант крови, а те, кто им обладают, зачастую развивают его основную грань.

– И что это за грань такая?

– Некромантия. Вместо того чтобы учиться у мертвых, они манипулируют тем, что мертвые оставляют после себя. Они не слышат наших усопших предков и не видят их, а потому обращают их тела себе на служение. Мертвые, коих надлежит почитать и коим следует поклоняться, становятся прислужниками и рабами. – Цзянь укорительно цыкнул. – Баланс нарушен. Духи жалуется на живых, а живые боятся мертвых.

Он глубоко вздохнул:

– Вот почему я покинул свою страну. Духи велели мне отправиться далеко на юг – к древним усыпальницам Тор-Ку-ма и дальше. Там-то, в Шалгаре, я и повстречал Корентина.

У него было видение: дракон света явился ему и приказал найти в Западной Дароэе двух илюмитов. Духи, говорившие со мной, согласились с драконом. И тогда мы нашли Тескеда и Луатас.

– Вот как. Замечательно. – Аннев натянуто улыбнулся, толком не зная, что на это сказать. – Значит, ты помогаешь Краснопалу покончить с Молчанием богов?

Цзянь наклонил голову:

– Это уже началось. Вчера в небе мы видели огонь. Это Кеос говорил с нами. Его сердце переполнилось гневом и печалью, и он обратился в прах тех, кто посмел его разбудить. Как и было сказано в пророчестве.

– По-твоему, вчерашний полуденный огонь был знаком Кеоса?

– Полуденный огонь? Какое славное имя. Да, так и есть.

Анневу стало не по себе. Он как бы невзначай завел левую руку за спину и произнес:

– Интересно... И что, духи тоже так считают?

Мягкие губы Цзяня тронула улыбка.

– С духами все несколько иначе. Даже они иногда заблуждаются, но они видят то, чего не в состоянии узреть мы.

Его розовые глаза, обычно мутноватые, ярко заблестели и приобрели ясность.

– Как Кельга, помнишь? Она немного владела некромантией, но в целом являлась провидицей.

– Кельга?

– Лесная ведьма, старуха Чаши. Она могла бы это предвидеть, но, подобно некромантам моей страны, она была ослеплена своими страстями.

Аннев почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом.

– Если ты открыт для мира призраков, ты слышишь и видишь их послания. Но если ты лишь копишь знания, не употребляя их, решить загадки Судьбы становится делом нелегким.

– Ты встречал Кельгу?

– При жизни – нет.

– А... после смерти?

Цзянь помотал головой:

– Как бы я мог встретиться с ней после смерти, если сам я не обретаюсь в царстве мертвых?

– Хорошо, но тогда...

– Я знаю Кельгу, потому что ее дух взывает ко мне. Она жаждет твоей смерти и нашептывает мне на ухо страшные слова. – Тут он улыбнулся. – Она весьма забавная, ты не находишь? Каждый раз я едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться, потому что смеяться над мертвыми чрезвычайно непочтительно, но как по мне, то стерва она та еще.

Аннев, не ожидавший столь внезапного откровения, приснул со смеху, вызвав удивленные взгляды Титуса с Террином.

– Я тебя развеселил? – Улыбка Цзяня стала шире.

– Ага, – ответил Аннев, вытирая выступившие слезы. – Остальные бы не поняли, но... ты прав: Кельга и правда была жуткой стервой.

– Стервой Чащи.

Тут уже Аннев захохотал в голос, и на сей раз обернулись все, кто шагал впереди. Аннев закрыл лицо руками, пытаясь унять сотрясавшие его приступы хохота.

– Ты очень необычный человек, Цзянь, тебе говорили?

– Конечно, мне постоянно говорят, что я странно выгляжу.

– Да я о другом... погоди-ка. – Аннев прищурился. – Ты что, дразнишь меня?

Цзянь сцепил пальцы на груди и низко поклонился. Его белые, как мел, волосы, постриженные под горшок, колыхнулись на ветру.

– Ты мудр, мастер Айнневог.

Аннев невольно улыбнулся:

– Очень в этом сомневаюсь. – Он кашлянул, прочищая горло. – Итак, Цзянь, я верно понял, что ты не только провидец, но и немного некромант?

– Да. Среди моего народа такие люди известны как личи. Они редко встречаются, потому-то мастер Краснопал и проявил ко мне столь огромный интерес.

Но Аннев не был намерен слушать о Краснопале и попытался направить разговор в нужное ему русло.

– Это значит, что ты... можешь оживлять неодушевлен-

ные предметы? В этом суть некромантии?

– И да и нет.

– Хорошо. – Аннев решил зайти с другой стороны. – А мог бы ты... мог бы ты с помощью некромантии, скажем, снять с человека протез? Ну, знаешь, это такая штука, которая заменяет руку или ногу. Так вот. Ты можешь подчинить себе такую конечность, используя свою магию?

Цзянь, казалось, задумался.

– Какой странный вопрос.

Он поскреб подбородок, поросший белым пушком.

– Некромантия относится к магии ваятелей – древних терранцев, которые создавали големов из глины и камня, железа и земли. Йомады почти полностью утратили этот талант.

– Что значит «почти»?

– Мы сохранили лишь один навык – создание големов из плоти. Некроманты используют память тела. Они приказывают телу, что нужно вспомнить, и оно оживает. Срастаются кости, восстанавливается плоть – и мертвец начинает двигаться. Точнее, в движение приходит т'расанг.

– А мог бы некромант привести в движение чей-нибудь протез, воздействуя на кровь этого человека?

– Это уже относится к талантам владык крови. Им одним по силам управлять кровью в человеческом теле, и то лишь если к этому телу открыт канал.

Аннев вздохнул:

– Ясно.

– Полагаю, – продолжил Цзянь, – ты хотел спросить, способен ли я с помощью своей магии снять с твоей руки Длань Кеоса. Я прав?

Аннев оцепенел:

– Д-да.

– Хм. Могу я взглянуть?

Убедившись, что рядом никого, Аннев с неохотой снял перчатку и протянул левую руку Цзяню.

Длань Кеоса ослепительно вспыхнула на солнце – не просто рука, но страшное оружие, говорящее о невероятной мощи и беспредельной власти ее хозяина. На тыльной стороне пламенела дымящаяся наковальня, но внимание Аннева вдруг привлекли слова, выгравированные вокруг нее. Буквы были крошечные, – может, поэтому эти слова не притягивали его взгляд раньше? Надпись гласила: *Aut inveniam viam aut faciam*. Другую надпись, на ладони, не заметить было невозможно: MEMENTO SEMPER. NUMQUAM OBLIVISCI.

Цзянь застыл в благоговении, приоткрыв рот. Он несколько мгновений молча взирал на золотую руку, а потом, сглотнув, проговорил:

– Этот артефакт... он несет в себе кровь бога.

– Кровь Кеоса.

Цзянь вздрогнул.

– Эта рука не мертва. Внутри ее по-прежнему пульсирует кровь. Ты же и сам ощущаешь? Это стучит сердце богов. Тум-тум, тум-тум. Кровь сильна. Я чувствую ее.

Его руки потянулись к протезу, но замерли в дюйме от него. Цзянь отшатнулся и отчаянно замотал головой:

– Нет, мастер Айнневог, магия смерти тут не поможет. – Он медленно выдохнул. – Даже сама Смерть не поможет. Справиться с этой магией не по силам ни мне, ни моему богу. Снять эту руку сможет лишь сам Кеос – или же непревзойденный творец артефактов.

– Творец артефактов, – глухо повторил Аннев. – Такой, как... Урран?

– Именно. Мои же таланты здесь совершенно бесполезны. Мне очень жаль, Юный Феникс.

Расстроенный Аннев снова натянул перчатку.

– Ты хоть осознаешь, что постоянно даешь людям новые имена?

– О чем ты?

– Ты только что назвал меня Юным Фениксом, а Шраона недавно – мастером Ченгом. Сам-то ты это заметил?

– Я делаю так не нарочно. Прости, если обидел тебя.

– Я не обижаюсь. Как ты и сказал, имя – всего лишь очередная маска. – Юноша искоса взглянул на предвещателя. – Ты знаешь еще какие-нибудь из моих имен?

Цзянь внимательно посмотрел на него:

– Ты спрашиваешь меня о ритуале имянаречения, мастер Айнневог? К нему надлежит относиться со всей серьезностью. Наделение кого-то именем может иметь непоправимые последствия. Ты должен всегда об этом помнить.

Аннев, сбитый с толку его словами, нахмурился:

– Раньше меня уже называли по-другому. Кельга называла. Вот я и подумал: может, тебе Судьба скажет другое имя?

– Как правило, Судьба со всеми говорит одним голосом.

– Значит, не будет никаких пророчеств? – Аннев снова закутался в плащ, стараясь не выдать разочарования.

Цзянь улыбнулся:

– Мне казалось, ты не особо жалуешь пророчества.

– Не совсем. Просто я не люблю неясность. Ненавижу, когда не понимаю, что происходит, или когда меня заставляют плясать под чужую дудку. Я злюсь и готов что угодно натворить, лишь бы доказать, что они не правы.

– О, мне знакомы эти эмоции. Мы, провидцы, называем это «рискнуть настоящим ради будущего».

– Не понимаю.

– Ты жертвуешь чем-то в настоящем, надеясь изменить будущее, и в будущем либо срываешь большой куш, либо проигрываешь. – Йомад поцокал языком. – С пророчеством невозможно бороться. Его можно по-разному истолковать, но бороться с ним бесполезно. Будущее зиждется на настоящем, а настоящее произрастает из прошлого.

– Вот что меня бесит! Как будто судьбу нельзя изменить и все в твоей жизни предопределено!

– А ты думаешь, это не так?

Аннев упрямо мотнул головой:

– Я найду собственный путь.

– Как и написано на руке.

– Что?

– Слова на твоей руке означают: «Или найду дорогу, или проложу ее сам». Ты это имеешь в виду?

– Думаю, да.

– Ты слышал о Чаде Торнбриаре, крозеранском ткаче пустоты?

Аннев неуверенно пожал плечами.

– Это длинная история. Трагичная. Может, расскажу как-нибудь в другой раз. Но мораль ее такова: убегая от Судьбы, человек на самом деле бежит от своего будущего «я». После того, как мы сменили множество масок и имен, мы становимся тем, от чего пытаемся убежать.

– А если Судьба называет тебя поистине ужасным именем?

– Я бы принял его и попытался постичь его природу.

– А что, если тебя называли Сыном Семи Отцов?

– Сыном Семи...

Цзянь не договорил. Он остановился, и Аннев увидел, как дрожат под серой мантией колени предвещателя.

– Кто сообщил тебе это имя, мастер Айнневог? Какой-то провидец?

– Так меня назвала Кельга.

Альбинос облизнул пересохшие губы:

– Проклятье. – Нетвердым шагом он двинулся дальше. – Что ж, ты уже получил имя. Я не стану испытывать Судьбу,

нарекая тебя заново.

– Справедливо.

Долгое время они шли молча. В конце концов Анневу это надоело, и он побежал к Титусу с Теринном, которые о чем-то весело болтали. На сей раз Цзянь не стал его догонять.

День уже клонился к закату, когда они взобрались на холм, с которого были хорошо видны стены Лукуры. Аннев во все глаза глядел на столицу, раскинувшуюся вдали: он и представить себе не мог, что на свете бывают такие огромные города. До этого он видел лишь Банок – Шаенбалу не в счет, – который поразил его своими размерами и нравами, и юноша полагал, что столица окажется раз в пять или шесть больше.

Он ошибался. В этих монументальных каменных стенах, опоясывающих низкие холмы на северной оконечности Возгара, могло бы поместиться двенадцать таких городов, как Банок. Через весь город тянулись две серебристые ленты, ярко блестящие на солнце, – реки, берущие начало в высоких заснеженных горах Возгара. Обе вытекали из южных ворот и расходились в разных направлениях: одна несла свои воды на юго-запад, а вторая огибала город и стремилась на север – туда, где, как Аннев помнил, находилось королевство Одарнея и его религиозная столица Квири.

– Вот это громадина! Красотища!

– Точно, Терин, на закате Лукура особенно прекрасна. Ну

да полюбоваться ею мы еще успеем, а сейчас мешкать нельзя. До темноты надо найти место для лагеря, если не хотим ночевать на дороге. До Лукуры еще целый день пути, так что небольшой отдых нам не помешает.

– Лучше не останавливаться, – сказал Фин, жадно вглядываясь в даль. – Разобьем лагерь ближе к городу – завтра придется меньше топать.

– Фин, мы это уже обсуждали. – Шраон вытащил из-под кулей свою алебарду. – Спешка ни к чему. К вечеру местные дороги кишмя кишат разбойниками, для которых зазевавшийся путник – лакомая добыча. Иногда они караулят его у самых стен города: если он доберется до ворот во внеурочное время – стражники его не пропустят, и бедолаге будет некуда податься. И тогда, откуда ни возьмись, его окликнут сердобольные люди, позовут отужинать чем боги послали – а наутро патруль найдет в кустах его хладный труп.

– Правда? – испуганно воскликнул Титус. – Неужели все люди здесь такие ужасные?

– Не все. Некоторые действительно хотят помочь, от чистого сердца. Но поскольку я не раз путешествовал в компании таких вот ужасных людей, я бы предпочел не рисковать. – Шраон повернулся к Фину. – А ты, парень, если очень хочется, можешь бежать во всю прыть и ночевать прямо на дороге. Возможно, ты даже успеешь попасть в город до того, как ворота закроются. Но даже тогда тебе придется жить на улице и вечно озираться по сторонам, потому что в любую

минуту тебе могут перерезать горло или обчистить твои карманы. Или и то и другое. Как по мне, то лучше тебе остаться – это в твоих же интересах. И в наших, разумеется, тоже.

Фин задумчиво подергал один из засаленных дредов и буркнул:

– Ладно уж. Будь по-твоему. Все равно послезавтра я избавлюсь от вашей компании. Я найду кого-нибудь, кто хорошо мне заплатит за мои таланты. А если нет – стану веселиться.

Темные глаза аватара заблестели от предвкушения.

– Ох, держись, Лукура! – Он ткнул локтем Терина. – Как думаешь, много золота можно украсть за ночь? Представь, что ты в магазине или особняке, – что ты утащил бы в первую очередь?

Терин выпучил глаза на Фина, понимая, что тот и впрямь хочет знать его ответ.

– Что-нибудь незаметное, чтобы не хватились... но достаточно ценное, чтобы два дня напролет играть в кости и ни о чем не думать.

– Обойдетесь, оба, – отрезал Шраон, не сводя глаз с дороги. – Я обещал найти вам честную работу, значит так и будет. А теперь идем, надо торопиться. Разобьем лагерь вон в той лощине. Дорога оттуда хорошо просматривается, а нас никто не увидит. Огонь разводить не будем. Клинки держим наготове.

Он дернул поводья и зашагал к лощине.

– Не отставайте.

Глава 13

Маюн бесшумно кралась сквозь Чашу, словно дикий зверь, выслеживающий добычу. С тех пор как маска любовниц Гевула слилась с ее лицом, мир вокруг стал другим – более *настоящим*. Она ощущала густой аромат влажной земли, к которому примешивалась едкая вонь звериной мочи и ноты гниения. Чувствовала кожей малейшую перемену слабого ветерка и инстинктивно знала, что приближается к зверю с подветренной стороны. Ее слух улавливал быстрое журчание воды, доносившееся с южной стороны, и она безошибочно определила, что это мельничный ручей в Шаенбалу. Она различала трещины в коре деревьев и спящих по стволам насекомых, видела каких-то существ, затаившихся в полумраке Чаши, и странные движущиеся тени.

Но острее всего Маюн ощущала боль. Пусть от увечий, нанесенных Ойру, не осталось внешних следов, ее тело помнило о них и ныло от боли. Но вот что странно: Маюн это *правились*. Более того, она в этом *нуждалась*. И боялась лишь одного: если когда-нибудь эта боль утихнет, то она останется один на один с уродливой правдой. Ее отец мертв. Всю жизнь он вбивал ей в голову, что магия – чистое зло и все, что несет в себе ее скверну, должно быть уничтожено. А выяснилось, что он сам был пропитан этой скверной насквозь... и зара-

зил ею дочь.

Нет, она не скорбела по отцу. Она его ненавидела.

Ее возлюбленный тоже предал ее. Мало того что он был калекой, так еще и владел магией – и все это он коварно скрывал, пудря ей мозги. Он завлек ее в свои сети, еще немного – и она вышла бы за него замуж! Одар всемогущий, какая мерзость! Ну почему, почему он выбрал именно ее? У нее отбоя от дыхателей не было, но появился Аннев – и она пала жертвой его чар. Жалкая, легкомысленная идиотка. Но он обманул не только ее: он всю деревню водил за нос, кроме того своего дружка-священника, этого кеосопоклонника. Да как он посмел так с нею поступить? Как вообще ему хватило дерзости даже подумать, что он может покорить ее и заразить своей мерзопакостной магией?

«Но эта скверна уже находилась во мне, – думала Маюн, крепче сжимая каменный нож. – Спасибо папочке. Его гнилая кровь – его магия – всегда текла в моих венах...»

Гнилая кровь... та самая, что стекает сейчас по ее пальцам... Маюн затошнило от отвращения и вырвало бы, не переключи она внимание на изрезанную руку, горящую от боли.

«Но что сделала я? Надела эту маску и поступила в услужение какому-то демону. Значит ли это, что теперь я хуже его?»

Нет, ничего подобного. Прочь эти гнусные мысли!

Маюн побежала. Зверь был уже близко, она чуяла его тя-

желый мускусный запах. На бегу она сорвала с себя изодранное в лохмотья красное платье, оставшись в костюме для жатвы, и помчалась еще быстрее.

Я убью его. Так же, как он убил моего отца.

Из кустов впереди выпрыгнул громадный оцетинившийся кабан. Не раздумывая ни секунды, Маюн бросилась за ним. Она не беспокоилась ни о собственной безопасности, ни о размерах добычи. Ее каменный нож не смог бы проткнуть его толстую шкуру, но она знала, что все равно убьет этого зверя. Ее ярость требовала выхода, и Маюн собиралась излить ее прямо сейчас. Она будет драться до конца, даже если этот хряк вспорет ей брюхо и раскидает кишки по всему лесу. Она будет драться, пока не одержит верх.

Кабан, почуяв опасность, ломанулся в заросли кустарника, пронесся сквозь них, круша все на своем пути, затем резко повернул налево и угодил в канаву со стоячей водой. Выбравшись на другой берег, он помчался дальше. Маюн перемахнула через болотце одним прыжком.

«Я тебя убью, клянусь! – думала она, тяжело дыша. – Перережу тебе глотку и напьюсь твоей крови. Не смей от меня убежать!»

Кабан, однако, припустил еще сильнее. Животное явно намеревалось скрыться в роще, до которой оставалось совсем немного. Маюн уже видела, как загонит зверя в ловушку – тесное пространство между густым кустарником и стеной деревьев, – как вдруг в нос ей ударил запах падали. Оста-

новившись на самом краю рощи, где деревья образовывали кольцо, она увидела в траве груды костей.

«Это же деревья охрома!»

Кабан тем временем развернулся, пронзительно завизжал и принялся неистово рыть копытами землю, словно вызывал Маюн на поединок.

Но девушка не шелохнулась. Теперь-то она знала, откуда в роще столько костей. Когда-то отец предупреждал ее об этом. На счастье, жажда крови не ослепила ее окончательно и она вовремя заметила опасность.

Кабан, не сводя с Маюн злых маленьких глазок, попятился вглубь рощи. Зверь не мог видеть, как одна из толстых лиан, увивающих ветви, сама по себе развернулась, спустилась ниже и нависла над его ошестинившейся спиной. Кодавора.

Маюн зашипела на рептилию и топнула ногой. Кабан отступил еще дальше, и в этот миг огромная коричневая змея кинулась вниз и мгновенно обвила грудь и шею животного. Кабан успел издать истошный визг, прежде чем кодавора раздавила ему легкие, и затих навсегда.

Маюн подняла голову и окинула взглядом изогнутые кроны, ища глазами других змей. И пусть ей не удалось заметить ни одной, она знала, что хищники там: слившись с ветвями, следят за каждым ее движением и только и ждут, чтобы она шагнула в их круг смерти.

Отец рассказывал ей, что кодавора – она же уроборос, или кольцевая змея, бесшумная убийца Чащи, – живет в южной

стороне от Шаенбалу, в кронах деревьев охрома. Он подробно описывал, как выглядит змея, но сегодня Маюн впервые увидела это чудовище собственными глазами.

Сжимая в израненных пальцах каменный нож, Маюн отвернулась. Она упустила добычу – и шанс показать Ойру, чего она, Маюн, стоит. Можно было бы убить кодавору, но много ли чести в том, чтобы отсечь голову змее, которая всецело поглощена пожиранием своего обеда? Маюн разозлилась. Плевать, кто следующим попадетс ей на пути: она голыми руками разорвет ему глотку.

Произошедшее, однако, заставило ее задуматься: она так увлеклась погоней, что едва не угодила в ловушку. Позор! Впредь нужно быть осторожнее. Если она хочет впечатлить Ойру, то должна действовать разумно, а не бросаться за первым же зверем, который вынырнет из кустов. Погнаться за диким кабаном с одним лишь каменным ножом в руке – просто-напросто верх скудоумия!

И все же в глубине души она не желала с этим соглашаться.

«Ты – охотница! – звучал в голове ее собственный мрачный голос. – Ты не ждешь, пока жертва попадетс в твои силки, – ты сама находишь ее. Ты не сидишь в засаде – ты выслеживаешь добычу, а потом нападаешь и убиваешь ее. Ты – золотой клинок. Маска ярости».

Маска.

Так вот в чем дело, догадалась Маюн. Артефакт питается

ее эмоциями, а потому каждый раз, когда Маюн пытается мыслить здраво, затмевает её рассудок, заставляя беситься от ненависти к отцу, Анневу и отвращения к самой себе.

Но ведь именно маска дала ей необыкновенную силу. Маюн ощутила это, когда гналась за кабаном. Она вспомнила, с какой легкостью мчалась сквозь лес, как запросто перепрыгнула ту канаву. Маска заставляет ее сосредоточиться на боли – физической или душевной, – а взамен обостряет чувства и наполняет неукротимой энергией.

И в то же время – из-за нее Маюн только что чуть не погибла.

Маюн сделала глубокий вдох и повернулась лицом на юг. Ноги сами понесли ее к Чащобному тракту, по другую сторону которого раскинулся лес Возгара, несравнимо более древний и опасный, чем Чаща. По самому его краю была проложена дорога, по которой с давних времен между Лукурой и Озерным краем ходили торговые обозы. Про Возгар говорили, будто там водятся чудища – Кеосовы отродья. Даже мастера и древние держались от него подальше.

Маюн до крови прикусила губу. Что ведет ее в Возгар – собственная воля или каприз проклятого артефакта? А впрочем, сейчас это не имело значения. Ойру велел ей в его отсутствие убить кого-нибудь и тем самым произвести на ас-сасина впечатление, как будто это имело значение для них обоих.

Маюн вдруг остро захотелось испытать, на что она в дей-

ствительности способна. Она больше не знающая дева, не красавица-дочка директора Академии, строящая глазки слушателям и аватарам. Она – женщина в золотой маске. Дочь мертвеца. Ученица демона-ассасина. Она продала свою душу Кеосу, чтобы уничтожить Аннава.

Теперь она такое же чудовище, как и те, кого она презирает.

Возгар манил. Обитель магии, монстров и демонов – разве не там теперь ее место, среди себе подобных?

Маюн снова побежала. Вырвавшись из Чащи, она в мгновение ока пересекла изрытый колеями тракт и помчалась навстречу чернеющим соснам Возгара. Перед глазами у нее поплыл красный туман. Когда она добежала до края старой дороги, ее легкие горели огнем, готовые разорваться. Казалось, она тонет в реке крови.

Она стрелой влетела в чащу вечнозеленых деревьев, на ходу срывая с лица и волос толстую паутину. Маюн задыхалась, легкие требовали воздуха, а она все бежала и бежала, не чуя под собою ног. Время и расстояние размылись и слились, обратившись в темные растения, черную почву и пологие холмы. Вдали завывали какие-то звери, и Маюн помчалась прямо на вой. Кровь стучала в висках и горле, подгоняя вперед.

«Я чудовище, – твердила про себя Маюн, заставляя себя бежать еще быстрее. – Я смерть в золотой маске. Призрачный клинок. Ученица демона. Мой владыка – Кеос».

Вой раздался ближе, и Маюн поняла, что на нее началась охота.

Хищники учуяли добычу.

Уже через минуту волки бежали по обеим сторонам от нее, намереваясь взять ее в кольцо. Она слышала их запах – тяжелый запах псины, земли и еще чего-то, ей неизвестного. А еще крови их недавней жертвы. Краем глаза Маюн увидела, как блеснули во мраке злобные глаза и ощерилась белыми клыками страшная пасть.

Маюн помчалась еще быстрее, и волки немного отстали. Теперь, даже если бы она захотела от них спрятаться, это было бы бесполезно, ведь они знают ее запах. А она не хотела и не собиралась. Крепко сжимая в ладони обоюдоострое каменное лезвие, с которого стекала кровь, она подняла голову и завывала. Ну же, давайте за мной, безмозглые твари! Вы еще не знаете, на кого решили поохотиться! Она снова вскинула голову, и на этот раз из ее горла вырвался настоящий звериный рев. Волки ответили.

Добыча бросила вызов хищникам.

Они настигали. Ее сердце забилось быстрее, готовое к предстоящему столкновению; Маюн жаждала помериться свирепостью с этими хищниками.

Боль в легких стала запредельной, но, как ни странно, дышать теперь было намного легче. Страдания Маюн придавали ей сил – в буквальном смысле слова. Изнуренная, не съевшая за последние два дня ни крошки, она тем не менее чув-

ствовала себя сильнее!

О да!

Чем быстрее она бежала, тем невыносимее становилась ее агония – и тем больше энергии вливалось в ее тело.

Огромный волк поравнялся с нею и распахнул пасть. Маюн это предвидела. В то мгновение, когда он дернулся, намереваясь вцепиться ей в локоть, она вскинула руку, подпрыгнула и, перевернувшись в воздухе, упала хищнику на спину и, обхватив за шею, перерезала глотку. Ошалевший от неожиданности волк булькающе рыкнул, пробежал еще с десяток шагов и рухнул замертво.

Маюн же помчалась дальше. Волки уже окружили ее со всех сторон, и те, что ее обогнали, сейчас неслись ей навстречу. Маюн решила изменить тактику. Она с разбегу прыгнула на толстый ствол дерева и побежала по нему с такой легкостью, словно это был пологий склон холма. В ту секунду, как она оторвалась от земли, мимо пролетели два волка, а еще один кинулся на девушку откуда-то сбоку, щелкнув зубами в дюйме от ее ноги.

Маюн замерла на ветке, глядя на тех двух волков, что ее обогнали и теперь, осознав свою оплошность, замедлили бег, чтобы развернуться. Подпрыгнув, Маюн оттолкнулась от ветки, как от трамплина, и обрушилась на шею ближайшего зверя. Она уже поняла, что это не обычные волки. Их чудовищный рост, сравнимый с лошадиным, говорил о том, что это дикие волки. Те самые, которыми няньки пугают де-

тишек, чтобы отвадить их раз и навсегда от Возгара.

Вот только это не сказка и не страшный сон, а Маюн – не слабое беззащитное дитя. Она со всего маху полоснула чудовище по морде, и клинок так глубоко вошел в глаз, что на мгновение Маюн испугалась, что не сможет вытащить нож обратно. Однако ужас и адреналин не дали ей растеряться и разжать пальцы. Держась за торчащий из черепа клинок, она соскользнула зверю на спину и крепко обхватила мощное туловище ногами. Завывая от боли, волк брыкался, крутился на месте, а потом бросился бежать. Остальные волки не отставали. Они клацали зубами, кусали обезумевшего и полуслеплого собрата за черные бока, пока тот безуспешно пытался стряхнуть с себя наездницу. Маюн же, еще крепче вцепившись в зверя, выдернула нож из глазницы и всадила его в другой глаз. Волк тут же обмяк и завалился на бок. Маюн спрыгнула на землю, покрытую слежавшейся листвой, и едва-едва успела откатиться в сторону. Нож неприятно чавкал в ладони, кровь из которой перемешалась с волчьей, но на безгливость не оставалось времени: к ней подступали волки.

Ближе всех подобрался гигантский зверь с серебристо-белой шкурой. В разъявленной пасти торчали чудовищные клыки размером не меньше, чем ладонь Маюн, и острые, как кинжалы. Чуть поодаль от него обнаружился серый волк поменьше. Он задрал морду и завыл протяжно и печально, оплакивая погибших соплеменников.

Но как бы ни были ужасны эти двое, Маюн заботили не они, а еще один – последний оставшийся в живых зверь. Она слышала, как он приближается, сжираемый той же дикой яростью, что клокотала сейчас в груди самой Маюн. Шестое чувство – и обоняние – подсказало ей, что это вожак стаи и он жаждет крови.

Ее крови.

Она обернулась как раз вовремя: из-за поваленного дерева выпрыгнул колоссальных размеров коричнево-черный зверь с желтыми глазами и, распахнув пасть с частоколом блестящих зубов, с которых капала малиновая слюна, бросился на Маюн. Она инстинктивно выставила перед собой нож, который вошел волку под нижнюю челюсть и пронзил горло. Маюн налегла на клинок и с силой протолкнула его вверх, проткнув зверю мозг. Волк засучил лапами, челюсти захлопнулись...

Маюн услышала чей-то крик и лишь через пару мгновений поняла, что это кричит она сама: девушка не успела выдернуть руку из пасти и знала, что предплечье почти оторвано, что оно держится на лоскутах кожи, обрывках плоти и сломанных костях. Но это ее не волновало. Единственное, что имело сейчас значение, – это охота. Поэтому она запихнула руку еще глубже, нащупала место, где каменное лезвие выходило из нижней челюсти, и, схватившись за нож, рванула его вверх, распиливая кость и мышцы.

Челюсти треснули, и нижняя повисла, оторванная от че-

репа. Придерживая ее рукой, Маюн пилила до тех пор, пока залитая кровью челюсть не упала на землю. Волк, бившийся в предсмертной агонии, дернулся в последний раз и замер.

Высвободив руку, Маюн повернулась к оставшимся волкам. Оба не двинулись с места. Волк поменьше прекратил выть. Глаза серебристого зверя горели каким-то странным огнем. В голове Маюн пронеслась мысль, что, возможно, это волчица, убитый волк – ее пара, а третий – их сын.

Волчица завывала, но в этом вое не было угрозы. Мышцы передних лап напряглись: волчица готовилась не к атаке – она собиралась убежать от этого неведомого страшного врага. Маюн победила.

Но девушка этим не удовлетворилась. В ней проснулся неутолимый голод, вызывающий боль и сладострастие одновременно; она жаждала смерти, более того, ей было необходимо убивать и дальше. Два этих волка осмелились бросить ей вызов; они гнались за ней, как за какой-нибудь глупой оленихой, намеревались ее сожрать – и потому пусть сдохнут, как и их сородичи.

Маюн шагнула к волчице. В зеленых глазах полыхала такая ненависть, что ее хватило бы, чтобы вырезать половину всех обитателей Возгара.

Маленький волк побежал первым, за ним – волчица.

Маюн хотела броситься следом, но земля качнулась у нее под ногами, перед глазами поплыли круги.

Что-то было не так. Когда ее одолевала жажда крови, все

ее тело кричало от боли, и она чувствовала себя непобедимой. Ее раны затянулись, кости срослись, и она обладала силой дюжины воинов, не меньше! Но вот битва окончена, враг повержен, и рев ярости, рвавшийся из ее горла, сменился жалким хныканьем. Боль утихала и уже не заглушала голос разума.

Маюн уставилась на изувеченную руку: ладонь оказалась нетронутой, но предплечье представляло собой кровавое месиво – кости торчали наружу, развороченная плоть влажно блестела. На Маюн накатила волна ужаса.

Я стану как он... как Аннев.

И это было справедливо. Жестоко, извращенно – но справедливо. Она отдала свою душу Кеосу, поклялась верно служить одному из его демонов, и Кеос оставил на ней свою отметину. Все как и обещал ассасин.

«Но если ты, Кеос, отныне мой властелин, то почему не поможешь мне? – сокрушенно думала Маюн, обвиняя и в то же самое время моля о пощаде. – Ты получил мою душу – но что дал мне взамен?»

И вдруг, к ее изумлению, Кеос ответил ей. Части разорванных лиловых вен потянулись друг к другу и соединились; обломки костей зашевелились, выстраиваясь в одно целое; по костям поползли алые, бордовые и пурпурные волокна, а сверху на них легли мертвенно-бледные от потери крови кожные покровы. Но вот процесс завершился, и рука, в точности такая же, как и раньше, снова порозовела.

Хвала Кеосу.

Хвала золотой маске.

Хвала ее собственной боли.

Маюн упала на колени. В благоговейном ужасе она взирала на левую руку, полностью исцеленную, сжимала и разжимала пальцы, сгибала ее в локте. Потом медленно поднялась на ноги, все еще потрясенная свершившимся на ее глазах чудом. Такова милость Кеоса. И таково ее проклятье.

Тут в животе у нее громко заурчало, и Маюн вспомнила, что за последние несколько дней во рту у нее не было ни крошки. Она вдруг разом ощутила и мучительную жажду, и голод. Маюн замерла, прислушиваясь к звукам леса, но тот, казалось, замер и затаил дыхание, словно в ожидании ее следующего шага.

Маюн поднесла левую руку к лицу и провела пальцами по губам. Безупречно. Ни малейшего зазора. Ни единого шанса. Пальцы скользнули по подбородку и нащупали четкую грань между маской и кожей. Девушка попыталась подцепить край маски, но он не поддавался – артефакт намертво врос в плоть.

Но сдаваться Маюн не собиралась. Дрожа от нетерпения, она поднесла нож к шее и попыталась просунуть лезвие под маску. Боль – и ничего больше. Нож проткнул кожу, но маска не сдвинулась с места. Маюн надавила сильнее. Ну и пусть она себя изуродует – лучше получить несколько шрамов, чем сдохнуть от голода.

С пересохших губ сорвался резкий крик боли, и маска откликнулась гулким гудением. Маюн нажала на клинок одной рукой, пытаясь второй оторвать маску от лица.

Из раны хлынула кровь, заливая шею, грудь и плечи; черный костюм для жатвы стал теплым и влажным и прилип к телу.

Маюн воткнула нож под золотой край на лбу. Голова закружилась, нож вдруг стал неподъемно тяжелым, и она не смогла его удержать. Руки налились свинцом, но Маюн все равно обхватила лицо, намереваясь продолжить начатое. Она представила, как сдирает с себя маску вместе с кожей и вместо лица у нее освежеванная, сочащаяся кровью плоть. И вот, бродя по лесу, она встречает своих подруг Кошри и Фэйт, и те в ужасе кричат, что она чудовище, проклинаят, плюют в нее и забрасывают камнями... Пусть. Зато она снова сможет ощутить божественную прохладу воды в своем пересохшем горле. При мысли об этом Маюн охватила слабость, пальцы, словно руководствуясь собственной волей, потянули маску вниз...

Безрезультатно.

Тогда Маюн вцепилась в край маски на лбу, в том месте, где она пыталась просунуть под нее нож, и рванула что есть мочи.

Но раны там уже не оказалось – ее исцелила магия артефакта. Тут Маюн окатила новая волна ледяного ужаса. Раньше она не отдавала себе в этом отчет, а теперь постигла всю

дьявольскую изощренность своего проклятья. Она обречена вечно голодать и испытывать жажду, потому что ни утолить их, ни умереть от истощения она не сможет – маска не позволит. Маске нужна ее агония: она питается болью и мучениями, давая в ответ невероятную силу.

Почувствовав, что ее подло обманули, Маюн разразилась проклятиями. Маска впитала ее эмоции и тут же откликнулась: девушка вновь ощутила прилив энергии, а вместе с ним – желание охотиться и убивать.

И Маюн побежала. Ей было плевать, кто станет ее очередной жертвой – местный царь зверей, какой-нибудь зазевавшийся зверь или порожденный магией монстр.

Она убивала всех, кто попадался ей на пути, упиваясь запахом крови и собственной силой. Сгустились сумерки, а она все носилась по лесу, сея вокруг себя смерть. Гигантский паук свалился на нее сверху и впился клыками в бицепс. Маюн всадила кеокуму в голову нож, отсекла ему ноги и вскрыла брюхо. Увидев какую-то пещеру, Маюн без раздумий наведальась туда и вышла через полминуты, оставив внутри выпотрошенного хозяина – огромного медведя с львиной головой и глазами совы.

Она убила с полсотни кеокумов – этих мерзких тварей, рожденных из сокрушенной длани Кеоса. Перерезая глотки, отрубая конечности, кромсая плоть, она ощущала почти физическое насыщение, а фонтаны крови почти утоляли жажду.

Почти.

Ее тело еще не отвыкло от пищи и воды и потому все еще страдало, но эти муки были ничем по сравнению с опьяняющей силой. Спать, есть, пить – все эти потребности оставьте беспомощным людишкам. А ей нужно лишь чувствовать боль, охотиться и убивать.

Солнце утонуло за горизонтом, погрузив лес, и без того сумрачный, в непроглядную тьму, кишашую тенями и призраками. Маюн склонилась над ручьем. Сначала она погрузила в него окровавленные руки, чтобы ледяная вода смыла кровь и запах смерти. Потом плеснула воды в лицо. Тоненькие струйки просочились сквозь щели для глаз, и Маюн ощутила на пересохших губах живительную влагу с привкусом крови. Девушка положила нож на землю и принялась умываться, с наслаждением смакуя солоноватую воду.

Вдруг ниже по течению раздался дикий скрежещущий крик какого-то неведомого и явно голодного существа. Маюн машинально потянулась за ножом. Ее рука, зажившая почти моментально после того, как перестала сжимать оружие, шарила по траве, готовая к новой боли от пореза, но клинка нигде не было. Крик прозвучал снова, на сей раз ближе. Сердце у Маюн подпрыгнуло к самому горлу. Где же боль, что питала ее, куда исчезла жажда убийства, что обостряла ее чувства и рефлексy? Это вода смыла их вместе с кровью, лишив Маюн ее силы, и поэтому теперь так холодно, так клонит в сон...

Вдруг из мрака прямо перед ней выступила крупная, отдаленно смахивающая на рептилию тварь: мягкая чешуя, блестящая в свете луны, была покрыта костяными шипами и наростами; большая голова заканчивалась остроконечной мордой. Тварь приняхалась, вытянув змееподобную шею длиной в дюжину футов. И двинулась на Маюн. Когда между ними оставалось полсотни шагов, рептилия поднялась на мощные задние лапы. Под чешуей проступали могучие бугристые мышцы, переплетенные светящимися венами.

Маюн заставила себя отвернуться и принялась выискивать глазами нож. Тот лежал у самой кромки воды. Маюн подхватила его и с облегчением сжала в ладони. Руку обожгла знакомая и успокаивающая боль, брызнула кровь, и Маюн вновь почувствовала себя живой. Теперь она улавливала исходящую от зверя вонь: он смердел гниющим мясом и ржавым железом.

Чудище дернуло мордой, почуяв кровь, и из пасти выстрелил извивающийся язык. В следующий миг ящер распахнул челюсти и прыгнул.

Глава 14

Дракен с грохотом приземлился в двадцати шагах, и из его пасти вырвалась струя кровяной слизи. Воздух наполнился едким паром. Маюн вскинула руку, прикрывая глаза, и часть омерзительно воняющей жидкости попала на пред-

плечье. Маюн отскочила назад. Кислота, шипя и пузырясь, стекала от локтя к кисти, прожигая в коже глубокие борозды.

Молодец. Дай мне больше боли, и тогда я убью тебя намного быстрее.

Длинный язык снова вылетел из пасти, пробуя на вкус запах Маюн, разлитый в воздухе, и ящер снова прыгнул.

Но на сей раз Маюн была готова. Она метнулась в сторону и, перекатившись по земле, нырнула за пожелтевшую ель. Тотчас же в ствол ударила зловонная струя, но Маюн не задела. Девушка выскочила из своего укрытия и бросилась к дракелю. План был прост: зайти сбоку и вспороть ему брюхо.

Но монстр оказался на удивление проворным. Он вытянул шею, не давая приблизившейся Маюн подступить к его мягкому, незащищенному животу, и ударил ее в бок острой мордой. Удар был настолько силен, что Маюн взлетела в воздух. Она упала на землю, но тут же, сделав кувырок, вскочила на ноги. Прямо над головой она увидела зияющую пропасть гигантской пасти и, молниеносно выбросив руку вверх, полоснула ножом чудовище по морде. Лезвие с легкостью прошло сквозь чешуйчатую кожу. Дракен взревел, сел на задние лапы, а передними принялся возить по раненой морде.

Это был шанс. Маюн ринулась на ящера, воткнула ему в брюхо нож и мощным рывком дернула клинок вниз. Однако, вопреки ее ожиданиям, внутренности дракелю не спешили вываливаться наружу. Зверь рухнул на землю. Маюн увер-

нулась от падающей на нее гигантской туши, и внезапно их с ящером глаза встретились.

Рептилия моргнула и прищурилась, выражая неудовольствие глухим ворчанием. Края глубокой раны на морде сомкнулись, лоскут кожи потянулся назад к черепу и, закрыв собою оголенные мышцы, сросся с ними – даже царапины не осталось.

Да чтоб тебя...

Борозды на обожженной руке Маюн тоже постепенно затягивались новой плотью и кожей, но восстановление дракона шло намного быстрее.

Проклятье.

Маюн развернулась и стремглав помчалась прочь, надеясь, что ей удастся оторваться. За спиной ее раздался мощный боевой рык, а через несколько секунд застонали и затрещали деревья. Дракен бросился в погоню.

Маюн иступленно сжимала нож, все глубже вдавливая его острое, как бритва, лезвие в ладонь и пальцы, и, подпитываемая пылающей болью, бежала все быстрее. Сердце колотилось в груди, как обезумевшая птица в клетке, отсчитывая удары с той же быстротой, с какой ноги Маюн касались земли. Она взлетела на вершину холма, прыгнула вниз и понеслась по заросшему деревьями склону, ни на миг не замедляя скорости.

Рычание и топот массивных ног у нее за спиной возвестили о неумолимом приближении ящера. Маюн бросилась

в густую рощу, а двумя секундами позже туда уже ворвался ящер. Разметав в щепки вставшее на его пути дерево, он ринулся дальше, волоча за собой длинный хвост.

Увидев впереди нагромождение камней, Маюн кинулась туда. Ее разум спал, эмоции притупились, но она чувствовала, что это – конец. Здесь она даст последний бой, и если умрет – так тому и быть.

Между камнями она заметила узкую щель. Обдирая руки и ноги, она боком протиснулась внутрь и тяжело упала на землю. В следующий миг в ее убежище врезался дракен. Вздвигнув шею, он ткнулся мордой в щель, заревел и защелкал челюстями.

Маюн отшатнулась – и угодила в какой-то круглый предмет, который просел под ее весом. Девушка ощутила под пальцами что-то липкое, и тут же воздух в пещере взорвался жужжанием сотен насекомых. Все ее тело мгновенно облепили толстые черные жуки. Маюн закричала. С клацаньем сталкиваясь жесткими крыльями, жуки лезли под одежду, впивались в кожу, пытались забраться под маску.

Дракен, пронзительно вереща, отдернул голову и принялся передними лапами сбивать насекомых, вцепившихся жвалами в морду. Потом открыл пасть, в которой тоже копошились жуки, и кашлянул кровью и кислотой. Едкая слизь вспузырилась, потекла по шее, сжигая кровожадных паразитов.

А в крошечной пещере заходила криком Маюн. Острые жвала насекомых работали быстрее, чем заживляющая

магия маски. Девушка попыталась встать на колени, но не смогла удержать равновесие и завалилась на бок. Нож выпал из ладони, на которую тут же налетело полчище жуков. Они рвали кожу, вгрызались в окровавленную плоть. Маюн неистово колотила по крошечным тварям, но раздавить тела, закованные в жесткий хитин, было почти невозможно. Рой разрастался с чудовищной скоростью, и, если бы не маска, Маюн давно бы уже задохнулась. Оставалось одно из двух: вырваться наружу и встретиться с драконом – или быть сожранной заживо.

Маюн выбрала первое. Но едва она подползла к спасительной расщелине, как оттуда в нее ударила кислотная струя – месть взбешенного дракона назойливым паразитам. Маюн испустила душераздирающий вопль. Жуки шипели и лопались на ее теле, а кислота разъедала то, что осталось от их пиршества. Это была агония. И чистейший экстаз. Маюн трясло. Легкие разрывались от ядовитых паров, она задыхалась, но не могла сдвинуться с места.

Но вот струя иссякла. Внезапное препятствие в виде жуков было уничтожено, и ничто не мешало дракону заняться наконец своей добычей. Сквозь полуобгоревшие веки Маюн видела, как ящер роет землю под камнями. Потом, просунув в расщелину длинные когти, хитрая тварь принялась раскачивать один из валунов, пока не вырвала его из земли. Отшвырнув его в сторону, чудовищный кеокум просунул голову в образовавшийся проем и, победоносно взревев, раз-

заявил пасть над безжизненно распластанным телом.

Внезапно обожженная рука взметнулась вверх. Каменный нож вошел в нижнюю челюсть монстра и застрял в ней накрепко. Ящер взревел, разъяренный внезапным отпором. Он схватил Маюн острыми кинжалами зубов, пронзив ее грудь, легкие, живот, и выволок наружу. Маюн надрывно кашляла, из горла хлестала кровь, а дракен мотал ее, словно тряпичную куклу, грозя переломить позвоночник надвое.

Но страх, отчаяние и ярость Маюн пересилили даже эту запредельную боль. Она обездвижена и безоружна, голова вот-вот взорвется от давления – и шанса на спасение нет ни малейшего. Маюн испустила дикий, первобытный крик – и вдруг в груди стало тепло. Жар наполнил легкие и горло, перетек по рукам в пальцы – и Маюн почувствовала, что сжигает ножи. Не холодные каменные, как ее оружие, а пылающие огнем клинки.

Со свирепостью, которой мог бы позавидовать сам дракен, она вонзила эти клинки ящеру в небо. Глубже, еще глубже... Монстр взвыл, разжал челюсти, и Маюн упала на траву. Подняв голову, она увидела прямо над собой два горящих глаза. Собрав последние силы, она замахнулась и всадила в эти глаза свои огненные кинжалы. Зрачки рептилии вспыхнули и погасли.

Двадцатифутовый ящер жалобно всхлипнул и рухнул на бок, придавив своей толстой шеей Маюн.

Маюн запрокинула голову. Сквозь переплетенные кроны

проглядывали яркие звезды. Тело вдруг стало восхитительно легким, и сознание устремилось к подмигивающим огонькам. Но вот небесный купол начал светлеть, и во мраке, окружавшем ее, Маюн почувствовало какое-то движение. Носок чьего-то сапога легонько поддел ее подбородок, голова ее повернулась набок, и на мгновение Маюн показалось, что над ней, оперев руки в бедра, стоит Ойру. В следующее мгновение звуки просыпающегося леса разом смолкли, рассветное небо почернело, и все вокруг накрыла бесконечная чернильная тьма.

Глава 15

Боги, как больно...

Кентон очнулся и застонал, но тут же умолк, потому что даже стон причинял невыносимую боль.

Глаза были засыпаны землей, но это Кентона беспокоило меньше всего. Его тело изнывало от боли. В нем совершенно точно было что-то сломано – а может, и вовсе не осталось ни одной целой кости, – но Кентон не мог этого проверить. Он лежал погребенный под горой земли и камней и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Я не хочу умирать. Только не так.

Камни вокруг его головы образовали небольшую пустоту, давая возможность дышать, но воздуха было катастрофически мало и с каждым прерывистым вдохом становилось

еще меньше. Кентон уже чувствовал легкое головокружение. Плохой знак.

Только не так.

Волевым усилием он подавил начинавшуюся панику и расфокусировал зрение. Его взгляд проник сквозь рыхлую пелену, застилавшую глаза, уперся в камень над головой, а пару секунд спустя Кентон увидел туннель. Точнее, никакого туннеля больше не существовало: вплоть до самого выхода на поверхность он был завален землей и осколками породы. Взор магических глаз, преодолев сотни футов темноты, вынырнул из подземелья, и в проблесках солнечного света Кентон рассмотрел тень от Северной башни и темные деревья Чащи. Кентон слегка отвел взгляд в сторону, и картинка исчезла.

«Бородатые яйца Одара! – выругался он про себя. – Что мне теперь делать? Как отсюда выбраться?»

О том, чтобы прокопать себе путь на поверхность, нечего было и думать, а Милость он потерял – выронил, когда начался обвал и камни ударили по рукам юноши. Кентон попробовал было шевельнуть ногами, но те оказались придавлены намертво. Едва он разомкнул губы, как ощутил во рту вкус земли.

Кентон начал задыхаться; сердце бешено забилося о ребра, как дикий зверь, стремящийся на свободу. Кеос воплощенный, ему не вырваться из этой западни! Кентон ощутил необычайный жар во всем теле. Жар все усиливался, и в гла-

зах начало мутнеть.

НЕТ!

Протест, чистейшее воплощение его яростной воли и силы, громыхнул внутри, заглушив все мысли и страхи.

«Нет! Я не умру, погребенный заживо и всеми забытый. Я не умру – не здесь, не сейчас, никогда».

НЕТ!

Ответом на его немой крик была тишина. Земля, давившая на его тело, стала заметно теплее. Кентону захотелось крикнуть по-настоящему, но он лишь крепче сжал челюсти, чтобы земля снова не попала в рот.

«Аннев, ах ты, ублюдок, – подумал он. – Когда я отсюда выберусь, я поймаю тебя, брошу в яму и буду скидывать на тебя булыжники, слушая, как ломаются твои кости».

Кентон прекрасно знал, что это ложь: он уже покойник. Даже если позвоночник каким-то чудом уцелел, все равно он, можно сказать, парализован – если чем и получалось двигать, так только пальцами.

Стоп. Это уже кое-что. Кентон снова зашевелил пальцами и вдруг ощутил касание прохладного металла. В ушах зазвучал почти разумный голос магии крови.

Я воздух. Я клинок, что служит ножнами мечу.

Кентон дернул уголком рта. Пальцы глубже зарылись в землю. Камень, перекрывавший путь к мечу, сам собой подвинулся, и Кентон надежно ухватился за обтянутую тканью рукоять.

Здравствуй, Милость.

Он дернул, но меч крепко сидел в земле. Тогда Кентон сосредоточился, представляя, как лезвие проходит сквозь камни, словно сквозь масло...

«Только не переусердствуй», – сказал он себе – и чуть не рассмеялся. Самое страшное уже случилось, и богам придется здорово постараться, чтобы переплюнуть самих себя.

И тут, словно в ответ на его мысли, меч ожил. Лезвие крутанулось вокруг своей оси и с легкостью рассекло булыжник, вдавивший его в землю. Обломки вокруг Кентона пришли в движение, и камень, в который он упирался лбом, скользнул вниз и зажал ему нос и рот, перекрыв доступ воздуха.

Если бы Кентон мог, он бы завопил от ужаса. Он бешено задвигал запястьем туда-сюда, разрезая слои камней и земли, и задергал ногами. Ноги тут же пронзила острая боль, зато они больше не были зажаты в тисках. Кентон почувствовал, что под ним, чуть сзади, появилось свободное пространство, и, крутясь и извиваясь, начал отползать назад. Ему было плевать на то, что острая поверхность камня, впившаяся в лицо, почти что начисто срывает ему нос и губы. Как только ему удалось высвободить рот, он выплюнул набившуюся землю и наконец смог дышать! Никогда еще воздух не казался ему таким восхитительным!

Однако уже через мгновение восторг сменился паническим ужасом: Кентон вдруг понял, что больше не может сдвинуться ни на дюйм – голова застряла намертво.

«Не-е-ет!» Кентон забился в панике, пытаясь освободить голову и руки. Камень, упирившийся ему в лицо, скользнул вниз. Острый край вонзился глубже в плоть, послышался хруст ломающегося носа.

Кентон взвыл. Он вертелся и бился, как пойманный в силки зверь, крепко сжимая Милость в руке, требуя, чтобы магия меча освободила его. Расчистив достаточно места, чтобы двинуть рукой, Кентон испустил нечеловеческий крик, рванул меч к себе и разрубил сжимавший голову камень. Потом дернул головой, освобождая нос – точнее, то, что от него осталось. Не успел он обрадоваться, как оставшийся от камня кусок скользнул вниз, сдирая с черепа кожу, и остановился, воткнувшись острыми выступающими краями в глазницы.

– А-а-а-а!

Однако магические сферы, заменившие ему глаза, не разлетелись на куски.

«Хвала Одару», – с облегчением выдохнул Кентон.

Но бог воды небесной, похоже, этого не услышал: неизменно тяжелый камень опустился еще ниже, вдавливая глаза глубоко в череп. Кентон снова завертелся, пытаясь вырваться; голову распирало от давления, казалось, еще немного – и она лопнет. Кентон отчаянно закричал, выплевывая землю и кровавую слюну из разорванного рта.

ТОЛЬКО... НЕ... ТАК!

Обезумев от ярости, Кентон сфокусировал взгляд и пред-

ставил, как сила, угрожающая взорвать его череп изнутри, скапливается за глазами. Его взор на мгновение пронзил булыжник, за которым виднелось лишь нагромождение камней. А потом из глаз ударил ослепительный луч желтого света, уничтожив тяжелый камень, придавивший голову юноши. На лицо и шею Кентону брызнули оплавленные куски породы.

Теперь он был свободен. Не трата времени впустую, Кентон направил меч вниз и вбок, и зачарованное оружие, пронзив обломки камней, встретило пустоту. А мгновение спустя земля под ногами аватара разверзлась, и он рухнул вниз. Пролетев целую секунду по воздуху, он врезался в твердую землю. Сверху градом посыпались камни, и Кентон вскинул руки, прикрывая голову.

Когда наконец камнепад прекратился, он отнял трясущиеся руки от лица. Вокруг него клубилось облако медленно оседающей пыли. Он лежал на спине в крошечной камерке, наполненной странным, до боли знакомым радужным сиянием.

Нет... Этого не может быть.

Он вернулся туда, откуда так долго и мучительно пытался сбежать, – в камеру Аннева.

Кентон начал смеяться. Это была какая-то извращенная, уродливая шутка. Что ни говори, а в этот раз боги поглумились над ним всласть: потратить бездну времени и сил, изувечить себя и почти что распрощаться с жизнью – чтобы

вновь очутиться в камере, где его предательски запер этот проклятый кеокум Аннев. Кентон смеялся все громче. Будь у него человеческие глаза, из них брызнули бы слезы. Сломанные ребра причиняли мучительную боль, Кентон задышался, но никак не мог унять сотрясающие его приступы истерического хохота.

«Я сошел с ума, – думал он, прислушиваясь к жуткому эху, наполнившему его темницу. – В голове что-то повредилось, и я рехнулся».

Понемногу смех унялся, и к Кентону вернулась способность трезво соображать. Он с удивлением обнаружил, что его зрение улучшилось: он взглянул на стену – и взор его тут же, безо всяких усилий, проник сквозь толстую кладку в соседнюю комнатушку. Тогда Кентон перевел пристальный взгляд на дверцу люка в потолке.

Мои глаза... Тот магический огонь, который я только что вызвал... Могу ли я использовать мое новое зрение, чтобы попасть в Хранилище?

Но эксперименты с этой новой, совершенно ему незнакомой магией могли закончиться еще одним завалом – и не исключено, что для Кентона он станет последним. Аватар продолжал сверлить дверь взглядом, но, как ни пытался, по-прежнему не мог проникнуть сквозь окружавший ее магический барьер.

Там наверняка есть артефакты, с помощью которых я мог бы выбраться отсюда. Какое-нибудь оружие вроде Ми-

лости или...

Милость. Как он мог забыть о мече?

Превозмогая боль, Кентон перевернулся на живот и пополз по заваленному обломками и землей полу, шаря руками в поисках меча. Потом внезапно остановился и обругал себя последними словами: к чему понапрасну тратить силы, если ему достаточно всего лишь *посмотреть*.

И точно – уже мгновение спустя он увидел меч. Тот лежал под грудой обломков у основания каменных ступеней, ведущих к люку. Кентон откопал меч и едва взял его в руку, как тут же ощутил знакомое покалывание магии.

Я Милость. Я воздух. Я...

– Да-да, я помню, мы уже это проходили.

Кентон приснул. Отлично, он уже разговаривает с мечом. Пора выбираться, иначе он действительно рехнется, окончательно и бесповоротно.

Едва не плача от боли и усталости, юноша с трудом дополз до верхней ступеньки. Остановившись там, он сделал глубокий вдох и представил, как лезвие меча заостряется и наполняется сверхъестественной силой. Тут же в ладони аватар ощутил пульсацию – магия артефакта откликнулась на его призыв – и поднял меч. На мгновение его внимание привлекла сочащаяся сверху тонкая радужная струйка, но Кентон быстро отвел глаза, вспомнив хоровод призрачных лиц, которого испугался в прошлый раз.

Сосредоточившись, он принялся водить мечом по потол-

ку, пока не ощутил, что невидимое лезвие уперлось в тончайший зазор между дверью и потолком и вошло в металл, словно в кусок масла. На Кентона полетели хлопья ржавчины. Он вогнал меч глубже, обхватил рукоять обеими руками и собрался было распилить кусок металла пополам, как вдруг в голову ему пришла идея получше. Взявшись за меч левой рукой, Кентон потащил его по периметру двери. Раздался металлический скрежет, и древние доски треснули. В тот же миг по подземельям пронесся тревожный гул, и стены каморки задрожали. Разрушенное здание Академии оседало под собственной тяжестью. Стена справа от Кентона лопнула громко и отрывисто, и образовавшаяся трещина зазмеилась вниз, к подножию лестницы.

Кентон дернул меч на себя, заслонившись второй рукой от осколков и пыли. Предплечье не было препятствием для его стеклянных глаз, и сквозь него Кентон видел, как выгнулась дверь люка, едва удерживаясь на искореженных петлях. Снова тряхнуло, края разлома расползлись еще шире, щедро осыпая Кентона песком и кусками камней. Кентон покачнулся и, не удержав равновесия, свалился на пол. Все вокруг гудело и содрогалось, на него градом сыпались осколки вперемешку с глиной и пылью. Кашляя и отплевываясь, Кентон кое-как встал на колени – и ощутил, что земля под ним пришла в движение. В следующую секунду пол треснул, и трещина начала разрастаться на глазах, угрожая поглотить Кентона. Не успел он опомниться, как с потолка посыпались

камни, и один из них саданул юношу по плечу, ободрав кожу. Почувствовать себя заживо погребенным во второй раз Кентону вовсе не хотелось. Вскочив на ноги, он бросился к лестнице и вскарабкался по чудом уцелевшим ступеням к люку.

Одного удара мечом по проржавевшим петлям оказалось достаточно, чтобы люк полетел на пол. Кентон нырнул головой в проем и, подтянувшись на руках, втащил тело наверх. Тяжело дыша, он принялся озираться по сторонам – вдруг и отсюда лучше побыстрее уносить ноги, – но адская какофония осталась внизу, ее отзвуки едва долетали до его слуха.

Кентон перекатился на спину, медленно, рывками втянул воздух сквозь стиснутые зубы и застонал. Боль от сломанных ребер и прочих повреждений, о которой он на мгновение успел позабыть, дала о себе знать с прежней беспощадной силой. Отдышавшись, Кентон окинул взглядом место, в котором оказался. Комнату наполнял тот же радужный свет, что и камеру внизу, но только здесь сияние его было в тысячу крат интенсивнее. Источник, из которого изливались потоки жидкой магии, по всей видимости, находился где-то в центре комнаты; потолок представлял собою необъятный купол. И повсюду, куда ни кинь взгляд, тянулись ряды полок, заполненные диковинными предметами, при виде которых юноша ощутил благоговение.

Наконец, вопреки всему, Кентон попал в Проклятое хранилище.

Едва этот факт дошел до его сознания, как внизу все стихло, и Кентон почувствовал – не просто понял, а именно почувствовал, – что опасности быть погребенным заживо больше нет. Ему подсказал это тот же инстинкт, благодаря которому он смог воспользоваться мечом Аннава или безошибочно распознавал назначение любого артефакта, лишь прикоснувшись к нему.

Проклятое хранилище само по себе являлось артефактом. Зачарованное место, созданное специально для того, чтобы скрывать и защищать предметы, оскверненные колдовством, кровью и магией. Даже если снаружи обрушится весь мир, эти стены не дрогнут. За их пределами Кентон – урод и изгой, но здесь он сокрыт от глаз и людей, и богов. Это внезапное осознание принесло с собою странное, прежде неведомое Кентону чувство глубокого умиротворения. С восторгом наблюдая за переливами магического сияния, он наконец признался себе в том, что сам всю жизнь отрицал: Академия никогда не была ему домом. Много лет он притворялся, чтобы не выделяться среди остальных, но так и не стал здесь своим. Да и не мог стать, ведь он – воплощение всего, что Академия рьяно преследовала. Он – сосуд для магии.

Теперь, в окружении тысяч артефактов, он чувствовал себя на своем месте. Эти предметы, созданные магией, никогда его не осудят и не отвергнут. Любить его они тоже не будут, ну да невелика потеря. Он всегда был монстром, а теперь, без сомнения, еще и выглядит соответствующе. Губы разо-

рваны, нос сломан. Стекланные глаза без век, на лице живого места не осталось – сплошь порезы, ссадины и кровоподтеки. Наверняка в Хранилище найдутся целебные эликсиры, но человеческие глаза они ему не вернут и от шрамов не избавят. Кентон медленно поднял руку и провел пальцами по затвердевшей, исполосованной ранами коже на скулах.

Теперь он самый настоящий кеокум. Гадкий уродец, несущий в себе скверну магии и помеченный Кеосом. Чем скорее он смирится с этой истиной – и перестанет считать себя одним из *этих*, – тем лучше. То, что произошло с ним за эти последние несколько часов, что-то необратимо изменило в его душе.

«Шли бы вы, Тосан и древние, прямиком в печь Кеоса, вместе со своей Академией, – подумал Кентон. – Впрочем, похоже, вы уже там. Я жив – а вы нет. И никому из вас ваши дурацкие правила не помогли».

Он вспомнил, с каким ожесточением бился за титул аватара, как стремился занять почетное место среди мастеров Академии. Вспомнил, как был горд в момент своего триумфа – и как Тосан растоптал его гордость, назначив в помощники этому дряхлому старикашке Нараху. Но теперь все эти убления мертвы или разбежались кто куда, и Кентон им больше ничего не должен.

Тут он подумал о Маюн. Среди трупов он не видел ни одной знающей девы. Как знать, вдруг им всем удалось вовремя убежать? Если так, то жива и Маюн. Она больше не лю-

бит Аннава – она отвергла его – и, быть может...

Но нет. Аннев и тут постарался. Если Маюн и жива, Кентон ей не нужен. Такой – не нужен. Спасибо тебе, Аннев. Впрочем, если бы Маюн узнала, что ее бывший женишок-предатель запер Кентона в своей камере, она и пальцем не пошевелила бы. Ее неверное сердце подсказало бы ей плюнуть на несчастного и оставить гнить в подземелье.

Да горите вы все огнем.

Кентон заскрипел зубами от злости. Он ненавидел Аннава всей душой – за то, что этот мерзкий лжец не сумел удержать свой секрет при себе, за то, что вероломно разрушил все надежды и планы Кентона. Кеос свидетель, когда их пути пересекутся, этот однорукий подонок захлебнется в собственной крови. Но сначала нужно выбраться отсюда, а для этого Кентон должен примириться с магией, которую так долго отрицал.

Кентон сел на пол, выпрямил спину и сделал глубокий вдох. Затхлый воздух тут же осел на языке, принеся с собой горьковато-сладкий привкус магии. Кентон распознал в нем нотки крови, меди и забродившей сахарной свеклы. Эхо магии прокатилось по его телу, проникло в кости. Это была безграничная древняя сила. И Кентон знал, откуда она берет начало. В центре Хранилища стоял громадный колодец, до краев наполненный золотой жидкостью, от которой исходило радужное сияние. У Кентона мелькнула мысль, что, даже будь у него прежние, человеческие глаза, он все равно уви-

дел бы разлитую в воздухе магию. Она была не менее зрима, чем пар, поднимающийся от горшка с кипящей водой. Кентон встал на ноги и направился к источнику магии. Подойдя к колодцу, он увидел углубления, через которые жидкость изливалась в выдолбленные в полу желобки. Они отходили от колодца, подобно спицам невообразимого колеса, и простирались до самой стены, построенной по периметру круглой, увенчанной куполом комнаты.

Кентон не понимал глифов и охранных заклинаний так, как Тосан и Нарах, и не мог читать священные тексты так же легко, как Аннев или Содар. Его талант заключался в другом: он тонко чувствовал особенности магии, исходящей от любого артефакта. Он тщательно скрывал свои способности и долго пытался убедить самого себя, что это лишь плод его фантазии, но преуспел лишь отчасти.

Всю жизнь его окружал мерный гул голосов: высоких и низких, громких и тихих, настойчивых и вкрадчивых. А он упрямо их не замечал, отмахиваясь от слов, в которые превращались эти голоса в его голове. Но здесь, в Проклятом хранилище, он слышал, как бьется самое сердце магии, отдаваясь мощным эхом в глубине его существа и заявляя о своем предназначении.

Скрывать. Защищать.

Кентон посчитал золотые ручейки, исчезавшие под полом Хранилища. Их было двенадцать. Он по-прежнему не мог видеть сквозь стены комнаты, но это ему и не требовалось:

он уже понял, что ручейки несут волшебную жидкость к двенадцати камням, стоящим по периметру Шаенбалу. Кентон не сомневался, что если бы сейчас он находился рядом с любым из камней, то ощущал бы ту же пульсацию магии.

Скрывать. Защищать.

Два дня назад он почувствовал нечто странное, исходившее от древнего замшелого камня у западной границы деревни. Тогда все его мысли занимала миссия в Банок, поэтому он не придавал этому большого значения. Правда, ему было интересно: Фин с Анневом тоже ощутили эту вибрацию? Спрашивать у них он, само собой, не стал.

Кентон перевел взгляд с колодца на несметные ряды полок: пришла пора заняться артефактами. Хромая, он доковылял до ближайшей полки и увидел, что она заставлена флакончиками янтарного цвета. Каждый был наполнен какой-то светящейся жидкостью. Новые глаза подсказали Кентону, что эта жидкость – алхимическая смесь, которая заживляет раны и придает бодрость духа. Он не сразу сообразил, откуда ему это известно, пока не заметил переливающуюся крупицу какого-то вещества, плавающую внутри каждого бутылка. Она-то и содержала в себе магию.

«Кровь», – догадался Кентон.

Крупица была крошечной, но инстинкт подсказал Кентону, что он не ошибся. Более того, Кентон знал, что это не обычная кровь, а кровь терранца, который обладал невероятной способностью к самоисцелению. Аватар протянул ру-

ку, коснулся пальцами флакончика с мутноватой оранжевой жидкостью и тут же услышал голос магии.

Ты ранен, но я исцелю тебя. Выпей меня. Стань единым целым со мной. Позволь мне вспомнить, кто я.

Кентон, словно в тумане, взял бутылек, вынул из него пробку и поднес его к губам.

«Что я творю? – мелькнула в голове мысль. – А вдруг это яд? С чего это я должен его пить?»

И вдруг Кентон понял, что содержится внутри, – об этом сообщила ему сама бутылочка. Кровь инквизитора.

Я дарю тебе исцеление. Разреши мне показать, на что я способна.

Кентон наклонил бутылек, чувствуя, как маслянистое содержимое обжигает горло. Ощущение вышло не из приятных, он кашлял и отплевывался, но выпил все до последней капли. Жидкость имела привкус апельсиновых корок, шафрана и золы. По всему телу разлилось необыкновенное тепло. В носу засвербело, и Кентон почувствовал, как зашевелились размозженные хрящи. Жаркая волна с ароматом подкопченного медового вина набежала на сломанные ребра, потом отхлынула к искалеченным ногам, без остатка вымывая боль. Кентон сделал глубокий вдох и улыбнулся: он чувствовал себя великолепно.

Юноша облизнул губы, пытаясь вновь ощутить вкус магии, но его уже не оказалось.

«Любопытно», – отметил про себя Кентон и взял другой

флакон.

Я могу исцелить тебя, тут же раздался в его голове шепот. Я очищу твою кровь, залечу раны. Ты только попробуй меня... попробуй...

Кентон поставил бутылек на место. Что-то здесь явно было не так. На соседней полке стояли стеклянные пузырьки разных форм и размеров, заполненные порошками, жидкостями и вязкими маслами. Кентон коснулся серого полупрозрачного флакона и вперил взгляд в клубящийся зеленый дым внутри.

Умри.

Голос, если это можно было так назвать, раздался где-то в области затылка.

Угасни. Смолкни навсегда.

И вдруг к нему присоединился второй голос, совершенно не похожий на первый:

Расти. Захватывай... владей.

До Кентона дошло, что это разговор – два вида магии крови беседовали друг с другом, – и, пока он вслушивался, его посетило видение: какие-то зеленые споры заполонили его легкие, и ему стало нечем дышать...

Он поспешно вернул бутылек на полку и вздрогнул. А что, если он пробыл под землей так долго, что и правда рехнулся? Эти голоса... они не настоящие, артефакты не издают ни звука – но он все равно чувствует их предназначение. Эти предметы рассказывают ему о себе, но на другом, глубин-

ном, бессловесном уровне. Кентон дотронулся до пузырька с каким-то серым порошком и сосредоточился, готовый выслушать очередное послание.

Однако ничего не почувствовал.

Тогда он опустил глаза, всмотрелся вглубь серой массы – и двери его сознания распахнулись настежь под напором магии.

Дотронься до меня, зашептал голос в его голове. И отныне тебя не тронет никто. Внутри меня – позволь стать твоей кожей – и я дарю тебе защиту. Отныне ты ничего не почувствуешь. Я стану твоим щитом. Коснись меня – и больше тебе не придется касаться чего бы то ни было.

«Железорожденный, – догадался Кентон. Он как будто попробовал магию на язык и по вкусу определил ее принадлежность. – Когда-то ты звался железорожденным».

Да, откликнулся порошок, пульсируя в ладони Кентона. Я железорожденный, и ты станешь таким же, как я, если коснешься меня... коснись меня...

Но Кентон поставил бутылочку на полку. Теперь он знал, что должен искать. Хитро ухмыляясь, он потянулся за флаконом с янтарной жидкостью.

Выпей меня. Позволь мне исцелить тебя. Я могу...

«Ага, ты инквизитор, – подумал Кентон. – Точнее, был инквизитором-терранцем. Твоя магия лечит».

ДА! Флакон так и затрепетал в предвкушении у него в руке. Выпей меня, молю! Позволь мне вспомнить, кто я.

Кентон, не обращая внимания на зов магии, поставил флакон обратно. Едва он убрал руку от стекла, как голос в его голове зазвучал намного тише, однако Кентон все равно слышал его... до тех пор, пока не отвел взгляд.

Очень интересно. И почему он раньше этого не замечал? Может, все дело в его глазах? Что, если аклумера не только наделила его сверхъестественным зрением, но и возвала к жизни некие скрытые способности? Он поднял глаза к потолку, нашарил на полу меч, подобрал его и поставил, приклонив рукоятью к стеллажу с полками.

Я воздух, зашелестел в голове знакомый голос. Этот меч – мои ножны, а я – край его клинка...

– Значит, меч я слышу, даже если не гляжу на него, но на эликсиры обязательно должен смотреть, – проворчал Кентон. – Почему?

Не придумав никакого объяснения, он опустил взгляд на лезвие – и тут же ощутил мощную пульсацию в голове. Вкрадчивый шепот перешел в громкий крик.

Кентона осенило.

– Получается, глаза усиливают мои способности. Прикосновение к артефакту помогает мне сосредоточиться на его магии, а если на него еще и смотреть, то голос магии становится намного громче.

Чтобы подтвердить собственную догадку, он уставился на клинок: воздух вокруг серебристого металла замерцал голубым и розовым цветом и сгустился, превратившись в ост-

рейшее лезвие. Кентон настроился, пытаясь почувствовать кровь, создавшую меч, – и тут же потерял с ним связь. Тогда он попробовал по-другому. Не отрывая взгляда от артефакта, он расфокусировал зрение, и, когда картинка перед глазами поплыла, сменяя цвета, он мысленно задал вопрос: «Кто ты, создатель этого меча?»

Щитоносец, ощутил юноша ответ внутри себя. *Я сжимаю воздух. Я защищал Содара. А теперь буду защищать тебя.*

«Содара? Значит, ты служил старику, а потом он отдал тебя Анневу».

Меч задрожал, выражая свое согласие.

«Невероятно», – в очередной раз подумал Кентон.

Неужели меч действительно обладает зачатками разума? Неужели у него есть душа, или вроде того?

Я Милость, пульсировало лезвие, *я воздух, я лед. Я острие бритвы. Я – кровь щитоносца.*

«Ясно. Значит, полумразумный». Кровь, создавшая этот артефакт, помнила, кем при жизни был человек, в венах которого она текла.

Кентон перевел расфокусированный взгляд с меча на бесчисленные полки с артефактами, объятые красным маревом магии, и чуть не лишился дара речи.

Амулет внетелесности.

Перчатки неукротимости.

Сапоги скрытности.

Пояс силы.

Обруч злонамеренности...

Тысячи артефактов взывали к нему, и воздух в комнате дрожал и вибрировал, наполненный сонмом голосов, шепчущих мольбы и обещания.

Надень меня. Подними меня. Выпей меня. Разбей меня.

Я согрею тебя. А я заглушу твои шаги. Со мной ты станешь сильнее.

Я укажу тебе путь. Я остановлю вражескую стрелу.

Я скрою тебя от злых глаз. А я спасу от злонамеренной лжи.

Используй меня. Возьми меня. Съешь меня.

Позволь вспомнить, кто я... кем был когда-то.

Стань со мной одним целым.

Не в силах больше этого выносить, Кентон уставился в пол, и мир перед глазами вернулся к своему нормальному виду. Прижав ладони к вискам, аватар медленно поднял голову и снова окинул полки взглядом.

Теперь он знал, как выберется отсюда. Нужно лишь найти подходящие артефакты, а это проще простого, ведь ему известны секреты каждого из них.

Всего два дня назад Тосан назначил его мастером проклятий, и Кентон рвал и метал, сочтя этот титул едва ли не личным оскорблением. Однако теперь, окруженный несметным числом проклятых артефактов, он чувствовал себя превосходно. Мастера и древние еще пожалеют, что относились к нему как к пустому месту. Но сначала надо найти Аннава.

Пришла пора мастеру печали узнать, что на самом деле означает его титул.

Глава 16

Кентон не спешил. Вместо того чтобы схватить первую попавшуюся перчатку или темный жезл, он переходил от одной полки к другой, скрупулезно изучая их содержимое. Ему требовались артефакты не только мощные, но и подходящие по размерам и весу. Хорошо иметь в своем распоряжении целый арсенал, но тащиться черепашьям шагом, сгибаясь под тяжестью магических помощников, Кентону вовсе не хотелось. И потому, даже обнаружив пояс силы, он продолжал придиричиво взвешивать в руке каждый артефакт, который, по его мнению, мог ему пригодиться.

Так происходило ровно до того момента, пока ему не встретился плащ тайнств.

Едва взгляд Кентона упал на сверток черной ткани, как юноша сразу же ощутил непреодолимое желание прикоснуться к нему и раскрыть его тайну. Плащ оказался необычайно гладким, словно поверхность подтаявшего льда, и Кентону пришлось постараться, чтобы зафиксировать на нем взгляд: лоснящаяся материя, казалось, так и норовила выскользнуть из поля зрения, как будто помимо нитей содержала в себе тончайшие волокна самой настоящей тени. *Я скрою тебя. Сохраню твои тайны. Спрячь в меня свою*

*ношу. Отдай мне свой меч, доверь все забавы и горечь, при-
творство и ложь. Я их спрячу от света – от всего мира, –
и ты будешь свободен от их оков.*

Однако главный секрет артефакта Кентон узнал, лишь на-
кинув плащ на плечи. *Я повидал мир и познал его тайны.
Тебе стоит лишь пожелать – и я покажу тебе их. Унесу
тебя в земли чудес... где тебя никто не найдет.*

Так вот как плащ лишился своих предыдущих владельцев.
Это была ловушка. Кентон чувствовал, как ткань дрожит от
нетерпения, жаждая получить его согласие прикоснуться к
темным тайнам, сокрытым в черных лоснящихся складках.
Краем глаза он даже видел эти миры, населенные тенями и
ночными кошмарами. Плащ с радостью унесет его в любой
из них, стоит лишь попросить, и бросит его там на произ-
вол судьбы. Одной темной тайной больше – одним искателем
приключений меньше.

Не на того напал.

– Твоя магия, – громко сказал Кентон, – это магия крозе-
ранцев... ты был ткачом пустоты?

Плащ молчал. Кентон сомневался, что артефакт вообще
его слышит, а если и слышит, то вряд ли понимает, но все
равно продолжал говорить:

– Человек, который создал тебя – чью кровь содержат твои
нити, – умел управлять материей и путешествовать между
мирами. Я прав?

Ткань затрепетала на его плечах, и Кентон ощутил суть

создавшей его магии крови. Мягкость и чувственность соединялись в ней с острой пронизательностью ума.

«Это женщина, – догадался Кентон. – Ее волосы были черны, как ночь, а кожа – бледна, подобно лику луны».

Этот образ напомнил ему о другой женщине – моложе, почти столь же привлекательной и, без сомнения, не менее опасной.

Содья Рокас. Та самая, что в последний момент выкрала у них из-под носа жезл принуждения, который они должны были забрать у Янака Харта в Баноке. Выходит, у этих женщин есть что-то общее, но что?.. Неужели кровь? Да, именно! Обе они крозеранки, обе почитают Дорхнока, бога теней. Удивительно, как много можно узнать, если прислушиваться к шепоту артефакта.

Занятно.

Кентон уставился на нить магии, вплетенную в ткань плаща, и вдруг на черном фоне что-то блеснуло. О да, этот плащ действительно хранил массу секретов! Кентон потянулся к карману, пришитому на уровне локтя, и вынул из него тонкий черный жезл.

Жезл из эбонитового дерева, необычайно гибкий, был длиной с его предплечье; поверхность покрывали рунические знаки стального цвета, поблескивающие в радужном свечении, которое наполняло комнату. На губах Кентона вновь заиграла довольная улыбка.

Жезл пустоты. Едва Кентон подумал об этом, как в голо-

ве тут же раздалось эхо магии. Если плащ таинств являлся дверью в иной мир – ловушкой для легковверных, – то жезл пустоты представлял собой ключ от этой двери. И пока этот ключ у него в руках, Кентону ничего не грозит – он может спокойно путешествовать по мирам, сокрытым в плаще, и возвращаться, когда пожелает.

Кентон хихикнул. Потом захохотал и долго не мог остановиться, слушая гуляющее по Хранилищу эхо. А когда наконец умолк, то с удивлением обнаружил, что чувствует себя намного легче, словно плащ и вправду взял на себя бремя его забот. Теперь-то он запросто выберется из Академии, ведь у него на плечах – дверь, ведущая туда, куда он пожелает! Кроме того, больше не имело никакого значения, насколько велик или тяжел артефакт, поэтому Кентон принялся сметать с полок все, что казалось ему хоть сколь-нибудь полезным, и рассовывать по волшебным бездонным карманам. Перчатка, которая, если надеть ее и прикоснуться к человеку, давала возможность почувствовать его истинные эмоции; увесистый фолиант, под чьей обложкой хранилась сотня древних библиотек и десять тысяч исчезнувших с лица земли книг; тоненький ключ, отпирающий все возможные замки; пара колец, с помощью которых можно подчинить волю любого человека – нужно лишь надеть кольцо ему на руку. Кентон сунул палец в одно из колец – на всякий случай, – а второе спрятал в карман.

Потом на глаза ему попало кольцо памяти. Кентон при-

коснулся к нему и, удостоверившись в его свойствах, надел на средний палец левой руки. Кольцо тут же принялось за работу: мысли Кентона прояснились, он почувствовал, как кольцо вбирает в себя все, что он видит и слышит, до мельчайших подробностей. Еще одна бесценная находка! Кентон улыбнулся. Теперь ему не придется вспоминать о назначении каждого артефакта – достаточно лишь однажды узнать, что умеет магический предмет, а кольцо сохранит эти сведения и выдаст в нужный момент.

Когда Кентон увидел глиняный кувшин, то захотел и его взять с собой. С минуту он озадаченно глядел на громоздкую посудину – такую в карман не спрячешь, – а потом его осенило. Он обернул кувшин в полу плаща и высказал мысленно свое желание. Потом резко отдернул плащ, скинул с головы капюшон – и волшебная материя поглотила артефакт.

Отлично – но как теперь его вернуть? Немного поразмыслив, Кентон понял, что нужно делать. Он снова накинул капюшон. Представил себе кувшин – и мгновение спустя тот уже стоял у его ног. Проще простого. Потом повторил первое движение – и кувшин снова исчез в бездонном тайнике.

Кеос всемогущий, вот это да... Может, когда-нибудь я к этому привыкну.

Теперь, когда он узнал новый секрет своего плаща, Кентона было не остановить. В бездну, висящую на его плечах, летело все подряд: мешки, флаконы, одежда, украшения, оружие... Завидев прислоненное к стене копье, кото-

рое было выше его роста, Кентон на мгновение задумался, но, пожав плечами, направился дальше. В конце концов, *все подряд* хватать необязательно. Он решил сосредоточиться на тех артефактах, которые можно надеть на себя: мощный амулет регенерации с огромным гранатом, содержащим в себе кровь двенадцати инквизиторов; сапоги безмолвия, создававшие вокруг своего хозяина сферу, из которой во внешний мир не проникало ни звука; штаны из шкуры пантеры, в которых Кентон чувствовал себя необычайно гибким и быстрым, словно огромная кошка, а еще хитрым и сильным – как егерь-шалгарн, который убил ее.

Кентон окинул взглядом то, что осталось на полках. Он взял себе от силы пятую часть артефактов, но этого хватило бы, чтобы доверху наполнить дюжину повозок.

– Пожалуй, хватит, – сказал Кентон, обращаясь к оставшимся предметам, словно те были людьми: узниками, пристально наблюдавшими за ним в ожидании, что он наконец даст им свободу.

Да, хватит. А если ему понадобится что-то еще – он всегда может вернуться.

Кентон накинул на голову капюшон, повел плечами, разминая мышцы спины, и запахнулся в черную, как ночь, гладкую материю. Мир его презирал. Мастера и древние травилы. Тосан выставил его посмешищем. Аннев сделал его чудовищем.

Они заплатят за это – все до одного.

Таинственные артефакты, которые Академия веками выслеживала, собирала по всей Империи и хранила как зеницу ока, превратились в оружие, которое ударит по ней же самой без всякой жалости. А он, Кентон, больше не мастер проклятий, а властелин проклятой магии.

А сейчас требовалось выбраться отсюда.

Кентон задумался. Можно прорубить себе путь наверх – теперь, имея в своем распоряжении сотни артефактов, это не составит труда. А можно воспользоваться плащом-порталом и в два счета оказаться на поверхности. Второй вариант, хоть и выглядел намного проще, Кентону нравился меньше: плащ-ловушка по-прежнему не вызывал у него доверия.

Кентон взял Милость в правую руку, на которую надел перчатку, – голос артефакта стал почти неслышным, – и направился ко входу в Хранилище. Там он некоторое время стоял, задумчиво взирая на громадную дверь из железного дерева, потом потер шершавый от щетины подбородок и вынул из кармана ключ-отмычку. Приблизившись к двери, Кентон осмотрел цилиндрический замок. Чутье подсказывало, что отмычка тут бесполезна, но Кентон все равно решил попытаться счастья и сунул ее в механизм. Чуда не произошло – как он и предполагал, артефакт открывал лишь обычные замки. Кентон снова положил ключ в карман и повернулся к двери спиной. Его взгляд без труда проник сквозь стеллажи с артефактами, и Кентон увидел в полу люк, через который он сюда и попал. Однако возвращаться в камеру ему вовсе

не хотелось. Что, если опять начнет трясти и на него обрушится потолок? Может, насмерть его и не раздавит, но он все равно может задохнуться. И даже если с помощью магии ему удастся выжить, он снова будет погребен под тоннами камней, и надежда на то, что он когда-нибудь выберется из-под них, крайне мала.

Так что же делать? Вдруг внимание Кентона привлек сияющий ручеек, стекающий в злополучную камеру. Кентон направился вдоль ручейка в центр комнаты, откуда и изливалась золотая жидкость. Подойдя ближе, он заметил, что источник аклумеры обнесен невысокой каменной стеной, а все полки с артефактами заканчиваются примерно в двадцати-тридцати шагах от нее.

Все это время Кентон держался как можно дальше от источника. Стоило ему лишь взглянуть в его сторону, как внутри все холодело от животного ужаса. Ему до сих пор было страшно, однако теперь, облаченный с ног до головы в артефакты, он чувствовал себя чуть более уверенно и отважился подойти к бассейну почти вплотную. Кентон слегка наклонился вперед, чтобы оценить, насколько он глубок, и оторопел: это оказался самый настоящий колодец. Здесь не обнаружилось ни ворота, ни ведра, с помощью которых можно было бы зачерпнуть волшебной жидкости, но стена, окружавшая источник, доходила Кентону едва ли до бедра, а сияющая поверхность колыхалась всего лишь в нескольких дюймах от края. Достаточно лишь протянуть руку...

Кентон сделал еще шаг и нагнулся над колодцем. Субстанция, переливающаяся всеми цветами радуги, манила и завораживала. Кентон увидел, что она заполняет очень глубокую шахту, которая оканчивается гротом. Магия клубилась внутри колодца и вырывалась наружу, окутывая Кентона своей аурой, а он все глядел и глядел в ее глубины, не в силах оторвать глаз от пленительной игры света и красок.

Аклумера.

Магическое вещество, состоящее из кваира, люмена и т'расанга и существующее лишь в мифах. Символ безграничного потенциала. Легенда и ложь. Материал, из которого были созданы боги и мир. Все эти слова являлись для Кентона пустым звуком: он считал их недостойными внимания рассказами и, естественно, даже подумать не мог, что жидкость, которой Аннев его ослепил, представляла собой аклумеру. А теперь он стоял у колодца, до краев наполненного субстанцией, существование которой всегда отрицал.

Она весело бурлила на дне колодца, заключая в себе все бесконечное множество вариантов будущего. Источник жизни и смерти, земли и металла, воздуха и воды, света и огня – аклумера двигалась, не останавливаясь ни на долю секунды, и движение ее не было беспорядочным. В нем чувствовался особый смысл, словно сама субстанция являлась живым существом.

И тут Кентон понял, что она действительно живая. В потоках магии носились души мертвых и еще не рожденных.

Кентон видел личики детей и младенцев, иссохшие, морщинистые лица стариков – они кружились в водовороте аклумеры, запертые в пространстве между мирами, и чем дольше Кентон смотрел на них, тем отчетливее понимал, что души и есть магия, это из них состоит золотая жидкость и исходящий от нее радужный свет...

И вдруг одно из лиц вынырнуло из вязкого потока, и призрак начал быстро расти, приобретая четкие формы. Это был дух мужчины, высокого и худощавого, с суровым лицом и аккуратной козлиной бородкой.

Старейший Тосан!

Издав оглушительный вой, призрак бросился на Кентона и проник ему в глаза, наполнив юношу холодной волной страха, отчаяния и гнева.

«Ты!» – прошипел разъяренный голос у Кентона в голове.

«Тосан? – Аватар отшатнулся от колодца. – Во имя Кеоса, что...»

«Ты, мастер Кентон, – продолжил голос, – владеешь магией. Как и тот проклятый кеокум Айнневог. И все это время ты успешно водил всех за нос... даже меня».

«Как вы это делаете? – Ошарашенный Кентон пяtilся все дальше, пока не наткнулся спиной на стеллаж. – Как вы оказались у меня в голове?»

«Тебе и правда интересно? – с издевкой спросил Тосан. – Все пошло не так! Я должен был, как Брон Глоир, занять тело первого попавшегося человека, а вместо этого застрял

здесь, с тобой!»

«Это Аннев привел тех монстров в деревню? Это они вас убили? В Академии я не видел вашего тела...»

Кентон чувствовал, как призрак копается в его воспоминаниях, ворошит их и перетряхивает, выбирая нужные. Ощущение было премерзким, и Кентон замотал головой, пытаясь выгнать из нее назойливый дух.

Но тот лишь рассмеялся, зло и презрительно.

«Вы любили мою дочь, не так ли, мастер Кентон? Как много, оказывается, у вас общего с тем Кеосовым отродьем. Хвала богам, она покинула этот мир раньше, чем ты успел заразить ее своей скверной. И она никогда не увидит, каким монстром стал я сам».

«Маюн... Я надеялся, что она выжила. Как... как она умерла?»

В его сознании тут же возникла картина: он был Тосаном, а Маюн стояла рядом, испуганно цепляясь за его мантию. Аннев поднял объятую огнем золотую руку, вскрикнул, и из его ладони, сияющей ослепительно, словно солнце, вырвался столб пламени. В этот момент Тосан нарочно замедлил ход воспоминаний, и Кентон почувствовал, как жидкий огонь течет по его вытянутой руке, расплавляя пальцы и золотое кольцо, кисть и предплечье. Маюн отпрыгнула в сторону... и тут мир перед глазами запылал оранжевым пламенем. Кентона закружило, словно лист на ветру, а потом потянуло вниз, под землю.

«Все пошло прахом, – раздался в его голове рычащий голос Тосана. – Моя душа должна была переселиться в другое тело. Я должен был обмануть смерть. А вместо этого меня затащило сюда. Ритуал не сработал, но почему? У Брона Глоира ведь получилось, – впрочем, он был блуждающим, может, дело в этом...»

Тосан умолк. У Кентона внутри все оборвалось.

«Аннев убил Маюн, – с горечью подумал он. – И меня не было рядом, чтобы ему помешать...»

«Ты все равно не смог бы ее спасти, – ответил Тосан. – Никто бы не смог. Эту чертову руку было не остановить. Она вырвала меня из тела и отняла у Маюн жизнь. Аннев взбесился, он набросился на мою дочь с такой яростью, словно в него вселился сам Кеос».

Кентона затрясло. Этот подонок обвел Маюн вокруг пальца, охмурил бедняжку, заставил позабыть о любви к Кентону, а потом, когда она разоблачила его и отвергла, зверски убил.

«Я раздавлю его, – думал Кентон. – Уничтожу все, что ему дорого. Я превращу его жизнь в бесконечное страдание, и смерть покажется ему счастливым избавлением. Но перед тем, как убить его, медленно и мучительно, я покажу ему, кто истинный творец его печалей. О да, он будет молить меня прикончить его, но спешить я не стану. Я...»

«Не ты, – вторгся в его мысли ледяной голос Тосана. – Ты ничего не сделаешь Айнневогу, потому что кару он понесет

от моей руки. Это я призову его к ответу – но ты мне поможешь. Вернее, твое тело. А сам ты мне не понадобишься».

В следующий миг невидимые острые когти впились ему в нутро, и Кентон почувствовал, как злая неукротимая сила выталкивает его из тела. Он попытался дать отпор, уцепиться за ускользающее сознание, но это было все равно что хвататься за воду. Тосан выдирает из него его личность, саму его душу, не оставляя Кентону ни малейшей надежды.

Но помимо яростной воли призрака, бесцеремонно хозяйничающего внутри его телесной оболочки, Кентон ощущал присутствие некой иной силы. Ее нежный, но настойчивый голос звал за собой, суля спасительное забвение...

«Аклумера», – догадался Кентон.

Магия, бурлившая в колодце, накатывала на него пульсирующими волнами, и с каждой новой волной его память о самом себе размывалась все больше. Его неудержимо влекло к источнику жидкого света, он уже слышал духов, зывающих к нему из аклумеры, умоляющих дать им еще одну жизнь, – а потом услышал собственный крик, слившийся с оглушительным хором мертвецов. Тем не менее он все еще боролся, чтобы остаться в собственном теле, и сопротивлялся и яростному натиску Тосана, и безжалостному притяжению аклумеры.

Я умираю, вспыхнуло в угасающем сознании. Бесплезно бороться с призраком, противиться зову аклумеры... Через считанные секунды торжествующий дух Тосана займет его те-

ло, а он, Кентон, исчезнет. Навсегда.

Часть 2

Я не вижу в этом воли Одара. Сомневаюсь, что он вообще когда-либо говорил со мной... но уверен, что он благословил бы мое решение. Какая восхитительная ирония – обратить оружие Кеоса против него самого и его приспешников! Итак, я со всей серьезностью приступаю к исследованию (...)

Признаться, эта нечестивая магия приводит меня в стран-

ное волнение. Я не верю, что это Кеос взывает ко мне, я не слышу гласа Люмеи или Одара. Магия словно бы существует сама по себе, независимо от воли богов и людей. В этой Кеосовой скверне мне чувствуется обещание жизни и неумолимость смерти. Это выше человеческого понимания. Иногда эта сила поглощает меня, и я почти не могу противиться ей. Даже сейчас я слышу ее зов, хотя вместилище этой богомерзкой магии находится глубоко подо мной (...)

В книге они зовутся ваятелями. Их порочные таланты не представляют для меня ни малейшего интереса, однако в этой связи мне вспомнились скульпторы душ, ильтерранцы, и сходные с ними блуждающие, встречающиеся среди ильдарийцев.

Из повествования о них я почерпнул, что скульпторы и блуждающие могут обмануть саму смерть. Книга не дает подробного описания этого процесса, а моих знаний недостаточно, чтобы самому делать выводы, и все же некие соображения у меня имеются. Вполне вероятно, что душа скульптора после смерти может переместиться в другой сосуд. Если так, то история Брона Глоира – вовсе не миф... И я не могу игнорировать доказательства и списать все это на фантазию. Я намерен внимательнейшим образом изучить все материалы, и, быть может, мне удастся отыскать истину. Подумать только, какое благо я совершу для Академии, если раскрою секрет Брона Глоира! (...)

Надежда есть. Я отправил Дюварека на север, однако со-

мневаюсь, что ему удастся найти там что-то ценное. Слишком много времени прошло с тех пор, как состоялся ритуал и проклятый орден Брона Глоира был распущен. Если и остались уцелевшие записи, искать их наверняка следует в Хранилище или в руинах Спеур Дун (...)

Разгадка близка. Я от корки до корки перевел эту разваливающуюся от древности книжонку по черной магии и пришел к выводу, что в рецепте эликсира отсутствует какой-то ингредиент. Дюварек сделал наброски фресок Спеур Дун, которые пролили свет на некоторые моменты ритуала, до сих пор остававшиеся для меня неясными, однако кое-чего недостает. Это некое вещество, провоцирующее трансмутацию, причем скульптору необходимо иное вещество, нежели ловцу. Я перепробовал много субстанций, но ни одна из них не дала удовлетворительного результата. Мысль о том, что придется остановить мое исследование, пока я не найду последний ингредиент, мне ненавистна – ведь я почти у цели! – однако ничего не попишешь. Быть может, Одар увидит, с каким рвением я вновь следую своему призванию, и, убедившись в праведности моих изысканий, явит мне ответ (...)

Яд кольцевой змеи! Свойства непостоянны. Загадка. Кеокумы? Возможно, ключ к чарам бессмертия Брона Глоира. Провести опыты (...)

Кажется, мне удалось. Эликсир... это чистая магия, я чувствую ее. Как я и предполагал, недостающим ингредиентом был яд кольцевой змеи, – однако выяснилось, что не он один:

для того чтобы эликсир подействовал, необходимо добавить в него кровь еще живого человека.

Не скрою, моя досада не знает границ. Я не могу зайти так далеко, иначе поставлю под удар свою жизнь. Пусть цель моя священна, я не стану доводить ритуал до конца, пока того не потребует нужда. Однако эликсир и кинжал всегда при мне, и, клянусь, я не упущу возможности довершить начатое. А таковая непременно появится – иначе для чего еще Одар проклял меня нечестивой смесью илюмитской и терранской крови? Волею Всеотца нашего, я стану тем, кто разгадает тайну эликсира бессмертия (...)

Дюварек в плену у барона Харта. Кейиш подтвердил, что разум мастера теней поработан жезлом принуждения. Похоже, я недооценивал калеку... ну да теперь это не важно.

Я посылаю Аннава в Банок разобраться с Хартом. Юноша доказал свою безраздельную преданность Академии: он убил толстяка-торговца, как я и приказывал, и вдобавок прикончил Кельгу, которую я безуспешно разыскивал столько лет. С ним отправляются аватары Фиюнай и Кентон. Да, иронично. Кроме этой троицы, в Шаенбалу не найдется больше ни единого человека, кто был бы способен противостоять власти темного жезла. Разве что Маюн – но она еще не прошла жатву. Я постараюсь уберечь ее от этой судьбы – по крайней мере, до тех пор, пока она не разберется в истинных желаниях своего сердца.

Но молю вас, боги, пусть оно пожелает покоя и безопас-

ности, ибо я уже потерял Лану и даже не могу вообразить себе, что случится, если лишусь еще и Маюн. Я прокляну весь мир, заложу душу Кеосу, лишь бы защитить свою дочь (...)

Из дневника старейшего Тосана

Глава 17

Второй день пути прошел неспешно и без помех. С наступлением сумерек компания разбила лагерь, и все, кроме Титуса и Шраона, первыми несущих караул, с наслаждением забрались под одеяла и уснули. Через несколько часов караульных сменили Терин с Фином. Несмотря на предупреждения кузнеца о шныряющих по окрестностям разбойниках – а скорее благодаря его мудрым советам, – в лагере было тихо и спокойно. Когда настала очередь Аннева, Терин бесцеремонно потряс его за плечо, плюхнулся на свое одеяло и мгновенно заснул.

Аннев, поднявшись на ноги, с удивленной улыбкой покачал головой – и тут только заметил Фина. Аватар стоял, склонившись над предвещателем. Аннев набросил на плечи плащ и быстрым шагом направился к Фину:

– Проблемы?

Фин кивком указал на Цзяня:

– Ну и урод, скажи?

Аннев нахмурился:

– Он же не виноват, Фин. Он таким родился.

– Ну да – и хорошо, что не в нашей деревне, иначе и недели бы не протянул. – Фин шумно втянул носом воздух. – Как-то странно это – живет себе да живет, никто его не трогает. Поневоле задумаешься.

– О чем?

Фин поднял большой палец:

– Что из того, чему нас учили, правда – это раз. И два, – к большому пальцу присоединился указательный, – что из этого – ложь. Если уж такие, как этот чудик, спокойно ходят по земле – а по виду он такой же опасный, как Титус, – может, убивать их и не стоило? Или взять тебя: ты вообще без руки родился. По идее, тебя должны были забить камнями еще при рождении... но не забили – и ничего страшного не случилось. Ты вырос среди нас, тренировался, как все, и был вполне себе нормальным. Последние дня три не в счет. Вот я и думаю. – Он сделал короткую паузу. – Глупо, да?

– Нет, по-моему, ничуть.

Фин удовлетворенно кивнул:

– На самом деле я никогда не любил ни мастеров, ни древних. Я имею в виду, мне нравилась система – я знал свое место, и это место всегда было первым. Но ты молодец, ты вечно покоя им не давал своими вопросами. Думаю, мало кому из нас нравилось то, что нам втюхивали, но... что поделаешь? – Он поскреб макушку. – Может, и зря я тогда к тебе цеплялся.

– Ого... ты что, извиняешься?

Парень громко фыркнул и расправил плечи.

– Разбежался. Ты был придурком и выскочкой, и дать тебе по шее лишний раз было святым делом. – Фин прыснул со смеху, затем снова стал серьезен. – Я к тому, что в городе все будет иначе. Правила, по которым мы жили в Академии... они больше не действуют. Люди здесь другие, и мыслят они по-другому. Как знать, может, у нас и не получится сразу вписаться в эту новую жизнь.

Аннев пожал плечами:

– Ну и что? Я найду собственный путь. Как и всегда.

– Это точно. – Фин посмотрел на него, прищурившись. – Только не взрывавай все сразу же, потерпи с недельку, ладно? Дай мне сначала хоть немного подзаработать.

– Ничего не могу обещать, – улыбнулся Аннев.

– Засранец. – Фин ткнул его кулаком в плечо. – Ладно, я спать.

Он подошел к своему месту, сел на одеяло и принялся стягивать сапоги.

– Беляша уж сам разбуди. У меня от его глазенок мурашки.

Фин забрался под одеяло и повернулся на бок, спиной к Анневу.

Аннев обошел лагерь, потом снова остановился рядом с Фином. Тот уже дышал медленно и глубоко, но Аннев знал, что Фин лишь притворяется спящим. Он улыбнулся: кто бы мог подумать, что его злейший враг станет ему другом?

Пусть не закадычным – но все же... Аннев поднял глаза, всматриваясь в мерцающие вдалеке огни города. По периметру городской стены перемещались желтые пятнышки – факелы караульных, а у самых ворот горело несколько костров. Аннев надеялся, что это не разбойничьи костры, о которых говорил Шраон. В темноте ничего нельзя было разоб-
раться, но криков он не слышал, до этого тоже все было тихо – случись Фину стать свидетелем разбойничьего налета, он об этом непременно рассказал бы, – поэтому Аннев предпочитал думать, что люди у тех костров – всего лишь утомленные путники, спящие крепким сном.

Какой-то шорох отвлек его от мыслей. Это Цзянь Никлосс выбрался из мехов, служивших ему постелью, и встал рядом. В розовых глазах йомада отражался звездный свет. Аннев поприветствовал его кивком и шепнул:

– Пойдем заберемся повыше.

Они молча взобрались на холм, откуда хорошо просматривались и окрестности лагеря, и дорога, и парапеты, окружавшие город. К тому же здесь они могли говорить, не опасаясь разбудить спящих.

– Тебе следует знать, что ты сказал своему другу неправду, – произнес Цзянь.

– А, так ты не спал?

Цзянь кивнул, и Аннев тихонько рассмеялся.

– Что же это за неправда? – поинтересовался юноша.

– Ты сказал, что таким... – альбинос указал на глаза и до-

тронулся до бледного лица, – я родился. Это не так.

Предвещатель провел рукой по голове и показал Анневу кулак, в котором был зажат клочок жестких волос, больше похожих на щетину. Цзянь бросил их на землю.

– Я не был с рождения отмечен смертью. В твоём возрасте я был кареглазым, черноволосым юношей с бронзовой кожей. А когда в мою жизнь вошла магия, кожа начала светлеть, глаза поменяли цвет на красный, а потом стали розовыми. – Он повел плечами. – Это случается с терранцами, практикующими магию. И даже с новотерранцами, которые чтут молодых богов. Меняется наша кожа. Глаза. Иногда даже кровь и кости.

– Я... не знал, – пробормотал Аннев. – Я видел на затылке у Долин бронзу – но тогда я ещё не понимал...

«...что это метка Кеоса», – невольно прозвучало в его голове. Юноша прогнал эту мысль.

– Они все так меняются? – спросил он.

– Ты имеешь в виду людей из моего народа? Нет. О других племенах мне в точности неизвестно, но в Великой Терре у провидцев с талантом крови изменения протекают быстро. Бледная кожа и странный цвет глаз – красный, черный, а то и белый – это обычное дело. Случаются трансформации куда серьезнее.

– Это какие?

Цзянь грустно улыбнулся:

– Некроманты становятся ходячими скелетами или гнию-

щими трупами – в зависимости от того, каких мертвецов они поднимают из могил. – Он прикрыл глаза и вздрогнул. – Я оживляю лишь тех, кто покинул этот мир совсем недавно и чей смертный час был наполнен умиротворением. Я не касаюсь разложившейся плоти, не тревожу гневливых мертвецов и духов, чей покой не следует нарушать.

Аннев нахмурился:

– Зачем ты мне это говоришь, Цзянь?

– Потому что ради этого я и проделал свой долгий путь.

– Я думал, твоей целью было встретиться с Краснопалом и Луатас.

– Я сказал, что покинул родные земли, дабы отыскать ответы. На юге я повстречал егеря и илюмитов, и выяснилось, что наши помыслы схожи, однако в моем пророчестве говорилось не об этих людях. Я искал сосуд – носителя Длани Кеоса, ибо духи сказали мне, что он изменит жизнь моего народа.

Его слова Анневу ничуть не понравились.

– Понятия не имею, что тебе наговорили твои духи, но в Великую Терру я не собираюсь. Меня много кто ищет, и каждый чего-то от меня хочет, но мне все это неинтересно.

– Хм. Выходит, я заблуждался.

– Прекрати, ты ведь так не думаешь, иначе не пересек бы полконтинента и не стал бы проситься с нами в Лукуру.

– Если быть точным, то четыре континента: Западную Дароэю, Восточную Дароэю, Малую Терру и Великую Терру.

Наш мир поистине огромен, скажу я тебе.

– Ого, какое... долгое путешествие.

– По завершении которого я нашел тебя. Ты мастер печали и сосуд Кеоса, спасение и гибель. Если бы я не увидел тебя собственными глазами, то не поверил бы, что ты существуешь. – Цзянь умиротворенно вздохнул. – Надеюсь, в тот великий день, когда ты очистишь от гнили и смрада дорогую моему сердцу землю, я буду рядом с тобой.

От его слов Анневу стало не по себе.

– Напрасно надеешься. Я хочу избавиться от этой штуковины, пойми ты наконец. – Он поднял левую руку, спрятанную под перчаткой. – Как только попадем в Лукуру, я отыщу человека, который освободит меня от нее, и навсегда забуду об этом дурацком пророчестве, будь оно неладно.

Улыбка на губах Цзяня дрогнула.

– Значит, ты не сможешь моему народу?

Аннев беспомощно вздохнул:

– Цзянь, да я даже не знаю, что это за народ такой.

– Поэтому я тебе о нем и рассказываю.

Юноша покачал головой.

– Это чужаки, которые живут на другом конце мира, – произнес он, смягчившись. – Они мне не враги и не друзья. Я не собираюсь топтать через четыре континента, чтобы спасти их или уничтожить. Даже если возникнет на то причина – не стану. Потому что не хочу, понимаешь?

Цзянь умолк, размышляя над его словами. Небо за спиной

предвещателя уже посветлело. Приближался рассвет.

– Ты очень похож на Чада Торнбриара. Ты сам выбираешь, какой дорогой тебе идти, и все равно оказываешься там, куда приводит тебя Судьба.

Аннев натянуто улыбнулся:

– Никто меня никуда не приводит. Я сам себе хозяин. Придется Судьбе с этим смириться.

– А если он не пожелает? Если будет по-прежнему указывать, что тебе делать и куда идти?

– Тогда я нагрюну в его логово, вытащу этого умника из его теплой постели и затолкаю все его пророчества обратно ему в...

Взрыв хохота не дал ему договорить.

– Точно, так его! – воскликнул Цзянь, икая от смеха. – Задай ему трепку, ха-ха! Посмотрим, как Судьбе понравится, когда ему наконец надерут его священную задницу! Ха-ха, да!

От кого-кого, но от Цзяня Никлосса Аннев такого не ожидал. Он несколько секунд изумленно наблюдал, как этот странный белолицый человек корчится от смеха, и в итоге решил не вмешиваться: пусть посмеется. Потерев шершавый подбородок и напомнив себе обязательно купить в Лукуре бритву, Аннев оглянулся: небо на горизонте уже окрасилось в золотистый цвет.

– Пойдем разбудим остальных, – сказал он Цзяню. – Пора узнать, какие еще сюрпризы приготовил для нас Судьба.

– Ха-ха! И если что – ты покажешь ему, где раки зимуют, да?

– Посмотрим, Цзянь, посмотрим.

Глава 18

Один лунари...

– Сколько?!

– ...и шесть медных колес.

– Что за нелепица? Если бы я хотел, чтобы меня ограбили, то остался бы за воротами.

– Так оставайтесь за воротами. Следующий!

– погоди! С одной семьи полагается сбор в одну медяшку.

Уж я-то местные законы знаю.

Стражник, преграждавший проход, воззрился на Цзяня, лицо которого пряталось в тени капюшона; перевел взгляд на пухлого белобрысого Титуса; следом – на здоровяка Фина и его неряшливые дреды; наконец, уставился на бронзовые от загара ручки Шраона и, покачав головой, изрек:

– Если вы – семья, тогда я ваш дядюшка. Следующий!

– Да погоди ты! – заорал Шраон, не столько стражнику, сколько напиральной сзади толпе.

Оттолкнув какого-то парнишку лет шестнадцати, который норовил протиснуться мимо него, кузнец повернулся к телеге и достал из-под мешка с яблоками и зачерствелым хлебом цилиндр со свитком. Вынув свиток, он развернул его и сунул

в лицо стражнику:

– Я хотел сказать, что я их владелец. Они моя собственность, ясно тебе? И если вы тут под шумок придумали какие-то налоги для рабовладельцев, я Гильдию на вас натравлю, будь уверен.

Стражник мельком глянул документ и шмыгнул носом.

– Все равно один лунари – за телегу.

– Да она же почти пустая! Я здесь, чтобы покупать, а не продавать, черт тебя дер!

– Тогда заплатите один лунари – и милости просим. Следующий!

– Ладно! – рявкнул Шраон и отсчитал несколько монет. – Здесь два серебряных посоха и... два щитка.

– Четыре щитка.

– Три.

– Идет. Следующий!

Стражник сгреб монеты с ладони кузнеца и отодвинулся в сторону, пропуская компанию сквозь узкий проход – один из многих, проделанных в Торговых воротах. Кобылу его напарник повел через главный вход, и прежде, чем получить ее назад вместе с телегой и нетронутой поклажей, Шраону пришлось расстаться и с четвертым щитком.

– Проклятые ворюги! – Кузнец зло сплюнул. – Откуда у простых фермеров деньги, чтобы каждое утро приезжать со своими обозами на рынок, – ума не приложу.

– Ты же вроде говорил, что бывал здесь, – заметил Фин.

Он глазел на толпу с подозрительностью, к которой при-
мешивалась доля благоговейного трепета.

– Бывал, и каждый раз это драка не на жизнь, а на
смерть. – Шраон потер повязку на глазу. – Ну хоть за оружие
денег не взяли – и на том спасибо. А раньше и такое выки-
нуть могли. Ворюги и головорезы, чтоб их. Идем. У ворот
лучше долго не торчать – карманники здесь кишмя кишат.

Они двинулись по главной улице, останавливаясь время
от времени, когда человеческая река становилась чересчур
бурной и грозила расколоть их маленькую компанию.

– Ну ничего себе, – восхитился Терин, – я в жизни столько
народу не видел! Вы гляньте, что они тут носят!

У Аннева и самого голова шла кругом. Платья, куртки,
штаны – вся одежда поражала не только необыкновенным
фасоном, но и причудливыми украшениями, которые, по-
видимому, считались здесь непременным атрибутом любо-
го наряда. К платью одной женщины были пришиты метал-
лические бубенчики, а манжеты и подол куртки ее спутни-
ка усеивали глухо постукивающие друг о друга деревянные
шарики. Какой-то мужчина в облегающем костюме бежево-
го цвета, обвешанный тоненькими трубочками из металла,
вскинул руку, подзывая экипаж, и трубочки мелодично за-
звенели. Звон от всех этих побрякушек стоял оглушающий.
Шраон угрюмо проталкивался сквозь толпу, не глядя по сто-
ронам. В одной руке кузнец крепко сжимал поводья, в дру-
гой – кошелек с монетами.

– Аннев, Фин, следите за телегой. Отколошматьте любого, кто к ней сунется. Мастер Никлосс, свой мешок лучше положи к остальным, иначе сам не заметишь, как от него одни лямки останутся.

Не успел Шраон закончить, как юркий мальчишка лет семи подскочил к зазевавшемуся Терину, перегнулся через борт телеги и схватил мешок с провизией. Аннев, крикнув, бросился к воришке, но за те пару секунд, что он огибал телегу, сопляк уже был таков.

– Виноват, – сконфузился Терин. – Засмотрелся на женщину со змеей. Но видели бы вы ту змею! Здоровенная, вся в черных и красных полосках, а внутри у нее – клянусь! – была крыса! С мою голову!

– Не отвлекаться! – загремел Шраон. – Жулики только и ждут, чтобы вы рты от удивления пораскрывали! Диковинные звери, невиданные зрелища, чудики, расхаживающие в чем мать родила, – это все уловки для отвода глаз, ясно вам?

– Как это – в чем мать родила? – Терин оживленно закрутил головой. – А я не видел!

– Угомонись!

Через некоторое время они свернули с главной дороги и смогли наконец немного перевести дух.

– Куда мы направляемся? – спросил Аннев у Шраона.

– Рив должен ждать нас в старой части Нижнего квартала. Там есть местечко, рядом с южными доками, «Бездонный кубок» называется. В нем мы и устроимся на ночлег. До ве-

вчера к нам вряд ли начнут цепляться, так что предлагаю сначала управиться с делом Цзяня. Пойдем в Высокий квартал: в его южной части обитает большинство знатных семейств, не исключено, что и у вашей Галки там гнездышко.

– Сосья Рокас, – кивнул Аннев. – И если она согласится пойти с Цзянем...

– ...до Банока они и вдвоем доберутся. Долг уплачен – проблема решена.

– Отлично.

Они свернули на очередную мощеную улочку и двинулись на юг, в сторону низких, поросших соснами холмов Возгара.

Фин поравнялся с Анневом и тихо спросил:

– Что это еще за Сосья Рокас?

Аннев удивленно поднял брови:

– Ты что, не помнишь? Мы встретили ее во дворце Янака.

Фин ответил озадаченным взглядом.

– Ой, точно, – спохватился Аннев, – ты же почти оглох после того, как кресло Янака взорвалось.

Фин раздраженно кивнул.

– Помнишь женщину, которая украла жезл принуждения?

– Еще бы. – Парень угрюмо засопел. – Впервые в жизни надо мной взяла верх какая-то девчонка.

Аннев едва не закатил глаза. Он чуть не напомнил, как во время недавнего соревнования в лабиринте знающие девы взяли верх над всеми мальчишками, но решил сдержаться.

– Это и есть Сосья из дома Рокас. Она *аристократка*,

Фин. Ее семья вхожа в королевский дворец, представляешь?

Фин немного подумал.

– А зачем мы ее ищем? Чтобы забрать жезл?

– Нет. Краснопал задумал отправиться за сокровищами и хочет, чтобы Содья к нему присоединилась. Вот Цзянь и попробует ее уговорить.

– За сокровищами? – оживился Фин. – И почему я узнаю об этом только сейчас?

– Потому что сокровища, которые они собираются искать, – это не серебро и золото. Краснопал говорил что-то о Молчании богов и о том, что собирается якобы положить ему конец. – Аннев тряхнул головой. – Вот и пусть, а у меня и без того проблем с богами хватает.

С минуту они шли молча.

– Ну ладно, допустим, найдем мы эту Содью, – сказал Фин. – Можно подумать, она встретит нас с расprostертыми объятиями. Между прочим, она тебя к трупу приковала!

Он коротко хохотнул, потом снова помрачнел.

– Кстати, что там произошло? Я думал, Кентон тебя освободит, а он прибежал и давай нести какую-то чушь: мол, крыша обвалилась и ты сгинул под обломками. А, нет, погоди. Ты вроде бы заживо сгорел. В общем, не помню. Я так понял, он просто решил от тебя избавиться.

– Приятно слышать, что ты за меня волновался, – произнес Аннев, глядя по сторонам. Вопрос Финя он как будто пропустил мимо ушей. – Так каков твой план? Долго еще со-

бираешься оставаться с нами?

Фин цокнул языком:

– Я был бы не против еще раз встретиться с этой Содьей. Главное, чтобы она снова не начала шипастым кнутом размахивать. Так что подожду пока – интересно, чем дело кончится.

– Значит, если атмосфера накалится, я могу на тебя рассчитывать? Если все же появится шипастый кнут?

– Без проблем.

По улице, разделявшей Ремесленный и Торговый кварталы, они дошли до перекрестка. Там они свернули и по извилистой дорожке направились к широкой реке, блестящей вдали.

– Почему мы идем на север? – спросил Аннев, который все время оглядывался по сторонам, пытаясь сориентироваться.

– Сначала нужно пересечь восточную реку, – объяснил Шраон, указывая рукой. – Это Северная Токра, она течет в Квири. Если пойдем через мост на главной улице – вконец разоримся, путников там обдирают как липку. А вот в Речном округе пошлины вполне человеческие, поскольку мало кому хочется делать крюк через этот милый район. Помимо всего прочего, здесь находятся и лодочные стоянки.

Аннев понимающе кивнул. В воздухе с каждым шагом все сильнее воняло протухшей рыбой; причудливые наряды исчезли как по мановению волшебной палочки, уступив место

заляпанным хламидам из грубого домотканого полотна. У излучины реки полным ходом шла разгрузка пришвартованных судов и суденышек. Шраон повел всех туда, где тюки, притащенные с лодок, погружались в повозки.

– Разбирайте оружие и мешки с личными вещами, – сказал он, распрягая кобылу. – Остальное навьючим на лошадку.

– Ты хочешь бросить телегу?

– Да, без нее пойдем быстрее. Разрешения на продажу у нас нет. Если рискнем и нас поймают, меня бросят в тюрьму и будут держать там до тех пор, пока я не выплачу штраф. А это несравнимо большая сумма, нежели та, что мы выручим за телегу, можете не сомневаться.

– Почему тогда мы не бросили ее еще у ворот? – оторопел Аннев. – Ты тому стражнику целую луну отдал, чтобы он пропустил нас с телегой. А ведь могли бы здорово сэкономить.

– Мы и сэкономили.

– Это как?

– У стражников жесткий приказ – не впускать в город бедняков. Явись ты с одним тощим мешком за плечами – и тебя заставят платить больше, чем остальных: налог на туризм, городской налог, столичный налог, въездная пошлина, дорожный налог. Тьфу! – Шраон раздраженно сплюнул.

Аннев задумчиво почесал подбородок. Этот город изумлял его все больше.

– Но зачем нам избавляться от телеги?

– В Высокий квартал въезд дозволен лишь экипажам. А телегу пропустят, только если у владельца имеется разрешение на торговлю.

Фин цветисто выругался.

– Идиотский город! А плевать здесь без разрешения можно?

– Можно, но не в Высоком квартале. Поэтому следите за своими манерами. Будете вести себя как деревенщины неотесанные – тут же пойдете рыбам на корм.

– Что это значит? – переспросил Терин, вытирая нос.

Шраон махнул рукой, указывая на обломки, плывущие по реке.

– Некоторые экономят на приличной лодке и перевозят груз на вшивеньких плотках. Нередко это заканчивается вот так.

Аннев остановился, глядя, как рабочие вытягивают на берег длинные куски дерева.

– Я бы лучше не рисковал, – добавил кузнец. – В этом городе все, что наспех сколочено, долго не живет.

Тут только среди мелких разноцветных щепок и разодранных мешков Аннев заметил несколько раздувшихся тел – по видимому, бывшая команда злополучного плота.

Они приблизились к одному из многочисленных мостов, переброшенных через реку, и Шраон вновь принялся отчаянно торговаться. В конце концов он снова полез в свой ко-

шелек («Бездонный он у него, что ли?» – подумал Аннев), отсчитал нужное количество монет и отдал стражнику. Тот кивнул, двое здоровяков, преграждавших путь на мост, шагнули в сторону, и Шраон ступил на шаткую веревочную конструкцию, ведя кобылу под уздцы. Лошадь испуганно попятилась, но Шраон приказал Фину встать с другой стороны, и вместе они закрыли животному обзор. На середине моста они остановились, чтобы осмотреться. Титус указал на северо-запад, и путники уставились на множество других мостов, соединяющихся над бегущей водой. Вдалеке виднелась вторая река, которая несла свои воды на юго-запад, к океану.

– Шраон, ты говорил, что между реками прорыт канал, – заметил Аннев. – Где же он?

Кузнец довольно крикнул:

– Забыл упомянуть любопытную деталь. Его прорыли несколько лет назад, соединив Старый квартал с районом Низовья, однако это здорово подпортило жизнь уличным торговцам. В итоге канал запечатали, а поверх проложили дороги.

У Терина глаза полезли на лоб от удивления.

– Ты хочешь сказать, что он проходит *под землей*?

– Точно.

– И по нему даже лодка может проплыть? И даже галеон?

Шраон скептически дернул бровью:

– Сомневаюсь, что ты знаешь, как выглядит галеон, но... небольшой корабль с короткой мачтой – запросто. Под сто-

лицей существует целая сеть торговых туннелей, но ею пользуются лишь те, у кого денег куры не клюют, да кучка бандитов. Остальные туда не суются, и мы не станем.

– Если это – Северная Токра, – Аннев указал рукой на реку у них под ногами, – то вторая, очевидно, Южная Токра?

Шраон кивнул:

– Главные сокровища Лукуры. Говорят: «В Лукуру течет золото, из Лукуры – вода», и, по сути, так оно и есть.

Аннев, впитывающий каждое слово, тихонько присвистнул: все это было невероятно сложно для его понимания и в то же время безумно захватывающе. Тут сборщик пошлины громко велел им поторопиться и не перегружать мост, что они и сделали. На западном берегу, как и на восточном, всю кипела работа. Компания повернула на юг. Справа от них лежал Речной округ, слева – более зажиточный Торговый квартал. Аннев вертел головой по сторонам и не уставал удивляться: как это возможно, чтобы две части города, разделенные всего лишь дорогой, так разительно отличались друг от друга? Они пересекли громадную площадь, а дальше Шраон повел их извилистыми улочками на южную оконечность города. По мере того как они поднимались все выше, наряды горожан становились все изысканнее, краска на домах – свежее, а сами улицы – чище.

– Высокий квартал уже близко. – Шраон кивком указал на аккуратно подстриженные деревья, посаженные вдоль дороги. – Простолюдинов там мало, а стражников хоть отбав-

ляй, поэтому следите не за кошельком, а за языком. И не сворачивайте на пешеходные тропинки – они предназначены для благородных ног. – Кузнец ткнул пальцем на обочину. – Идете по водосточной канаве, голову не поднимайте. Пока никто нас не тронет, а там... – Он на мгновение умолк, размышляя. – Мастер Никлосс, как вы смотрите на то, чтобы немного проехаться верхом? Наша пешая процессия станет не столь многочисленна и привлечет меньше внимания. Терин, ты возьми поводья.

Цзянь беспрекословно забрался в седло, и они двинулись дальше. Возглавлял шествие Шраон, в паре шагов за ним шел Титус, который так крепко вцепился в край своего маленького щита, украшенного молнией, что побелели костяшки. Терин зыркал по сторонам, Цзянь, спрятав лицо в складках капюшона, сидел неподвижно. Аннев с Фином шли позади.

Так они прошагали около мили.

– А куда подевались обычные люди? – спросил вполголоса Терин. – На последней улице я видел и торговцев, и попрошак, а тут их нет. Как будто там невидимая стена стоит, которая не дает им пройти дальше.

– И опять побрякушки на одежде появились, – заметил Фин.

– Мы только что вошли в Высокий квартал, – объяснил Шраон, окинув дорогу взглядом. – Если сюда забредет нищий, его тут же бросят в тюрьму как вора. Конечно, страж-

нику может взбрести в голову отпустить его – тогда он избьет бедолагу и скинет в реку.

Терин повернул к Шраону помрачневшее лицо:

– Нам опасно тут находиться?

– Да.

– Так чего мы сюда сунулись?

– Дело в том, что наш белокожий мастер Никлосс, в капюшоне да восседающий на кобыле, с легкостью сойдет за благородную даму невысокого происхождения – так что, думаю, с этого момента будет уместно обращаться к нему «госпожа Никлосс». Вы с Титусом – ее слуги; мастера Фин и Аннев – вольные солдаты, которых я нанял для охраны моей госпожи. Отныне это наша история. Тебе, Цзянь, говорить нет нужды – на все вопросы будет отвечать доверенное лицо госпожи Никлосс, то есть я. Учитывая этот новый поворот, мы имеем полное право идти посреди улицы. Если нас остановят – скажем, что состоим в знакомстве с леди Содьей и ищем поместье Рокас. Любой стражник в здравом уме пропустит нас без лишних проволочек.

Шраон посмотрел на Титуса:

– Дай-ка сюда свой щит, сынок, он тут не к месту. Будем в Нижнем квартале – я тебе его верну.

Так они прошли еще одну милю. За это время им лишь единожды пришлось посторониться, и то лишь потому, что какой-то проезжающий мимо экипаж громыхал так, что угрожал до смерти напугать их лошадь.

Вскоре они оказались на просторной площади, в центре которой бил вычурный фонтан. Здесь было решено ненадолго остановиться. Пока Шраон размышлял, в какую сторону им двигаться дальше, мальчишки с любопытством взирали на местную публику. Неподалеку от них какой-то щеголь в курточке с непомерно огромным дутым воротником тренкал на лютне, пытаясь впечатлить женщину в цветастом шелковом платье, подол которого был увешан жемчужинами. По другую сторону от фонтана расхаживал туда-сюда лысый мужчина. На нем была жилетка, каждый дюйм которой украшали фантастические узоры; длинные усы, обильно смазанные маслом, блестели на солнце. Позади него стояли трое рабов-илюмитов, которых мужчина расхваливал во весь голос, клятвенно заверяя, что каждый из них божественно поет и танцует, а помимо того, обладает восхитительной гибкостью и пластикой тела.

– Взгляните на этих грациозных сладкоголосых пташек! Осененные светом самой Люмеи, они сияют, подобно рубину, ограненному мастером-ювелиром! Пение их воспламенит сердце, а одно лишь прикосновение разожжет неукротимый огонь в ваших чреслах!

Он улыбнулся человеку, который остановился у самого юного из рабов.

– Отличный выбор, милорд! Имеется ли у вас партнер для утех? О, поверьте: если вы не делили ложе с илюмитским дикарем – вы не познали истинной страсти!

– Так, – прошептал Шраон, не обращая внимания на зазывные речи рабовладельца. – Эта улица ведет напрямиком ко дворцу короля Ленки. В тех же краях находятся несколько крупных имений королевских придворных. Прочая знать ютится в особняках поменьше вдоль боковых улочек. – Кузнец посмотрел на Аннева и Цзяня. – Есть соображения, где может обитать наша леди Содья?

– Мне это неизвестно, мастер Ченг, – ответил Цзянь, взглянув на кузнеца. – Но полагаю, ваш друг нам поможет. Вот он идет.

Он снова опустил голову. Остальные обернулись: работороговец огибал фонтан, спеша в их сторону.

– Лорд Ченг! Вот так сюрприз! Какими судьбами в Лукуре?

Шраон вздрогнул от неожиданности, а потом рассмеялся:

– Фаргинанд Калдарен, ах ты, старый лис! Ты-то что здесь делаешь? Последний раз, когда я о тебе слышал, ты усердно ухаживал за одной из моих кузин. Той, что толстая. Эмеральда, кажется?

Мужчина тоже засмеялся. Покручивая волнистый ус, он промокнул вспотевший лоб надушенным носовым платком.

– Это было целую вечность назад, Шраон! – сказал он. – Я решил умерить аппетиты и женился на лукурийке, которой нужны были связи на Острове. Однако должен признать, она значительно симпатичнее твоей кузины, а уж темперамент у нее какой – хо-хо! Ни дать ни взять дикая кошка!

И продолжил, уже намного громче:

– Но никто не сравнится с этими страстными илюмитами! Не стесняйтесь, миледи, подойдите ближе. Да-да, потрогайте! Чувствуете, какие мышцы? Он будет дни напролет развлекать вас и ваших дочерей, даю гарантию! Обратите внимание, какие сильные пальцы – они закалены струнами арфы! Бумаги о стерилизации прилагаются. Прошу заметить, что все уже зажило, поэтому ничто не помешает вам оценить его достоинства тут же, как только... Нет? Ничего страшного, миледи. Быть может, в следующий раз.

Он дождался, когда пожилая дама, которую сопровождал слуга, отойдет подальше, и вновь повернулся к Шраону:

– Так каким ветром тебя занесло в Лукуру? Где ты был все эти годы? Надеюсь, больше не служишь выучным мулом тому еретiku?

– Конечно нет. Сначала у меня была кузница в Баноке, но потом слишком много конкурентов развелось, и я перебрался на юг. Ты же меня знаешь – я человек мирный и конфликтов не люблю.

Фартинанд засмеялся густым утробным смехом. Грудь заходила ходуном, полы жилетки расползлись в стороны, обнажив коричневые соски.

– Если только на них не повышенный спрос! Знаю-знаю. – Рабовладелец покачал головой, и длинные усы заколыхались. – Тебе следует вернуться на север. Я знаю немало людей, кто этому обрадуется.

– И наверняка еще больше людей, кто будет рад, если я не вернусь.

– Тоже верно. Блистательный король Ченг, четвертый своего имени, был на редкость прижимистым ублюдком. Король Ченг Пятый ведет себя более великодушно: торговля с югом идет веселее, мы расширили свои интересы на севере. Народ в восторге. Золото через Иннистиул течет рекой. Ты бы зажил там припеваючи, Шраон, тем более что при дворе далеко не последний человек.

– Довольно, – запротестовал Шраон и поднял руку, призывая Фартинанда умолкнуть. – Ты и сам знаешь, почему я покинул отчий дом.

Он бросил быстрый взгляд на Аннава.

– И возобновлять старые знакомства у меня нет ни малейшего желания. Я ищу поместье Рокас. – Шраон указал на Цзяня, чопорно восседавшего на лошади. – У госпожи Никлосс имеется личное дело к юной леди Содье.

– Тогда вам нужна матрона Тиана. Ступайте по Королевскому тракту, увидите вишневые деревья – значит вы на месте. Рокасы единственные, у кого они растут. Только осторожней. – Тут он заговорил тише, и Анневу пришлось податься вперед, чтобы разобрать слова. – Пальчики Тианы давно и плотно сжимают яйца короля Ленки, так что не вздумайте ее разозлить. Помнишь Фибу Анабо? Темноволосую красотку при дворе, которая вечно строила тебе глазки?

– Помню, – ответил Шраон, явно смутившись.

– Так вот, пять лет назад, по указу короля Ченга, мисс Анабо стала консулом при короле Ленке и теперь, на пару с семейством Рокас, почти целиком контролирует работоторговлю в Лукуре. В общем, ты с ними поаккуратнее.

– Я запомню. – Шраон подмигнул. – Спасибо, Франи. Ты всегда меня выручал.

– Само собой! Как бы ни переменялся ветер, ты всегда можешь положиться на своего друга Франи. Когда закончишь со своим делом – заглядывай в гости. У меня дом в Торговом квартале. Познакомишься с моей Магатой.

Он похлопал Шраона по спине, потом наклонился и что-то шепнул ему на ухо. Кузнец весело хмыкнул. После этого они пожали руки, обхватив друг друга за запястья, и попрощались.

– Старый друг? – спросил Аннев, когда они миновали фонтан с резвящимися в нем мраморными русалками.

– Да. Я знал Франи еще до того, как у меня щетина начала расти. Он был мне роднее брата. Со временем, однако, наши пути разошлись.

– А ты и правда родственник короля?

Кузнец фыркнул:

– Седьмая вода на киселе. – Он пожевал нижнюю губу. – Политика Ченгов меня не касается, и вряд ли мое внезапное появление их обрадует, так что держи язык за зубами. И зови меня Шраон Смит. Лишнее внимание нам ни к чему.

Они двинулись по Королевскому тракту, держась в сто-

роне от группы высокородных дам и их свиты. Через полмили им встретились два стражника, которые не сказали ни слова, лишь коротко кивнули Шраону. Вскоре высокие здания уступили место роскошным клумбам и плодовым деревьям. Мощенная булыжником дорога сменилась узорчатой кирпичной кладкой. Вдоль пешеходных дорожек тянулись изгороди с выкрашенными в разные цвета воротами, украшенными сверху металлическими пиками. На скале далеко впереди, там, где река делала последний поворот, возвышался сияющий замок.

– Это дворец короля Ленки, – пояснил Шраон, потирая лоб костяшками пальцев. – Жемчужина Большой Лукуры. Перекресток Империи. – Он усмехнулся. – Если говорить как есть, то перекресток – это канал под землей или та грязная площадь на окраине Торгового квартала... но благородные дамы и господа не любят, когда им об этом напоминают. Еще бы, ведь это... – он широким взмахом указал на скалу, увенчанную дворцом, – выглядит куда как представительнее.

– Вишни цветут. – Аннев кивнул в сторону сада у поместья между Южной Токрой и Королевским трактом. В воздухе колыхалось облако из крошечных розовых лепестков. Неспешно опускаясь, уже у самой земли они принимались кружиться в грациозном танце.

На железных столбах, обозначавших границы поместья, через каждые сто шагов красовалось изображение ворона. Компания прошла еще с полмили, когда на их пути появи-

ласть окаймленная кирпичным бордюром аллея, оканчивающаяся воротами в сад. Шраон кашлянул, прочищая горло.

– Ну вот мы и на месте. Как думаешь, мастер Никлосс, дальше справишься в одиночку?

– Как только встречу леди Содью – несомненно. Но до тех пор ваша помощь окажется весьма кстати.

– Ясно. – Шраон оттянул воротник и вытер шею. – Титус, сынок, возьми-ка свой щит. Пусть остается у тебя, пока мы здесь не закончим. Мало ли что.

Они направились к воротам, и лепестки цветущей вишни кружились вокруг них, как ароматный вихрь. Некоторое время тишину нарушал лишь цокот копыт по выложенной камнями аллее, пока путники двигались между цветущими деревьями – акры и акры цветущего сада простирались вокруг особняка.

Вдруг где-то поблизости ударили в гонг. По саду прокатился низкий монотонный гул, и в этот же момент деревья внезапно расступились, явив взорам мощные ворота. Некоторое время все молчали, уставившись на изображение ворона. Наконец Шраон поднял руку и постучал. Вышло слишком тихо. Он постучал сильнее, но звук снова подхватил и унес ветер. Тогда кузнец что было мочи ударил по воротам кулаком и рывкнул:

– Эй! Есть кто?..

Снова грянул гонг, на сей раз ближе, а следом, едва затих его зычный гул, раздался женский голос:

– Что такое? Кто там? Пьодр, ты ждешь гостей?

Голос был низким и гнусавым, с хныкающими нотками – в общем, такой, услышав который невольно начинаешь скрипеть зубами от раздражения.

– Пьодр! – снова крикнула женщина. – Ты кого-то ждешь?

– Нет! – ответили из дома фальцетом.

– А?

– Не жду я никого!

– Ну так пошли слугу, черт побери, пусть откроет!

Дверь дома распахнулась, и на пороге возник крепкий мужчина в цветастом жилете и черных брюках. Прищурившись, он оглядел компанию за воротами:

– Донья! Это еще что? Кто вы? Вас послала Гильдия работодателей? – Он поднес ладонь ко рту и прокричал в сад: – Донья! У нас и правда гости!

– Кого там принесло?

Из розового вихря лепестков материализовалась необъятная женщина в черном платье. Лицо у нее выглядело до странности худым. Она стояла, опершись о стену, как будто переводила дух.

– Что все это значит? – заскрежетала толстуха. Вид у нее был такой, словно одно присутствие этих людей оскорбляло ее до глубины души. – Вы зачем здесь? Сколько можно повторять: время изъятия вы оговариваете с Тианой – а если она не может вас принять, то с Кетритом. Нельзя вот так сваливаться – как снег на голову!

Она сморщила нос, словно почуяла неприятный запах.

– Мы не от Гильдии, – произнес Шраон громко, чтобы оба его услышали, – и мы здесь не из-за... изъятия. – Он переводил взгляд с мужчины на толстуху и обратно. – С кем имею удовольствие беседовать?

Женщина, Донья, скривилась еще сильнее; лицо Пьодрозарила белозубая улыбка, но глаза оставались холодны. Он щелкнул пальцами, и позади него появилась молодая служанка со связкой ключей в руках. Когда девушка открыла ворота, Пьодр шагнул навстречу гостям и протянул руку. Потом прижал ее к груди и отвесил легкий поклон:

– Пьодр Сэвор. – Он говорил с едва заметным акцентом, слегка поджимая губы. – Позвольте узнать ваше имя?

– Шраон Смит, – поклонился кузнец. – Моя госпожа, – он указал на Цзяня, – желала бы встретиться с леди Рокас. Она дома?

Толстуха ринулась вперед:

– Какая наглость – явиться без предупреждения и требовать аудиенции! Кто ваша госпожа? Где стража? А ну, уберите отсюда!

– Да угомонись ты, Донья. Люди пришли, представились, вежливо объяснили цель визита. Чего тебе еще надо? Прекрати вести себя как истеричная королева. – Пьодр жестом показал следовать за ним. – Прошу сюда. И не обращайтесь внимания на мою супругу, – кстати говоря, ей давно пора... прогуляться! – Последнее слово он прокричал во весь го-

лос. – Ну конечно, держи карман шире!

Донья засемила к дому, размахивая перед собой руками.

– Проклятые вишневые деревья, никакого спасения от них, – проворчала она, отплевываясь. – Вырубил бы все до единого, да обошлись они в целое состояние.

– Тронь хоть веточку, и Тиана шкуру с тебя живьем спустит, – заверил ее супруг и, не прекращая улыбаться своей натянутой улыбкой, кивнул Шраону. – Значит, у вас дело к матроне Тиане? Она ожидает вас?

– Не совсем так. – Шраон нерешительно топтался на месте. – Говоря по правде, мы хотели бы увидеть юную леди Рокас – леди Содью.

– Содью? – повторил за ним Пьодр так, будто впервые слышал это имя.

Глазки-бусины сверкнули; он повернулся к жене и пропел до отвращения сладким голоском:

– Донья, когда ты последний раз виделась с леди Содьей? Донья издала странный звук – не то прыснула со смеху, не то оскорбленно фыркнула – и с нажимом произнесла:

– Содью? Уже и не припомню, Пьодр.

Она встала рядом со служанкой, загородив собою всю аллею. Поросячьи глазки перебегали с одного чужака на другого, пока наконец не остановились на Цзяне.

– Давно это было. Кстати, мы ведь ее ищем, не правда ли, Пьодр?

– Точно. – Пьодр подошел к жене. – Уже много месяцев ищем. – Он сунул большие пальцы в карманы жилета. – Волнуемся за нее: а вдруг случилось что-то ужасное? Вы с ней в последнее время не встречались?

В его голосе послышались угрожающие нотки. Шраон коротко взглянул на Аннева и Цзяня и покачал головой:

– Увы, поэтому мы и здесь. Моя госпожа надеялась кое-что с ней обсудить.

– Ха! – Донья развернулась и грузно зашагала к дому. – Если хотите пожаловаться на эту стерву – придется встать в очередь!

Она с грохотом захлопнула за собой дверь. Пьодр фыркнул.

– Прошу простить мою супругу, – процедил он сквозь зубы, а потом снова заговорил громче, чтобы слова непременно достигли слуха Доньи. – Она человек *старой* закалки!

Оглянувшись через плечо, он посмотрел на дверь, потом поднял голову к окну второго этажа. Аннев проследил за его взглядом и увидел человеческую фигуру, стоящую за серой прозрачной шторой.

– Мы будем чрезвычайно благодарны за любые сведения о местонахождении Содьи. Ее матери необходимо обсудить с ней некое дело, не терпящее отлагательств. – Он облизнул губы и добавил монотонным речитативом: – Доставившему юную леди Рокас домой в целости и сохранности матрона Тиана обещает щедрое вознаграждение. – После чего вновь

улыбнулся и произнес: – Всего хорошего.

Не успел Шраон и слова сказать, как мужчина захлопнул ворота, взлетел по ступеням крыльца и вместе со служанкой исчез в сумраке дома. Дверь за ним закрылась, и ключ громко провернулся в замочной скважине.

Глава 19

Прости, мастер Никлосс, – сказал Шраон, когда они снова вышли на Королевский тракт. – Долг жизни так и остался неуплачен, но я не вижу, что еще мы можем для тебя сделать.

– Это потому, – спокойно изрек Цзянь, – что будущее – не камень, неподвижно стоящий посередине поля. Это река. Она всегда течет лишь в одну сторону, но когда мы входим в ее воды, она меняет русло.

– А мне ты вчера говорил совсем другое, – возмутился Аннев, шагающий сбоку от него. – Ты сказал, что человек не может бороться с тем, что предназначено ему судьбой.

– Так и есть. – Цзянь скинул с головы капюшон, с наслаждением подставив голову свежему ветерку. – Судьба нередко находит нас, когда мы пытаемся сбежать от него окольными путями.

– Тогда как ты объяснишь то, что случилось сегодня? Было ли это неизбежно? Или нам вообще не следовало соваться к этим Рокасам?

– Нет. Сюда нас привел Судьба, и он же приведет нас к

Содье. Точнее, вас. – Цзянь обвел широким жестом всю компанию. – Я же останусь с вами до тех пор, пока она не откроет мне свое лицо. Тогда я приглашу ее присоединиться к Краснопалу, и она даст согласие.

– Почему ты так уверен?

– Потому что она *должна* согласиться. Ее предназначение связано с этими илюмитами, их цели схожи. А еще потому, что оно связано с тобой и твоими товарищами.

– А значит, и мы с Краснопалом в одной упряжке? – Аннев с тревогой посмотрел на Шраона.

Белые брови Цзяня удивленно взметнулись вверх.

– Ну конечно же. Так происходило изначально, неужто ты не заметил? Монета, которую ты дал Краснопалу. Долг передо мной и мастером Корентином. Путешествие в Лукуру. – Цзянь взмахнул рукой, указывая на тянущиеся вдоль дороги особняки. – Все это было предназначено Судьбой.

– С меня хватит, – заявил вдруг Фин, выходя вперед. – Я полдня слушаю вашу болтовню, пока кузнец раскидывается нашими монетами направо и налево. Я говорил, что сначала дождусь, когда мы встретим эту Содью, но раз не сложилось... – Он ткнул пальцем в Шраона. – Ты обещал свести меня с людьми, которые хорошо заплатят за мои услуги. Где же они? Лукура доверху набита деньгами, но я пока ни медяка не увидел – не считая те, что ты то и дело достаешь из кошелька. – Фин подтянул пояс, на котором висело оружие. – Итак, ты собираешься выполнять обещание или мы расста-

емся прямо на этом месте и я сам иду искать себе работу?

Шраон оглянулся. В единственном глазу кузнеца вспыхнули искорки.

– Я свое слово сдержу, мастер Фин, но если тебе не терпится испытать удачу – милости прошу. Ты ведь уже заметил, что обычаи в этом городе немного странные? Здесь нечаянно закон нарушить – раз плюнуть. Глазом моргнуть не успеешь, как окажешься за решеткой, – и это еще далеко не самая большая неприятность.

– *Нечаянно* нарушать закон в мои планы не входило.

Шраон обнажил зубы в волчьей ухмылке:

– Тогда как насчет подпольного кодекса? Советую как следует с ним ознакомиться, прежде чем лезть на рожон. А подполье здесь весьма примечательное: Гильдия нищих, Гильдия воров, Гильдия ассасинов. Даже у проституток имеется что-то вроде профсоюза. Впрочем, подобный заработок тебя вряд ли интересует.

– Ты-то откуда все это знаешь?

Шраон, ухмыляясь по-прежнему, почесал глаз под повязкой.

– Много лет назад работорговля в Лукуре была вне закона. Иннистиульцы продавали свой товар на черном рынке, в подземных трущобах. Поэтому с темной стороной столицы мы были знакомы не понаслышке. Часть того мира со временем переползла на поверхность, но... только часть.

Его слова немного остудили пыл Фина.

– Так и быть, я остаюсь. Но ты сведешь меня с нужными людьми. Сегодня, ясно?

– Скоро будем в Речном округе. Оттуда рукой подать до Нижнего и Пепельного кварталов.

– Пепельный квартал? – подал голос Терин. – Что за квартал такой?

Кузнец остановился и стал водить пальцем по воздуху, рисуя воображаемую карту:

– Вот Высокий квартал. Тут нет никого, кроме короля и приближенных. Дальше идет Торговый квартал и Открытый рынок. Они почти со всех сторон окружены Речным округом, который делится на Верховье и Низовье. Народ здесь по большей части уважаемый: капитаны лодок да честные работники. А вот тут уже начинается Нижний квартал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.